

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Сочиненія Отца Іоанна Кронштадтскаго.

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ

въ шести книгахъ, свыше 1,200 стр., съ портретомъ автора и биографическ. очеркомъ составленнымъ С. Головановымъ. Кн. I—III. Дневникъ. Кн. IV. Правда о Богѣ, мірѣ и человекѣ. Кн. V—VI. Мысли о богослуженіи православной церкви.

Эти сочиненія, переведенныя почти на всѣ европейскіе языки, служатъ прекраснымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить и свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій пастырь апостольскимъ завѣтомъ: „Подражайте мнѣ, какъ и я Христу“.

Выписывающіе изъ редакціи журнала „Русскій Паломникъ“ (Спб., Стремянная, 12), улачиваютъ вмѣстѣ съ журналомъ за 1903 г. 5 р. и за перес. 1 р. Отдѣльно отъ журнала 1 р. 50 к., за перес. 50 к.

О КРЕСТѢ ХРИСТОВОМЪ

противъ раскольниковъ. 125 стр., цѣна 35 коп. съ перес. 45 коп.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНО
для фунда. и учен. библ. дух. семин. и женск.
духовн. учил.

ДНЕВНИКЪ ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

118 стр., цѣна 25 коп., съ
перес. 35 коп.

Иллюстрир. путевод. по святымъ мѣстамъ Востока.

Отъ Одессы до Афона и по Афону.
240 стр., съ 68 рисун., 1 план. и 2 картами. Цѣна 25 коп., съ пересылкой 40 коп., въ переплетѣ 40 коп., съ пересылкой 60 коп.

Отъ Афона до Иерусалима и по св.
мѣстамъ Палестины. 208 стр., съ 46 рис.,
планомъ и картою. Цѣна 25 коп., съ
перес. 40 коп., въ переплетѣ 40 коп.,
съ перес. 60 к.

Художественныя произведенія.

Изображеніе св. великомуч. ицѣлит.
Пантелеймона. Отпечат. въ 20 крас. Разм.
17×14 д. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Копія съ чудотвор. Иверской иконы
Божіей Матери, исполн. тисн. на металлѣ
крас., въ рельефѣ. зол. ризѣ, разм. 11×9 д.
Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 40 коп.

Курско-Коренная икона Богомат.
Копія съ чудотв. иконы, исполн. тиснен.
на металлѣ въ 18 крас., разм. 13×10 д.
Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 40 к.

Нерукотвор. образъ Христа Спасит.
Копія съ образа, находящ. въ домикѣ Петра
Вел. въ Спб., исполн. тисн. на металлѣ въ
18 крас., разм. 11×9 д., въ рельефѣ. зол.
ризѣ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 40 к.

Моленіе о чашѣ. Копія съ карт. извѣст.
худож. проф. А. О. Бруни, исполн. на метал.
въ 18 крас. Разм. 12½×9 д. Ц. 1 р., съ перес.
1 р. 40 к.

Хожденіе Христа по водамъ. Копія
съ картины профессора И. К. Айвазов-
скаго, исполненная на металлѣ, раз-
мѣромъ 7×10½ дюйм. Цѣна 75 коп.,
съ перес. 1 руб.

Портретъ отца Іоанна Кронштадт-
скаго. Исполненъ на металлѣ въ 18
красокъ, размѣромъ 5½×7 вершковъ въ
овальной рельефѣ. рамѣ. Цѣна 1 р., съ
перес. 1 р. 40 к.

Водопадъ Кивачъ. Большая картина
(выш. 20 д. шир. 30 д.) отпечат. маслян.
краск., съ оригина. акад. В. Г. Казанцева.
Цѣна 1 руб.

Крушеніе Императорскаго поѣзда
17 Октября 1888 г. Большая историч.
картина, отпечат. въ 22 краски (выш. 21 д.,
шир. 30 д.) извѣст. худож. Н. Н. Каразина.
Цѣна 1 руб.

Сорский, (преп. ; ок 1433-1508)

Н. Малестиновъ.

ВЕЛИКІЙ СТАРЕЦЪ.

Очеркъ жизни преп. Нила Сорскаго.

К. ин 1396394

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство П. П. Сойкина.
Стремянная, № 12, собств. д.

Вологодская областная
универсальная

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вторая половина XV-го столѣтія была въ жизни русскаго общества тѣмъ временемъ, когда его умственное и нравственное состояніе пало до весьма низкаго уровня. Выдвигалось и достигалось одно внѣшнее, совершенно забывалось все внутреннее, возвышенное. И вотъ въ это время всеобщаго упадка—вдали отъ міра съ его суетой зажегся свѣтлый лучъ, прорѣзавшій глубокую темь русской жизни. Это былъ знаменитый дѣятель русской церкви, „первооснователь скитскаго житія въ Россіи“ преп. Нилъ Сорскій. Изъ тиши пустыннаго уединенія онъ принесъ современникамъ новыя идеи, звалъ ихъ къ истинѣ, къ правдѣ, къ милосердію, къ жизни по велѣніямъ совѣсти.

Тогдашнее общество, хотя и не приняло обращеннаго къ нему призыва, все-таки не могло не окружить возвышенной личности подвижника благоговѣйнымъ уваженіемъ. И уваженіе это было настолько велико, что за преп. Ниломъ Сорскимъ лишь однимъ въ исторіи осталось наименованіе „великаго старца“.

Несмотря на все это, до насъ не дошло почти никакихъ свѣдѣній о жизни „великаго старца“. Правда, чѣмъ далѣе шло время, чѣмъ болѣе мѣнялась, становилась разумнѣе картина русской жизни, тѣмъ все болѣе и болѣе изъ мрака прошлаго выдѣлялась свѣтлая личность Нила,—но все-таки очертанія ея были смутны, факты изъ жизни отшельника спорны и не установлены. И вотъ цѣлый рядъ извѣстныхъ рус-

скихъ ученыхъ отдастъ свои силы на то, чтобы собрать хотя бы отрывочныя, но твердо установленныя свѣдѣнія о великомъ подвижникѣ.

Однако, русская литература и до сихъ поръ не имѣетъ такого труда, въ которомъ всѣ наличныя біографическія свѣдѣнія о Нилѣ Сорскомъ, собранныя воедино, были бы изложены въ формѣ цѣльнаго художественнаго произведенія. Попытку восполнить этотъ пробѣлъ и имѣетъ въ виду предлагаемый очеркъ.

Очерчивая отрѣшенную отъ міра идеальную личность „великаго старца“ и набрасывая попутно картину культурно-религіознаго состоянія эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ знаменитый подвижникъ, авторъ настоящаго очерка старался строго руководиться слѣдующими научными трудами и произведеніями, имѣющими отношеніе къ личности „великаго старца“.

Проф. А. С. Архангельскій: „Преп. Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси“. Историко-литературный очеркъ. Ч. I (о Нилѣ). Спб. 1882.—Наиболѣе подробный и обстоятельный трудъ, которымъ главнымъ образомъ и руководился авторъ.

Проф. В. П. Шевыревъ: „Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“. М. 1850.

Митр. Макарій: „Исторія русской церкви“, т. VI. Спб. 1874.

В. Жмакинъ: „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“. М. 1881. Двѣ первыя главы въ книгѣ—объ исторіи направленій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.

Проф. Н. И. Костомаровъ: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, гл. XVI.

Проф. А. С. Павловъ: „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель“.

Архіеп. Филаретъ: „Обзоръ русской духовной литературы“ и „Житія святыхъ“.

А. В. Горскій: „Отношенія иноковъ Кирилло-Бѣлозерскаго и Іосифова - Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ“ (въ „Прибавл. къ твор. св. отцовъ“, издававшихся при Моск. Дух. Академіи, т. X, 1851 года).

А. Правдинъ: „Преп. Нилъ Сорскій и уставъ его скитской жизни“ (въ „Христіанскомъ Чтеніи“, январь 1877 года).

Дружининъ В. и Дьяконовъ М.: „Бесѣда Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ“. Спб. 1889.

Иконниковъ: „Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка“ (въ „Кіевск. Университ. Извѣстіяхъ“, 1866 г., №№ 1—2).

Иконниковъ: „Опытъ изслѣдованія культурнаго значенія Византіи“. Кіевъ, 1869.

Проф. С. М. Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. V.

Пановъ: „Отношенія иноковъ Кириллова и Іосифова монастырей“ (въ „Прибавл. къ твор. св. отцовъ“, ч. X, 506).

Розановъ: „Споръ іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами“ (въ „Странникъ“ за 1877 годъ, т. II, май).

Архим. Іустинъ (впослѣдствіи еп. рязанскій): „Преподобный и богоносный отецъ нашъ Нилъ, подвижникъ Сорскій, и уставъ его о скитской жизни“. М. 1886.

„Нила Сорскаго преподобнаго, перваго основателя скитскаго житія въ Россіи, духовныя наставленія о скитскомъ пустынножительствѣ“. М. 1889, изд. Морозова.

Ө. Успенскій, акад., директоръ Константинопольскаго Археологическаго Института: „Очерки по исторіи византійской образованности въ XIV вѣкѣ“.

Радченко: „Церковно-религіозное движеніе въ Болгаріи предъ турецкимъ нашествіемъ“ (въ „Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ“). — Послѣднія двѣ книги весьма важны для пониманія настроенія Нила Сорскаго.

I.

Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе утра. Надъ безчисленными большими и малыми озерами и рѣчками, раскиданными по окрестности, всталъ и стройной полосой вытянулся туманъ. Въ бѣлесоватомъ сумракѣ сѣверной ночи рѣзко стали замѣтны яркія полосы зари. Царила та полная, невозмутимая тишина, какая бываетъ въ природѣ только передъ разсвѣтомъ.

Нарушали эту тишину лишь быстрые, торопливые шаги путника, одиноко шедшаго по пыльной дорогѣ. На видъ путнику нельзя было дать болѣе семнадцати—восемнадцати лѣтъ. Это былъ стройный средняго роста юноша. На чрезвычайно исхудаломъ полу дѣтскомъ тѣлѣ его висѣлъ кафтанъ, какой въ то время носили обыкновенно подьячіе на Москвѣ и другіе мелкіе приказные служащіе. На ногахъ были лапти, за плечами тощая котомка. Несмотря на чувствовавшуюся въ воздухѣ предразсвѣтную свѣжесть, съ исхудалаго блѣднаго лица юноши струился отъ быстрой ходьбы потъ. Однако, въ глазахъ, горѣвшихъ какимъ-то необыкновеннымъ огнемъ, незамѣтно было ни тѣни усталости...

Сзади юноши по дорогѣ слышался грохотъ телѣги. Но онъ не обернулся. И только когда телѣга поравнялась съ нимъ, юноша снялъ шапку и глубоко поклонился ѣхавшимъ. Это были, повидимому, мужъ и жена, оба чистые, принаряженные.

— Куда шествуешь, рабъ Божій?—спросилъ крестъ-

янинъ, пріостанавливая лошадь, — не къ Кириллу ли въ обитель?

— Да, въ обитель, — тихо отвѣтилъ юноша, — не скажешь ли, добрый человѣкъ, сколько верстъ осталось?

— За десятокъ еще... Даты садись, подвезу. Я туда же вотъ съ женой ѣду. Такъ мѣста нашего не займешь, а къ службѣ Божіей въ самый разъ поспѣешь... Чай, знаешь, что праздникъ нонче у нихъ самый главный въ обители: Кирилла самого память?

— Вѣдомо то, вѣдомо мнѣ, добрый человѣкъ. А на помощи твоей спасибо; какъ-нибудь ужъ доплетусь и такъ...

— Что, аль обѣтъ далъ? Ну, помогай тебѣ Богъ. А только съ дороги не сбейся. Вотъ какъ обойдешь эти озера и рѣчки, тутъ тебѣ сразу гора будетъ. Маурой называется. Съ нея и обитель какъ на ладони. Ну, да тамъ увидишь...

Словоохотливый крестьянинъ тронулъ лошадь, а юный путникъ снова быстро, торопливо зашагалъ по пыльной дорогѣ. Солнце уже взошло, и потеплѣвшій воздухъ наполнился стрекотаніемъ кузнечиковъ, пѣніемъ птицъ и сильнымъ запахомъ цвѣтовъ, живописно въ изобиліи росшихъ по берегамъ озеръ и по безпрерывнымъ пригоркамъ, между которыми вилась неровная дорога. Чѣмъ ближе къ обители, тѣмъ дорога все болѣе и болѣе оживлялась. Поднимались небольшіе холмы, пригорки съ избушками, съ вѣтряными мельницами. Словно зеркальныя стекла, замкнутыя въ красивыя рамки, лежали по обѣ стороны дороги небольшія озера, соединявшіяся между собой безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ. А по берегамъ ихъ, какъ бы тѣнясь къ водѣ, росли разнообразныя деревья и растенія.

Путникъ съ какой-то непередаваемой улыбкой тихой радости глядѣлъ на окружающую его природу, словно видѣлъ въ ней что-то близкое, родственное своей

мирной, чистой, тихой душѣ и тѣмъ думамъ, какія наполняли ее въ эти мгновенія.

Недалекъ уже былъ конецъ пути юноши. А щель онъ къ нему не день, не два, но цѣлые долгіе дни, стремился же всю жизнь. И теперь, когда завѣтная цѣль была близка, когда недалеки были тѣ стѣны, которыя должны были навсегда отрѣшить его отъ всего міра,—юноша еще разъ обернулся на свою недолгую, но богатую опытомъ жизнь. Вспомнилась ему подмосковная деревня, гдѣ онъ родился и росъ первые годы, вспомнилась богомольная мать, вся домашняя строго-благочестивая жизнь, неугасаемая лампадка въ углу... Ребенка, едва умѣющаго лепетать, учила мать молитвамъ въ этомъ углу, и тихій свѣтъ лампы каждый вечеръ и каждое утро озарялъ мать и сына-малютку, молитвенно склонившихся передъ иконой. Необычайную религіозность ребенка стали скоро замѣчать и сосѣди. Бывало, выгонять скотъ въ поле, мальчишекъ къ нему приставятъ. Спутаютъ коней ребятишки, пустятъ ихъ пастись, а сами соберутся гурьбой и начнутъ или сказки, какія отъ бабушекъ слышали, другъ дружке разсказывать, или игру какую заведутъ, или картошку жарить начнутъ,—но сына Маріи Майковой съ ними никогда не видно. Туда, гдѣ на скатахъ холма осины стройныя растутъ, уходитъ маленькій Нилъ, и тамъ, забравшись въ чащу деревьевъ, подолгу стоитъ на молитвѣ... О чемъ молился онъ, чего просила у Бога его чистая дѣтская душа? О томъ никто ничего не зналъ, но всякій, кто видѣлъ ребенка послѣ такихъ мгновений, замѣчалъ на его лицѣ и въ глазахъ печать какой-то нездѣшней, неземной, какой-то грустящей мысли: не молила ли Небо дѣтская душа сохранить ее отъ міра?.. Вечерами, когда въ небѣ начинали зажигаться пѣжно-грустными огоньками звѣзды, маленький Нилъ съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался въ нихъ. Какую тайну хотѣлъ разрѣшить его неокрѣпшій,

неопытный умъ? Не казались ли ему звѣзды просвѣтами какого-то иного, надземнаго міра, куда, быть можетъ, его душа рвалась отъ грѣшной, оскверненной человѣкомъ земли?.. Этого никто не зналъ...

Началъ подростать Нилъ, и ясно стало матери, что не работникъ онъ для ея хозяйства. Какъ ни хотѣлось ей имѣть всегда при себѣ сына, она не хотѣла идти вопреки его склонностямъ. На Москвѣ въ одномъ изъ приказовъ былъ у нея дальній родственникъ, подъячимъ служилъ. Къ нему и направилась Марія. Старичокъ Нифонтъ былъ доброй души человѣкъ. Онъ съ охотой и лаской принялъ мальчика на свое попеченіе. Засадилъ его вскорѣ за букварь, обучилъ грамотѣ, научилъ письму.

Нилъ быстро усвоилъ несложную мудрость тогдашней русской грамоты; почеркъ у него оказался хорошій. Тогда Нифонтъ далъ мальчику переписать небольшой квитокъ, и здѣсь успѣхъ Нила превзошелъ всякія ожиданія старика. Послѣ этого вскорѣ Нила помѣстили въ приказъ въ помощь дядѣ и начали давать ему все болѣе сложные и почетныя порученія: то указъ государевъ переписать вязью, то приказъ владычній, то рѣшеніе суда по какому-либо важному дѣлу. Мальчикъ съ чрезвычайнымъ стараніемъ и любовью писалъ все, и рукописи изъ-подъ его пера выходили красивыми, четкими. Но съ особеннымъ стараніемъ Нилъ переписывалъ священныя книги. Работа эта давалась со стороны, изъ монастырей. Правда, тамъ были свои „скорписцы“, но съ полуребенкомъ изъ приказа Майковымъ мало кто могъ справиться. Буква за буквой съ чрезвычайной любовью переписывалъ Нилъ священныя изреченія. При этомъ онъ вдумывался въ каждое слово, въ каждую мысль. Чего не понималъ или что ему казалось неяснымъ, то выписывалъ для себя. И вотъ, когда кончалась работа, онъ несъ ее торжественно въ обитель и здѣсь у умудренныхъ опы-

томъ жизни старцевъ просилъ разъясненій непонятнаго. Тѣ дивились, выслушивая не по лѣтамъ умныя, глубокія замѣчанія мальчика, и когда могли, давали отвѣтъ. А бывало такъ, что отвѣта и не находилось...

Кромѣ приказа и дома дяди, Нилъ не зналъ другого мѣста пребыванія, какъ храмъ. Кромѣ дороги въ обители, въ ихъ храмы, другія дороги неизвѣстны были мальчику. Часто по цѣлымъ часамъ выстаивалъ онъ на колѣняхъ въ углу храма. Поклоны его были часты, молитва усердна. Изъ покрытаго полумракомъ угла онъ выходилъ послѣ всѣхъ бывшихъ въ церкви. Сначала дядя безпokoился, куда такъ надолго уходитъ его племянникъ. Но потомъ, узнавъ, успокоился.

— Не жилецъ ты въ мірѣ, Нилъ,—говаривалъ перѣдко Нифонтъ.—Въ монастырь бы тебѣ.

— Я, дяденька, только этого и хочу.

— Такъ отчего же? Подростешь вотъ, да и переговорю я съ отцомъ архимандритомъ чудовскимъ. Онъ тебя, небось, знаетъ, такъ съ радостію приметъ. Скорописцемъ у нихъ будешь...

— Нѣтъ, дяденька, въ Москвѣ я не хочу.

— А что такъ?

И начнетъ Нилъ говорить о томъ, что въ московскихъ монастыряхъ не по-монашески живутъ: отрекаются отъ міра, а міру же кланяются, предъ міромъ заискиваютъ, угодыями, богатствами владѣютъ, сутяжничаютъ изъ-за этого другъ съ другомъ и съ властями мірскими...

— Развѣ это по-иночески? — воодушевленно говорилъ Нилъ. — Иноки потому такъ и называются, что они иные для міра, чужіе ему. „Міръ во злѣ лежитъ“, и они должны бѣжать изъ него навсегда, совершенно, въ пустыни, въ непроходимыя дебри... Тамъ, среди безмолвія,—глаза Нила устремлялись куда-то далеко-далеко,—иноки видятъ иную землю, иное небо... А

такъ ты, дяденька, и самъ видѣлъ въ приказѣ, да и мнѣ сердце измучило...

Нифонтъ добродушно улыбался.

— Строгонекъ ты больно, Нилъ. А все потому, что молодъ. Подростешь, такъ, коли будешь инокомъ,—самъ придешь въ приказъ сутяжничать.

— Нѣтъ, дядя,—горячо восклицалъ мальчикъ со слезами на глазахъ,—Богъ не попуститъ этого!

Добраго старичка, наконецъ, трогала такая непонятная печаль племянника и такое его исканіе. Онъ пытался дать посильный совѣтъ.

— А ты, Нилъ поищи. Можетъ, и есть на свѣтѣ истинные иноки и угодныя Богу обители.

— Я ищу...

Эти слова выражали самую глубокую сущность затаенныхъ желаній и мечтаній мальчика. Стоялъ ли онъ въ храмѣ, вдумывался ли въ смыслъ тѣхъ священныхъ словъ, какія выводила его рука,—мысль объ обители, въ которой можно найти истинное воплощеніе иноческихъ обѣтовъ, ни на мгновеніе не покидала его.

Наконецъ, горячее желаніе Нила сбылось. Въ Москву прибылъ святогорскій іеромонахъ Пахомій. Человѣкъ онъ былъ начитанный въ Св. Писаніи и въ святоотеческихъ твореніяхъ, а главное—способный составлять жизнеописанія святыхъ, что тогда на Москвѣ цѣнилось особенно высоко: среди москвичей не находилось ни одного подходящаго для этого занятія. Великій князь Василій Васильевичъ и митрополитъ Θεодосій воспользовались пріѣздомъ Пахомія для своей цѣли. Въ это время на Москвѣ чрезвычайно интересовались жизнью знаменитаго бѣлозерскаго подвижника Кирилла, скончавшагося недавно предъ тѣмъ, въ 1427 году. И вотъ Пахомію было поручено отправиться на Бѣлоозеро въ обитель Кирилла, собрать тамъ свѣдѣнія о его подвигахъ и составить жизне-

описаніе. Пахомій чрезъ нѣкоторое время вернулся съ выполненнымъ порученіемъ.

Но такъ какъ онъ самъ далеко не былъ силенъ въ красивой скорописи, а переписать житіе нужно было возможно красивѣе, то онъ сталъ искать, кто бы могъ выполнить этотъ трудъ. Списковъ нужно было сдѣлать нѣсколько: для царя; для патріарха и еще для нѣкоторыхъ именитыхъ лицъ. И вотъ сдѣлать одинъ изъ списковъ Пахомій, по совѣту чудовскаго архимандрита, поручилъ юному „скорописцу“ Майкову. Кто можетъ представить себѣ радость Нила! Дни и ночи просиживалъ онъ надъ порученной ему работой, и, чѣмъ болѣе онъ вчитывался въ жизнь Кирилла, тѣмъ для него все яснѣе и яснѣе становилась мысль, что именно здѣсь то, чего онъ такъ страстно искалъ...

И теперь, почти уже у воротъ обители Кирилла, Нилъ еще разъ до мельчайшихъ подробностей вспоминаетъ жизнь знаменитаго подвижника, столь высокую, столь прекрасную, столь манящую послѣдовать ей.

Въ 1337 году въ Москвѣ въ одной благочестивой семьѣ родился мальчикъ, котораго называли Кузьмой. Богобоязненные родители воспитывали своего ребенка въ страхъ Божіе, научили его знанію Священнаго Писанія и жизнеописаній христіанскихъ подвижниковъ. Наставленія родителей упали на добрую почву: поведение Кузмы и его обширныя познанія въ божественныхъ писаніяхъ радовали и родителей, и всѣхъ окружающихъ. Всѣ любили даровитаго и скромнаго мальчика.

Вскорѣ родители Кузмы умерли, и отрокъ перешелъ на попеченіе къ родственнику Тимофею, который былъ окольничимъ у великаго князя Димитрія и въ ряду другихъ вельможъ того времени славился знатностью и богатствомъ. Тимофеей полюбилъ Кузьму за его добрыя качества, но вовсе не хотѣлъ, чтобы

религіозность мальчика перешла извѣстный предѣлъ и привела его къ монастырю. Между тѣмъ у Кузьмы скоро созрѣло и заполнило всю душу одно желаніе: пойти именно въ монастырь. Почувствовавъ это желаніе, отрокъ обратился къ настоятелямъ нѣкоторыхъ ближашихъ монастырей съ просьбой принять его на послушаніе. Но настоятели знали крутой нравъ Тимоѣя и не рѣшались исполнить просьбу мальчика. Кузьма не отчаявался и, въ ожиданіи возможности выполнить свое желаніе, велъ и въ міру иноческую жизнь: онъ ревностно отдавался посту, молитвѣ, обильно творилъ милостыню, былъ прилеженъ въ посѣщеніи церкви Божіей, поддерживалъ чистоту тѣла. Тимоѣей, отъ котораго Кузьма тщательно скрывалъ свое намѣреніе, сдѣлалъ его казначеемъ всѣхъ своихъ богатствъ, а современемъ надѣялся оставить ихъ въ его полное распоряженіе. Но вышло иначе.

Въ то время въ Москву прибылъ Стефанъ, игумень махрицкій. Кузьма давно уже ожидалъ его прихода и теперь бросился къ нему съ горячей просьбой помочь исполниться его завѣтному желанію. Стефанъ, которому скоро стало извѣстно объ отношеніи къ этому дѣлу Тимоѣя, рѣшилъ дѣйствовать прямо. Призвавъ Кузьму, онъ возложилъ на него иноческое одѣяніе и наименовалъ отрока Кирилломъ. „Посвященіе это неполное,—добавилъ онъ отроку,—но Богъ милостивъ, и скоро ты станешь настоящимъ инокомъ“. Затѣмъ Стефанъ направился къ Тимоѣю, въ домъ котораго благочестиваго игумена уважала особенно жена окольничаго Ирина. Когда Тимоѣю доложили о приходѣ Стефана, онъ вышелъ къ нему и подошелъ подъ благословеніе. Стефанъ сказалъ:

— Богомолецъ вашъ Кириллъ благословляетъ.

Нѣсколько удивленный окольничій спросилъ:

— А кто это такой Кириллъ?

— А это,—отвѣчалъ игумень,—Кузьма, вашъ быв.

шій сродникъ, а теперъ инокъ, Господу работникъ и о васъ молеельщикъ...

Когда Тимоѳеѣ подробно узналъ обо всемъ происшедшемъ, онъ, несмотря на все свое уваженіе къ благочестивому игумену, наговорилъ ему дерзостей и вытолкалъ его изъ своего дома. Стефанъ смиренно ушелъ со словами Христа на устахъ: „Елицы аще не пріимуть вы ниже послушаютъ васъ, исходяще оттуду, оттрясите прахъ, иже подъ ногами вашими, во свидѣтельство имъ.“

Когда Ирина узнала, какъ мужъ обошелся съ пришедшимъ и что сказалъ, уходя, Стефанъ, она никакъ не могла успокоиться отъ горя.

— Какъ ты могъ такъ оскорбить такого святого и великаго человѣка,—говорила она съ укоромъ мужу,—отнынѣ благодать Божія отнимется отъ нашего дома... Коли Кузьма уже инокъ, значить, такъ угодно воля Божіей...

Тимоѳеѣ и самъ сознавалъ свою вину. Совѣсть не оставляла его своими укорами и угрызеніями. Наконецъ, онъ направился къ Стефану просить прощенія и заявилъ, что пусть Кузьма, нареченный Кирилломъ, дѣлаетъ, что велитъ ему его душа.

Когда услышалъ объ этомъ новонареченный инокъ, онъ необычайно обрадовался, тотчасъ же роздалъ все свое имѣніе нищимъ и просилъ Стефана отвести его возможно скорѣе въ обитель. Стефанъ отвелъ его въ Симоновъ, гдѣ и отдалъ на попеченіе архимандрита Теодора. Скоро отрокъ былъ постриженъ настоящимъ образомъ. Имя, данное ему махрицкимъ игуменомъ, осталось за нимъ. Въ то время въ Симоновомъ монастырѣ славился своей подвижнической жизнью инокъ Михайлъ, впослѣдствіи епископъ смоленскій. Этому-то иноку и былъ отданъ въ послушаніе Кирилъ. Скоро старецъ не могъ нахвалиться своимъ ученикомъ. Отрокъ постъ считалъ наслажденіемъ, въ зимнюю стужу хо-

диль безъ теплой одежды; ночью, когда старецъ читалъ псалтырь или стоялъ на обычномъ правилѣ, Кириллъ самъ усердно молился; въ церковь еще до звона являлся первый.

Чтобы испытать отрока, архимандритъ перевелъ его изъ кельи старца въ хлѣбню. Кириллъ и здѣсь проводилъ ночи безъ сна на молитвѣ, ѣлъ лишь столько, чтобы не быть голоднымъ, иногда же лишь для того, чтобы братія не узнала о его воздержаніи. Въ это время въ Симонову обитель нерѣдко пріѣзжалъ знаменитый подвижникъ земли русской Сергій Радонежскій. И стала замѣчать братія, что преподобный Сергій прежде всего заходитъ въ хлѣбню и тамъ наединѣ съ Кирилломъ проводить долгіе часы въ бесѣдѣ. Архимандритъ съ братією являлись къ преподобному, думая, что онъ начнетъ съ ними бесѣдовать. Но преподобный благословлялъ ихъ и тотчасъ же отъ нихъ отрывался для бесѣды съ Кирилломъ.

Все дивились, за что скромный, незамѣтный Кириллъ удостоенъ такой славы. Архимандритъ же полагалъ еще, что онъ возгордится, и перевелъ его на болѣе трудное послушаніе, въ поварню. Но смиреніе Кирилла было безгранично. Онъ не только съ покорностію, и даже благодарностію, принялъ распоряженіе настоятеля, но, чтобы еще болѣе унижить себя въ глазахъ братіи, принялъ на себя подвигъ юродства. Настоятель, не знавшій истинной причины такого поведенія Кирилла, подвергалъ его тяжелымъ наказаніямъ. Но Кириллъ отбывалъ ихъ и снова бралъ на себя новыя подвиги юродства. Наконецъ, игумень понялъ глубокое смиреніе мнимаго юродиваго.

Черезъ нѣкоторое время Кириллъ получилъ священный санъ, но поварни не оставлялъ: отпраздновавъ свою седмицу, онъ возвращался опять къ печенію хлѣбцовъ для братіи. Такое смиреніе настолько расположило къ нему сердца всѣхъ, что, когда архимандритъ

Федортъ былъ переведенъ на ростовское архіепископство, Кирилла поставили на его мѣсто. И въ новомъ санѣ Кириллъ былъ вполне доступенъ всѣмъ.

Къ новому настоятелю на бесѣду начали приходять многіе князья и вельможи. Однако, ему болѣе нравилось полное безмолвіе келіи. Поэтому Кириллъ скорѣе совсѣмъ оставилъ настоятельство и уединился въ келіи. Однако, привлекаемые славой о новомъ подвижникѣ, къ Кириллу продолжали приходять за совѣтомъ знатные люди многихъ городовъ. Это возбуждало зависть въ новомъ настоятелѣ, архимандритѣ Сергіи. Тогда, убѣгая отъ возможности соблазна, Кириллъ ушелъ въ древній монастырь Рождества Богородицы, что на старомъ Симоновѣ. Здѣсь онъ, соблюдая строгое уединеніе, проводилъ время въ молитвахъ и пѣніи акаѣистовъ Богоматери. Молился онъ о томъ, чтобы Пречистая указала ему путь и мѣсто для его подвиговъ.

И вотъ однажды ночью Кириллъ по обыкновенію стоялъ предъ образомъ Пречистой и пѣлъ Ей акаѣистъ. Когда онъ дошелъ до словъ въ ікосѣ: „Странное рождество видѣвши, устранимся міра и умъ на небо преложимъ“, — вдругъ ему ясно послышался голосъ, говорящій: „Кириллъ! Иди отсюда на Бѣлоозеро. Тамъ уготовано Мною тебѣ мѣсто, въ которомъ ты можешь спастись“. Кириллъ отворилъ окно своей келіи и увидѣлъ необычайный свѣтъ, сіявшій по направленію къ Бѣлоозерской области. Всю ночь провелъ подвижникъ въ необычайной радости.

Немного времени спустя съ Бѣлоозера пришелъ въ Симоновъ Оерапонтъ, постриженный вмѣстѣ съ Кирилломъ. Кириллъ, не выдавая своей тайны, сталъ спрашивать его: пѣтъ ли въ Бѣлоозерской области такого мѣста, гдѣ бы можно было иноку соблюдать полнѣйшее безмолвіе? Оерапонтъ отвѣтилъ утвердительно и съ восхищеніемъ отзывался о красотѣ при

роды въ Бѣлоозерѣ. Вскорѣ, а именно въ 1397 году, оба инока ушли на Бѣлоозеро. Придя туда послѣ дальняго пути, они исходили много мѣстъ. Ни одно изъ нихъ не понравилось Кириллу: онъ все искалъ такого мѣста, гдѣ бы сердце ему сказало, что это то самое мѣсто, которое было открыто въ видѣніи.

И вотъ однажды Кириллъ съ Ѳерапонтомъ взошли на гору Мауру. Когда Кириллъ, окинувъ взоромъ чудную открывающуюся даль, глянулъ внизъ, на лѣсную чащу, окруженную отовсюду, какъ стѣнами, водою,—сердце его сказало ему, что здѣсь ему суждено провести остатокъ жизни.

— Се покой мой въ вѣкъ вѣка,—воскликнулъ онъ въ молитвенномъ экстазѣ,—здѣсь вселюся: тако изволила Пречистая. Благословенъ отнынѣ и во вѣки Господь Богъ, услышавшій мое моленіе.

Спустившись съ горы, Кириллъ водрузилъ крестъ на избранномъ мѣстѣ и только тогда повѣдалъ Ѳерапонту свою тайну. Инокѣ выкопали пещеру и сначала жили вмѣстѣ, но потомъ Ѳерапонтъ понялъ затаенную мечту своего собрата и ушелъ въ другое мѣсто.

Кириллъ остался одинъ, чтобы въ шестьдесятъ лѣтъ начать новую жизнь, полную борьбы и лишеній. Мѣсто, гдѣ поселился подвижникъ, была небольшая, но чрезвычайно густая чаща, окруженная отовсюду озерами. Кругомъ не было почти ни одного человѣческаго жилища; жилъ только нѣкій земледѣлецъ, по имени Исаія. Этотъ Исаія послѣ рассказывалъ преподобному, что еще задолго до прихода подвижника отъ того мѣста, гдѣ впоследствии была устроена обитель,—раздавался колокольный звонъ, и слышалось чудное пѣніе. И слышалъ это не только самъ Исаія, но и многіе изъ окружныхъ жителей. Изумленные, они осматривали, изслѣдовали мѣсто, но ничего не находили.

Подвиги Кирилла начались въ подземной кельѣ Дремучій лѣсъ, загадочно шумѣвшій своими листьями

свирѣпыя волны, яростно бившіяся о неприступный берегъ, звѣри дикіе да далекія звѣзды были безмолвными свидѣтелями молитвенныхъ подвиговъ отшельника. Но потомъ прослышали о немъ окрестные жители, и два изъ нихъ, Авксентій Воронъ и Матеей Кукосъ, помогли Кириллу устроить деревянную хижину. Вскорѣ молва о мѣстѣ пребыванія Кирилла дошла и до Симонова монастыря, и два его инока, единомышленники и друзья подвижника, Зеведей и Діонисій, пришли къ нему, прося позволить жить вмѣстѣ съ нимъ.

Кириллъ несказанно обрадовался имъ. Но ихъ приходъ былъ только какъ бы началомъ притока подвижниковъ къ новому мѣсту. Пришелъ Наованаилъ, за нимъ еще и еще. И немного спустя вокругъ Кирилла собралось немалое число иноковъ. Вскорѣ ради общихъ нуждъ братіи была воздвигнута церковь Успенія—и, такимъ образомъ, было положено начало обители. А вмѣстѣ съ тѣмъ всюду начала распространяться слава о ея основателѣ. Имя его произносилось всѣми, какъ что-то священное. Добродѣтели его были многочисленны, и въ каждой изъ нихъ онъ успѣвалъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его.

Повѣствуя объ этихъ добродѣтеляхъ, Пахомій говорилъ, что одни хвалили блаженного за смиреніе, другіе за воздержаніе, третьи за пользу отъ словъ его, четвертые за простоту его...

Но Нилъ вспоминаетъ, что его въ великомъ образѣ знаменитаго подвижника и въ учрежденномъ имъ уставѣ для обители наиболѣе привлекала, наиболѣе восхищала и заставляла сердце радостно трепетать—строгая нестяжательность. Въ монастырѣ и въ кельяхъ никому не позволялось ничего имѣть своего и звать своимъ, а имѣть все общее; серебро же и золото даже не именовалось между братією, а находилось только въ монастырской казнѣ. Оттуда братія получала все, что каждому было нужно. Если кто чувствовалъ жажду,

1
долженъ былъ итти въ трапезу, чтобы утолить ее: воду позволялось держать въ кельѣ только для умыванія рукъ. Кому случалось зайти въ келью, тотъ ничего не могъ видѣть у монаха, кромѣ иконы или книги. Рукодѣліемъ занимались исключительно для монастырской казны, а на себя никто не смѣлъ ничего дѣлать. Одежду, обувь, все нужное братья получала изъ монастырской казны. Самъ Кириллъ носилъ одежду раздранную, не разъ починенную его собственными руками. Случалось, что обитель испытывала тяжелое матеріальное затрудненіе. Тогда братія просила Кирилла обратиться къ богатымъ „христіанамъ“, благочестивымъ покровителямъ обители. Но Кириллъ никогда не соглашался на такія просьбы братіи и ей воспрещалъ просить у кого бы то ни было милостыню. Благочестивая княгиня Аграфена, жена князя Андрея Можайскаго, хотѣла однажды угостить всю братію рыбой, но Кириллъ не позволилъ... Такъ велика была нестяжательность самого Кирилла, и такъ строгъ онъ былъ въ этомъ отношеніи къ своимъ ученикамъ!..

Это, собственно, и привлекало, тянуло главнымъ образомъ Нила къ памяти великаго подвижника. Чистое сердце юноши чувствовало, что здѣсь именно та главная черта, которая должна быть присуща иночеству. И вотъ Нилъ предпринялъ далекій путь для того, чтобы воочию увидѣть то мѣсто, ту обитель, гдѣ выполненъ величайшій изъ обѣтовъ иночества. Именно это главнымъ образомъ побудило Нила покинуть Москву и пойти въ невѣдомый и трудный путь къ Бѣлозеру.

Вспоминаетъ Нилъ, какъ трудно ему было уйти изъ Бѣлокаменной. Дядя въ послѣднее время сталъ зорко посматривать за своимъ племянникомъ, все разспрашивалъ, отчего тотъ грустенъ, задумчивъ, и уже не удовлетворялся обычными отвѣтами Нила. А тутъ Марія пришла изъ родной деревни и, принавъ къ

груди сына, просила, умоляла его не забывать ее, старуху, и скорѣй воротиться въ деревню—закрѣпить ея глаза.

— Умру я,—говорила Марія сыну,—воленъ ты идти куда Богъ да совѣсть повелѣтъ. А до тѣхъ поръ оставайся со мною...

Но душа сказала юному Нилу другое, и въ одно изъ майскихъ утръ онъ тайкомъ оставилъ Москву и направилъ свой путь туда, куда рвались въ послѣднее время всѣ его помыслы, думы, надежды. Трудно было совершать далекій путь: дорога была неизвѣстная, да и шла она тогда черезъ дебри непроглядныя, черезъ болота топкия. Но ревность юноши преодолѣла все. Дорогу разузнавалъ онъ у проѣзжихъ, кормился у добрыхъ людей, которые не отказывали юношѣ въ пріютѣ, хотя иногда съ нѣкоторой подозрительностью поглядывали на его московское подьяческое одѣяніе. Были такіе, что пускались въ разспросы: кто, откуда, куда и зачѣмъ? Но Нилъ былъ молчаливъ и тайны своей никому не открывалъ... Такъ и дошелъ вотъ почти до самой обители, и какъ разъ въ день смерти Кирилла, 9 іюня, когда обитель каждый годъ торжественно воспоминала память своего основателя...

Вдругъ воспоминанія Нила были прерваны звуками колоколовъ, доносившимся откуда-то близко, но какъ бы изъ-за нѣкоторой преграды.

— Къ заутренѣ заблаговѣстили. Привелъ бы Господь поспѣть къ богослуженію,—проговорилъ про себя юноша, истово крестясь и поднимая опущенную голову.

Предъ нимъ возвышалась какая-то гора.

„Маура“,—сообразилъ Нилъ, и сердце его наполнилось радостью: предъ нимъ было то мѣсто, гдѣ воочию совершилось видѣніе Кирилла и откуда онъ впервые узрѣлъ мѣстность, назначенную ему Богоматерью для обители.

Нилъ сталъ поспѣшно взбираться на вершину горы. Къ ней вела довольно узкая тропинка. Съ обѣихъ ея сторонъ росъ частый и густой кустарникъ. Когда Нилъ вззошелъ на самую вершину горы, его глазамъ открылось такое чарующее зрѣлище природы, какого онъ никогда не наблюдалъ до тѣхъ поръ. Кругомъ во всѣ стороны на нѣсколько десятковъ верстъ открывалось безконечное пространство. По нему, извиваясь между многочисленныхъ озеръ, текла красивая рѣка. Верстъ за пять отъ подошвы горы разстилалось во всю свою пятиверстную длину озеро, на сѣверномъ берегу котораго, полускрытая въ лѣсной чащѣ, виднѣлась обитель, та обитель, къ которой такъ неудержно стремился Нилъ. Монастырь не поражалъ глазъ своимъ внѣшнимъ величiемъ, въ немъ не было даже каменнаго храма, но вмѣстѣ съ тѣмъ видъ святой обители, полускрытой въ лѣсной чащѣ и окруженной отовсюду водами, придавалъ всей мѣстности еще болѣе чарующій видъ. Вдали, прямо за озеромъ, и вправо и влево отъ него виднѣлись многочисленные озера. Они были подобны голубымъ зеркаламъ, обрамленнымъ чудной рамкой изъ вѣковыхъ чащъ, тѣснившихся у ихъ береговъ. Среди озеръ лентами извивались большія и многочисленные малыя рѣки. А въ промежуткахъ между озеръ и рѣкъ виднѣлась земля, которая въ большинствѣ мѣстъ зеленѣла лѣсами, но кое-гдѣ также желтѣла колосьями ржи или бурѣла песчаными берегами и холмами.

Какъ зачарованный стоялъ Нилъ. Онъ вглядывался въ пространство, все залитое золотымъ свѣтомъ лѣтняго солнца, вслушивался въ призывные звуки монастырскаго колокола, и въ душѣ его созрѣвали и рѣяли тихія, свѣтлыя и радостныя думы. Онъ зналъ, что стоитъ на мѣстѣ, которое освятилъ своимъ присутствiемъ самъ Кириллъ. Здѣсь, послѣ долгихъ странствiй по землямъ Бѣлозерскимъ, остановился

знаменитый подвижникъ; отсюда въ первый разъ взоръ его достигъ того мѣста, котораго онъ искалъ для обители и въ которомъ, наконецъ, олицетворилось его святое видѣніе; здѣсь, утомленный и восторженный, палъ онъ на землю со слезами благодарности къ Пречистой.

Стоя на этомъ священномъ мѣстѣ, съ котораго открывалось чарующее зрѣлище природы, Нилъ, казалось ему, становился ближе къ знаменитому подвижнику, какъ бы проникалъ въ сокровенные тайники его возвышенной души. „Кириллъ не отвергалъ красоты міра Божьяго,—размышлялъ Нилъ,—онъ любилъ эти красоты, какъ созданія благости и премудрости Божіей; вѣра не изгоняла въ немъ чувства величія природы, а, напротивъ, освящала его высшимъ осѣненіемъ“. И потому ли, что самъ Нилъ до забвенія любилъ природу, или по чему-либо другому, но въ его сердцѣ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, еще болѣе твердой становилась давнишняя мысль, что инокъ не можетъ и не долженъ отвергаться чудной красоты Божьяго міра, но въ нихъ, какъ въ отраженіи Божественной красоты, искать подкрѣпленія для своихъ подвиговъ...

Вмѣстѣ съ этой мыслью въ душѣ Нила одна за другой поднялись и стали предъ сознаніемъ многія другія мысли объ иночествѣ. Многія изъ нихъ, и даже большинство ихъ, не вполне были ясны для самого Нила. Но даже въ смутныхъ своихъ очертаніяхъ онѣ такъ непохожи были на мысли тогдашнихъ иноковъ! Всѣмъ этимъ мыслямъ Нила суждено было созрѣть и явиться міру въ стѣнахъ той обители, которая теперь въ чарующихъ, дивныхъ звукахъ призывала его войти въ ея врата, чтобы за ними найти крѣпкое убѣжище отъ міра—для пользы міра!

Это почувствовалъ въ своей душѣ юный подвижникъ, и, охваченный сознаніемъ всего величія предстоящаго, онъ воскликнулъ:

— Иду!

И съ этимъ словомъ началъ спускаться съ горы по направленію къ обители.

II.

Вступивъ въ ворота обители, Нилъ увидѣлъ передъ собою съ двухъ сторонъ огромный дворъ или поле, окруженное стѣнами. Оно было занято храмомъ, колокольней, монастырскими зданіями, садами, огородами, сѣнокосомъ, засѣянной рожью. По всему этому пространству протекала рѣчка, выбѣгая изъ затворовъ монастырскихъ въ прилегающее къ нимъ озеро, которое, какъ узналъ потомъ Нилъ, называлось Сиверскимъ. Рѣчка же была Сіяга или, по монастырскому наименованію, Свиряга.

Когда Нилъ вошелъ въ церковь и взглянулъ на стоявшихъ братій, онъ сразу почувствовалъ, что здѣсь вѣетъ строгостію наставленій Кирилла. Въ церкви никто одинъ съ другимъ не бесѣдовалъ, и никто не выходилъ изъ церкви, но стояли всѣ, не прикасаясь ни къ стѣнѣ, ни къ чему-либо другому. Поклоняться евангелію и иконамъ братія подходила по старшинству.

Примѣръ этому подавалъ самъ Кириллъ при своей жизни. Стоя въ церкви, онъ никогда не прислонялся къ стѣнѣ, не садился не во время. Ноги его были „какъ столпы“. И такую строгую ревность къ церковному благочинію знаменитый подвижникъ проявлялъ не только тогда, когда былъ бодръ. Когда предсмертная бѣдѣзнь начала обезсиливать его тѣло, онъ по-прежнему бодро и прямо выстаивалъ длинныя монастырскія службы. И, глядя на такое радѣніе своего великаго игумена о службѣ Божіей, монастырская братія смущалась и не рѣшалась отступать отъ его повелѣній. Предъ самой своей смертію Кириллъ написалъ своему духовному сыну князю Андрею можайскому слѣдующія знаменательныя слова о стояніи въ церкви: „Въ

церкви стойте, съ страхомъ и трепетомъ помышляюще въ себѣ, аки на небеси стояще: занеже, господине, церковь наречется земное небо, въ ней же совершаются Христовы таинства. Блюди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши, отъ вельможъ своихъ или отъ простыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, возбраняй: понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога“.

Стройное пѣніе иноковъ и размѣренное, на-распѣвъ, чтеніе священныхъ молитвъ сразу привели Нила въ высокое молитвенное построеніе. Онъ сразу нашелъ то мѣсто въ церкви, гдѣ было погребено тѣло Кирилла. Надъ гробомъ помѣщена была та икона Богоматери Одигитріи, которая въ 1397 году сопутствовала знаменитому подвижнику изъ Москвы до мѣста его подвиговъ.

И вотъ, ставъ у гроба Кирилла, устремивъ на икону глубоко-вѣрующій взглядъ, Нилъ горячо и искренно молился. Онъ благодарилъ Господа за то, что сбылась его давнишняя мечта и законченъ путь, предпринятый во славу Божию. Вмѣстѣ съ тѣмъ юноша, сознавая, что окончаніе одного пути есть только начало другого, бесконечно труднаго, неизмѣримо болѣе труднаго, чѣмъ первый, молилъ Бога даровать ему силы вступить на этотъ путь и пройти его до конца такъ, какъ прошелъ его этотъ великій Божій угодникъ, бывшій какъ бы сѣменемъ, которое, умерши, дало столь обильный и богатый плодъ.

Вдругъ кто-то сзади положилъ руку на плечо Нилу. Углубившись въ молитву, юноша и не замѣтилъ, какъ служба отошла. Теперь, почувствовавъ прикосновеніе, онъ вздрогнулъ и обернулся. Передъ нимъ стоялъ суроваго вида высокій монахъ.

— Служба Божія окончилась, — сказалъ онъ Нилу, — теперь вмѣстѣ съ братією иди въ трапезную и тамъ

подкрѣпись, чѣмъ Богъ послалъ... Вижу, съ дороги ты дальней. Но кто ты, откуда и зачѣмъ въ сію обитель пришелъ изъ міра, послѣ скажешь...

Къ трапезѣ братія шла по старшинству. Такъ завѣщалъ основатель обители, и завѣщаніе строго соблюдалось. Нила посадили рядомъ съ крестьяниномъ, котораго онъ встрѣтилъ на разсвѣтъ по дорогѣ въ обитель. Признавъ въ юношѣ какъ бы знакома, крестьянинъ попытался завести съ нимъ бесѣду. Но Нилъ молчалъ, творя про себя молитвы; словоохотливаго же крестьянина сразу остановилъ сидѣвшій рядомъ монахъ. Въ обители Кирилла, по его завѣту, во время трапезы раздавался только голосъ чтеца при всеобщемъ молчаніи. Крестьянинъ, впрочемъ, успѣлъ таки шепнуть Нилу, что на первомъ мѣстѣ сидитъ Кассіанъ, игуменъ обители. Это и былъ тотъ суровый монахъ, который подошелъ къ Нилу въ церкви.

Пища, несмотря на великій день, была скудная. Питья не было никакого, кромѣ воды. Медъ и вообще всякій хмѣльной напитокъ Кириллъ воспретилъ вносить въ стѣны обители, и такое правило соблюдалось братіей и послѣ его смерти. Когда трапеза окончилась, всѣ также молча стали расходиться по направленію къ своимъ келіямъ. Это было тоже предусмотрено уставомъ Кирилла: безъ особенной необходимости никто не смѣлъ заходить къ другому въ келью.

Нилъ вышелъ изъ трапезной вмѣстѣ съ словоохотливымъ крестьяниномъ. Тотъ хотѣлъ было уже начать разговоръ объ интересовавшихъ его предметахъ, но въ это время къ Нилу подошелъ настоятель.

— Иди за мной,—сказалъ онъ юношѣ.

Когда они остались одни, Кассіанъ, вперивъ въ лицо юноши строгій, испытующій взглядъ, спросилъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ:

— Откуда?

— Изъ грѣшнаго міра,—было отвѣтомъ, и слова

эти были произнесены такимъ же тихимъ и проникновеннымъ голосомъ.

Тогда настоятель заглянулъ въ самую глубь глазъ Нила, и этотъ взглядъ его былъ уже не суровый, не строгій, а добрый, ласковый.

— Тогда скажи, если душа твоя разрѣшаетъ: кто ты, каково твое имя, прозвище и чѣмъ въ міру занимался?

— Я поселянинъ, имя мое Ниль, по прозвищу Майковъ, а былъ я въ міру скорописцемъ.

При послѣднемъ словѣ лицо Кассіана засвѣтилось радостной улыбкой. Дѣло въ томъ, что Кириллъ самъ любилъ заниматься списываніемъ священныхъ книгъ и то же завѣщалъ и своимъ ученикамъ. Нѣкоторые изъ нихъ приняли весьма близко къ сердцу завѣтъ своего великаго учителя, и въ числѣ таковыхъ былъ и игуменъ Кассіанъ. При немъ въ обители весьма многіе изъ иноковъ трудились надъ списываніемъ священныхъ книгъ.

— А зачѣмъ пришелъ въ нашу обитель?—задалъ Кассіанъ вопросъ.

— Ищу, отче, праваго образа иночества, — отвѣтилъ юноша, и въ этихъ словахъ почувствовалось такое искреннее чувство, такое глубокое, захватывающее стремленіе дѣйствительно найти то, къ чему тянется душа,—что Кассіанъ уже не сталъ болѣе ни о чемъ спрашивать Нила.

— Поживи, посмотри; можетъ, приведетъ Господь и навѣки остаться,—сказалъ онъ ему, затѣмъ велѣлъ послушнику позвать отца Мартиніана.

Черезъ нѣсколько времени въ келію вошелъ невысокаго роста инокъ. Это и былъ Мартиніанъ, весьма близкій ученикъ Кирилла и Терапонта. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ жилъ при Кириллѣ и зналъ подробно всю его жизнь; по его же смерти чрезвычайно усердно исполнялъ всѣ его повелѣнія и наставленія, особенно относительно списыванія священныхъ книгъ.

— Возьми, Мартиніанъ, сего отрока, — сказалъ игуменъ, — ознакомь его съ святынями нашей обители, съ житіемъ нашего приснопамятнаго отца и учителя и прими его подъ свое начало для скорописанія.

Мартиніанъ сдѣлалъ поясной поклонъ въ знакъ послушанія, и они вышли на дворъ вмѣстѣ съ Ниломъ. Юноша, сообщивъ своему спутнику все то, что открылъ и Кассіану, началъ спрашивать его о подробностяхъ жизни Кирилла. При этомъ Ниль разсказалъ, какъ онъ въ Москвѣ познакомился съ жизнеописаніемъ великаго подвижника.

— Какъ же, помню, помню грека Пахомія Логовета, — замѣтилъ Мартиніанъ. — Я же ему и разсказалъ все; Да только не все онъ, видно, записалъ.

И Мартиніанъ, показывая разныя достопримѣчательности обители, началъ дополнять подробностями то, что въ общихъ чертахъ уже было извѣстно Нилу.

— Вонъ, гляди, на маленькомъ островкѣ деревянный крестъ. Это тоже водрузилъ великій учитель. Островокъ этотъ такъ высокъ, что никогда не затопляется водой, а когда озеро ломаетъ свой ледъ, то ледъ на него не всходитъ. Сюда любилъ уходить великій нашъ учитель, когда душа звала его къ уединенію.

— А вотъ, — показавъ черезъ нѣкоторое время Мартиніанъ, — та пещера, гдѣ жили сразу по прибытіи на сей островъ отцы Кириллъ и Ѳерапонтъ. Сюда пришли и первые насельники сей святой обители.

Рядомъ съ указанной Мартиніаномъ пещерой стояла деревянная келія Кирилла, покрытая древесной корой. Надъ маленькой прорубленной дверью былъ водруженъ крестъ; справа, нѣсколько пониже притолки, крошечное оконце, черезъ которое Кириллъ отдавалъ краткія распоряженія и наставленія братіи, не выходя самъ изъ келіи.

— А теперь пройдемъ, братъ, въ нашу убогую

ризницу. Тамъ я покажу тебѣ драгоцѣннѣйшую память обители о нашемъ наставникѣ.

Они вступили въ малую брусяную церковь, и здѣсь въ небольшемъ придѣлѣ ея, отведенномъ для ризницы, Мартиніанъ показалъ Нилу икону-портретъ Кирилла, писанный при жизни подвижника Діонисіемъ Глушицкимъ, престоавившимся незадолго до описываемаго времени въ одной изъ обителей Вологодскаго края. Нилъ съ священнымъ трепетомъ въ душѣ глядѣлъ на величаво-спокойныя и глубокоумныя черты обросшаго сѣдой бородой лица Кирилла. Теперь ему было въ значительной степени понятно то невольное благоговѣніе, съ какимъ относились къ знаменитому подвижнику всѣ, кто хоть разъ въ жизни видѣлъ его.

— А вотъ фелонь и подризникъ великаго отца, — продолжалъ показывать Мартиніанъ, — взгляни, какое въ нихъ убожество. Не любилъ блаженной памяти отецъ нашъ Кириллъ роскошества. „Убожество болѣе всего пристало иноку, — всегда наставлялъ онъ насъ, — въ роскошствѣ пусть утопаетъ грѣшный міръ“. Да взгляни хоть на сей деревянный красный сосудъ, съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери и Іоанна Предтечи. Надъ симъ сосудомъ онъ совершалъ божественную литургію. Ужъ гдѣ благолѣпію быть, какъ не здѣсь, но Кириллъ и здѣсь оное отвергъ. „Богу благолѣпія, — говаривалъ онъ, — не нужно: была бы душа чиста предъ Нимъ“. Такъ-то, учись, мой сынъ... А вотъ двѣ чаши мѣдныя. Видишь, и тутъ золота или серебра нѣтъ... А вотъ тутъ же хранится духовное завѣщаніе отца нашего, въ коемъ онъ поручаетъ святую нашу обитель великому благодѣтелю нашему можайскому князю Андрею... Писалъ онъ его, чувствуя уже близкую свою кончину...

— А какъ, отче, протекли послѣдніе дни и часы Божія угодника?

— А такъ вотъ, слушай. Великому отцу нашему

было уже тогда девяносто лѣтъ. Видя свое изнеможеніе, частыя болѣзни и предчувствуя близкую кончину, онъ и помыслилъ написать сіе духовное завѣщаніе, гдѣ, какъ и самъ ты увидишь, святой отецъ печалится болѣе всего о томъ, чтобы въ обители нашей сохранялось общее житіе, имъ устроенное. За нѣсколько дней до кончины Кириллъ созвалъ всю братію, а всѣхъ насъ, работавшихъ съ нимъ Богу, было тогда пятьдесятъ три человѣка. Предъ всѣми нами вручилъ онъ обитель Иннокентію, ученику своему, а нашему собрату. „Не скорбите, братіе и дѣти, въ день покоя моего,—говорилъ онъ,—уже часъ мнѣ почити о Господѣ; предаю васъ Богу и Его Пречистой Матери. Онъ да сохранитъ васъ отъ всѣхъ искушеній, а сынъ мой Иннокентій да будетъ вамъ игуменомъ вмѣсто меня; почитайте его, какъ меня; онъ исправитъ ваши недостатки“... Рыдали всѣ мы, скорбѣли объ отцѣ нашемъ, скорбѣли и о томъ, что обитель наша оскудѣетъ безъ него. Онъ же насъ утѣшалъ: „Не скорбите: если я угодилъ Богу, то мѣсто не оскудѣетъ, а еще болѣе распространится; только любовь имѣйте между собою“... До конца исполнялъ отецъ нашъ келейное правило. Самъ онъ не могъ ходить въ церковь, такъ мы водили его, и онъ самъ совершалъ литургію. Въ послѣдній разъ совершилъ онъ ее въ день Святого Духа, въ память св. Кирилла Александрійскаго. Послѣ службы онъ уже совсѣмъ началъ ослабѣвать тѣломъ. Мы подходили къ нему, рыдая, цѣловались съ нимъ, прощались, просили благословенія. Онъ же, какъ чадолюбивый отецъ, всѣхъ насъ цѣловалъ, всѣхъ ласкалъ, всѣмъ оставлялъ послѣднее благословеніе и у всѣхъ самъ просилъ прощенія... Послѣдняя его забота была о томъ, чтобы не разорилось общее житіе...

При этихъ словахъ Мартиніана по лицу Нила пробѣжала какая-то тѣнь: не то недоумѣнія, не то какой-то внутренней боли.

— Еще разъ причастился отецъ пречистыхъ Таинъ,— продолжалъ Мартиніанъ,—и мирно и тихо, не переставая творить молитву, отдалъ Богу свою святую душу. А въ девятый день іюня,—сегодня ровно тринадцать лѣтъ тому назадъ,—хоронили мы его съ великою честію и надгробнымъ пѣніемъ. Какъ сейчасъ помню я этотъ день. Было кругомъ необычайно тихо. Казалось, и лѣсъ замолчалъ, почувствовавъ, что не стало уже того, кто первый нарушилъ его вѣковую тишину. На небѣ бродили легкія облачка. И среди этой тишины въ невозможно-ясномъ лѣтнемъ воздухѣ раздавался лишь печальный перезвонъ колоколовъ да надрывающія душу рыданія братіи. Если ты слышалъ когда-либо, какъ плачутъ колокола, возвѣщая о смерти инока, если тебѣ приходилось видѣть отречшихся отъ міра стенающими и неудержимо рыдающими,—ты уразумѣешь то, что тогда происходило...

Мартиніанъ замолкъ: слезы набѣжали на его глаза, сжали грудь. Онъ, часто мигая, глядѣлъ въ далекое лазуревое небо... Молчалъ и Ниль...

— Да и какъ было не плакать: чувствовали всѣ мы, что съ отцомъ нашимъ уходитъ отъ насъ и истинный образъ иночества — этого непреложнаго обѣта нестяжанія и смиренія...

Душою отгадавъ затаенную скорбь инока, спросилъ его тихо Ниль:

— Какъ облагодѣтельствовалъ князь Андрей обитель?

— Далъ дома великіе и озера, и угодыя,—отвѣчалъ Мартиніанъ, и въ голосѣ его была скорбь.

— И приняла братія?—спросилъ Ниль, и вновь на лицѣ его промелькнула какая-то тѣнь: не то недоумѣнія, не то внутренней боли.

— Приняла,—отвѣтилъ Мартиніанъ, и голосъ его звучалъ еще большей скорбью.

Инокъ собирался еще что-то сказать, но въ это

время совсѣмъ близко раздался ударъ колокола, и въ церковь вошелъ инокъ, слѣдившій за чистотой въ храмѣ.

— Пора и на молитву,—перекрестившись, сказалъ Мартиніанъ,—хотѣлъ я тебѣ послѣ всего, сынъ мой, показать книги, списанныя великимъ отцомъ нашимъ да и нами грѣшными. Да и князь Андрей кой-какія придалъ... Такъ ужъ въ другой разъ... А послушаніе твое, сынъ мой, въ томъ и будетъ состоять, чтобы помогать намъ, грѣшнымъ, увеличивать списаніемъ священную мудрость... Теперь же станемъ на молитву.

И престарѣлый инокъ съ юнымъ Ниломъ вышли изъ убогой ризницы къ братіи, уже собравшейся въ храмѣ.

III.

Нѣсколько дней Нилъ употребилъ на ознакомленіе съ обителью, съ жизнью инокѣвъ. Многое въ этой жизни восторгало его, трогало до глубины души: искренняя, глубокая религіозность инокѣвъ, ихъ неустанные труды, непрестанное памятованіе о Богѣ и объ обязанностяхъ христіанскихъ. Приходилъ ли кто въ обитель изъ окрестныхъ мѣстъ или издалека—всякаго иноки встрѣтять любовью, обогрѣвать, накормятъ и наставленіе, какое должно по случаю, предадутъ. А сойдутся все на молитву—тихіе молитвенные звуки наполняютъ убогую церковь, и чувствуется, что въ словахъ, произносимыхъ чтеніемъ, живетъ, трепещетъ душа cadaго изъ молящихся братій...

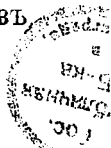
И вотъ порою Нилъ старался себя увѣрить, что адѣсь, въ обители Кирилла, онъ нашелъ то правое иночество, тотъ истинный образъ его, къ которому такъ трепетно, неустанно тянулась его душа. Но сколько ни старался увѣрить себя въ этомъ юноша, это было невозможно: гдѣ-то въ самой глубинѣ его души, въ какомъ-то тайникѣ ея оставалось что-то удовлетво-

ренное, незаполненное. И часто, проходя дремучимъ шумѣвшимъ лѣсомъ или вглядываясь въ зеркальную, словно застывшую гладь озера, Нилъ старался уловить, поймать, уяснить то, что его тревожило. Но неясное продолжало оставаться неяснымъ и неразрѣшимымъ. И только съ какой-то болью души вспоминались слова Мартиніана о дарѣ князя Андрея да съ какимъ-то неяснымъ недоумѣніемъ—завѣтъ Кирилла братія о неразрушимости общаго житія... Юная, чистая душа, неустанно стремившаяся къ истинѣ, чувствовала какой-то новый, иной, еще не разысканный, не открытый путь праваго иночества, чувствовала и не находила!..

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней Мартиніанъ показалъ Нилу тѣ книжныя сокровища, какими обладала обитель. Для этого онъ повелъ его прежде всего въ ризницу.

— Тутъ ты, сынъ мой, увидишь какъ наши смиренныя труды, такъ и труды приснопамятнаго отца нашего... Какою любовью горѣлъ онъ къ священной писменности! Какъ молилъ на смертномъ одрѣ и насъ не забывать сего святого занятія... Какъ сейчасъ помню его слова незабвенныя. „Ты, Иннокентій,—говорилъ онъ,—и вы, Христофоръ, Кассіанъ, Мартиніанъ и всѣ, кому Господь далъ даръ скорописанія, не забывайте умножать священную писменность. Великая отъ сего будетъ польза всѣмъ русскимъ людямъ и вашимъ душамъ“. Приняли мы къ сердцу сіи священныя слова, и каждый изъ насъ по своимъ силамъ и разумѣнію выполняетъ завѣтъ нашего учителя. Трудился надъ списаніемъ Иннокентій въ свое пятимѣсячное игуменство, за нимъ Христофоръ, который игуменствовалъ послѣ Иннокентія; трудится, вельми трудится надъ симъ святымъ дѣломъ и Кассіанъ, а за нимъ и мы многогрѣшныя... Вотъ гляди на сіе святое Евангеліе. Это покойной памяти блаженнаго Христофора.

Нилъ взявъ въ руки пергаментное Евангеліе, въ

малый листъ, написанное уставнымъ почеркомъ. На первомъ листѣ было написано съ тительными сокращеніями:

„Господи Иисусе Христе Сыне едиnorodный и безначалнаго ти Отца, реки пречистыми оусты яко без мене не можете творити ничтоже, Господи мой Господи, вѣрою объемъ въ души моеи и сердци Тобою реченная, припадаю Твоей благодати: помози ми грѣшному сие желанное мною наченъ о Тебѣ самомъ и навести.“

О Христѣ начало рачительства сему нами въ лѣто
 въ ц к л $\left\{ \frac{6924}{1416} \right\}$ Февруаріа к л въ понедѣльное сырныи“.

Въ концѣ было поставлено такое послѣсловіе:

„Краю достигохъ, о Отцѣ и Сынѣ и Дусѣ Святѣ възмагаемъ. Святаго евангелія божественую книгу сію грубыми и неодобренными алфавиты. Въ лѣто
 въ ц к к $\left\{ \frac{6925}{1417} \right\}$ іюніа к л на память преподобнаго отца аноуфрія“.

Съ какимъ, видно, благоговѣніемъ принимался Христофоръ за святой трудъ!

— И еще много книгъ написалъ отецъ нашъ Христофоръ своею рукою въ обитель Пречистой Богородицы, въ храмъ Ея,—замѣтилъ Мартиніанъ,—есть еще Евангеліе, только покойный не поставилъ подъ нимъ своего имени... Великой скромности былъ мужъ. Такъ и въ жизни его. Когда онъ игуменствовалъ, междоусобныя брани послалъ Господь на нашъ край. Отецъ Христофоръ безбоязненно искупалъ плѣнныхъ, какихъ враждовавшие князья къ себѣ брали, и возвращалъ ихъ на родину. Ужъ и возъярился на него за это звенигородскій князь Георгій Дмитріевичъ. Началъ звать его къ себѣ, для внушенія, значить. Трикраты звалъ его, но отецъ не пошелъ и такими дѣйствіями понудилъ князя отпустить всѣхъ плѣнныхъ, какіе были взяты имъ во время войны...

— А это что такое?—спросилъ Нилъ, взявъ въ руки уже запылившіеся пергаментные листы. На главномъ было написано:

„Максима исповѣдника слово^хпостническо по вопросу и отвѣтоу преведено отъ гречьскаго языка на роускы въ святѣи горѣ афоньстѣи въ лѣто $\begin{matrix} \text{ж} & \text{ц} & \text{л} & \text{г} \end{matrix} \left\{ \begin{matrix} 6933 \\ 1425 \end{matrix} \right\}$ курь Іаковомъ доброписцемъ оубогомоу Евсевию, не-потребному Ефрему Русину“.

— Рукопись эту,—пояснилъ Мартиніанъ,—принесъ въ обитель нашу инокъ Аркадій еще года за два до смерти отца Кирилла. Въ тотъ годъ иноки Аѳонской горы переводили для Руси творенія св. отцовъ съ греческаго языка на славяно-русскій. Работа ихъ сія вельми была для насъ полезна. И самъ отецъ Кириллъ дѣлалъ выписки изъ святыхъ восточныхъ отцовъ, и другіе братіи. Да и князь Андрей присылалъ такіе изборники. И все сіе высокія наставленія для иноковъ. Сказываютъ, что на востокъ и на Аѳонъ иночество во всей его истинѣ. И чудово тамъ такъ, не по нашему: не общимъ житіемъ живутъ, а по единому или по два въ келіи. Молятся тожъ не въ общемъ мѣстѣ, а особливо, въ келіяхъ. И настоятель у нихъ не начальникъ, а равный имъ... Сказывали, скитскимъ житіемъ сіе у нихъ именуется...

Въ то время, какъ Мартиніанъ произнесъ эти слова, лицо Нила имѣло выраженіе живѣйшаго интереса, а въ глазахъ блестѣлъ какой-то радостный огонекъ.

„Не тамъ ли то истинное житіе, котораго ищеть моя душа?“—такъ если не подумаль, то почувствовалъ Нилъ.

— И о семъ переведено на нашъ языкъ боголюбивыми иноками?

— Особливо о семъ нигдѣ не встрѣчалъ. А переводили и приснопамятный отецъ нашъ, и другіе братіи разныя правила о жизни иноческой. И правила тѣ

всѣ вельми полезныя для души. Отецъ нашъ Кириакъ устали не зналъ и все выписывалъ изъ соборныхъ правилъ и изъ правилъ святыхъ отцовъ то, что наиболѣе относилось къ церковному уставу и пустынной иноческой жизни. Да вотъ и книги сіи, рукою Кирилла начертанныя.

И Мартиніанъ передалъ Илму книжки въ двѣнадцатую долю, написанныя на весьма твердой хлопчатой бумагѣ.

— Вотъ прочитай.

Илмъ началъ читать:

„Святаго Василія о причащеніи. Вопросъ: аще достоинъ ли естъ священнику рукою своею кому причащаться. Отвѣтъ: вопрошеніе се отвѣта не требуетъ, явлено бо естъ по древнему обычаю и дѣломъ самѣмъ о семъ оувѣритися. Все бо иноци, иже по пустыняхъ единствуютъ, идѣже священника нѣсть, Святое Причащеніе въ келіяхъ съ собою храняще, сами причащаются. Во Александріи же и въ Египтѣ каждо и отъ простыхъ людей множайше Причащеніе имутъ въ домѣхъ своихъ и, егда кто хоцетъ, причащается самъ. Единою бо жертвѣ свершенѣ бывши священникомъ и данѣ комуждо и пріимше единою отъ священника и причащающесе, яко и отъ самого священника причащаются. И тако должно естъ вѣротати, понеже бо и въ церкви священникъ даетъ часть тѣла Христова и пріимшіи держать въ руцѣ своей всякою властію и тако принимаютъ ко устамъ своимъ рукою своею. Тождѣ бо естъ сила: или едину часть пріяти отъ священника, или многіи и кушо имѣти на многа времена и причащаться...

Вопроси святой Лука стирійскій митрополита Воренфинскаго, глаголя: владыко святой, нужду имамъ, яко да причащаюся божественнымъ Тайнамъ по преданію святыя церкви, и разстояніе путно естъ отъ церкви много, и молю тя: прости мя, да имамъ святая,

да ся причащаю имъ. И отвѣща: добро есть, егда не добръ завѣщается; испроси отъ первосвященника мѣстнаго или отъ духовника си Святое Причащеніе и приими сіе со страхомъ и трепетомъ и со всяцѣмъ стыдѣніемъ и соблюденіемъ. И егда хоцещи причаститися, украси дщицю чисту и постави ю предъ святыми иконами и верху ея простри платъ даровный и тако постави святая со артофорею и славидою, понеже Святой Агнецъ соединенъ есть съ животворною кровію отъ священника на святой трапезѣ. Сего ради святая глаголются. И кончавшу ти канонъ, поклоны, глаголи и молитву Святаго Причащенія, возжи свѣщу и, покадивше, лобзай святая иконы и сотвори прощеніе и рцы: „Вѣрую во единого Бога Отца“ и „Вечери Твоея тайныя днесъ“ и тогда преклонься, приими своею рукою и причастися Божественныхъ Таинъ и глаголи: „Господи, аминь, аминь, аминь“. И вземъ чащицю съ виномъ или водою, вкушай... и да есть чащица та на се въ сохраненіе. Такожъ и дщица предреченная. И свершившу ти сію аколифію, рцы: „Достойно есть.“ и „Честивѣйшую херувимъ“ и тако сотвори стихъ и прощеніе...

Бѣ же се предано ко всеѣмъ сѣдящимъ въ пустыняхъ, но токмо къ немлестнымъ и свидѣтельствовавшимся и достойнымъ и елицы имуть любовь со всеѣми и терпѣніе и смпреніе...“

Нилъ прекратилъ чтеніе.

— Отче, таковы были правила пустынниковъ церкви первоначальной? Они жили по одному, и имъ въ келіяхъ безъ священника разрѣшалось принимать Святое Причащеніе?

— Да, сынъ мой.

— А въ древности, отче, вотъ, въ Египтѣ, какъ тутъ написано, все жили отдѣльно?

— Нѣтъ, сынъ мой,—и Мартиніанъ началъ разсказывать Нилу, что самъ зналъ о жизни древнихъ

восточныхъ подвижниковъ, о томъ, какъ велики были ихъ молитвенные подвиги, какъ они, избѣгая соблазна, жили иногда вмѣстѣ во множествѣ.

— А какъ, отче, лучше жить иноку: одному или съ другими, въ общемъ житіи?

— Въ общемъ житіи,—убѣжденно отвѣтилъ старый инокъ:—такъ братіе помогаютъ одинъ другому, предостерегаютъ одинъ другого. А безъ сего, безъ общаго житія, какъ не быть соблазну? И возгордится иной, и отъ устава уклонится, и мало ли къ какому грѣху придетъ...

Ничего не сказалъ Нилъ, но въ глазахъ его свѣтилась грусть, которая давно уже не покидала его: ему самому еще неясно было то, чего недоставало его душѣ, и тоска отъ этого не уходила изъ его полудѣтской, пытливой души, а лишь росла все болѣе и болѣе.

— А вотъ въ этой книжкѣ отца нашего,—говорилъ между тѣмъ Мартиніанъ, беря въ руки святое списаніе Кирилла,—выписаны наставленія о суевѣріяхъ народныхъ. Вельми заботился онъ о томъ, чтобы просвѣщенъ былъ народъ и чтобы понятія неправильнаго не имѣлъ о лицѣ Божіемъ. Вотъ тутъ о молніяхъ и громахъ изъ врача Галена. Вотъ прочитай.

И Нилъ, взявъ въ руки книгу, началъ читать:

„Галиново на Ипократа“. Громе и молнія бьются сие: умножимся вѣтромъ горѣ, и овому убо самоидушу, овому же онамо, инъ убо вѣтръ инудѣ инъ облакъ носить, инъ же другы; и якоже срашутся и створше сраженіе другъ съ другомъ, грохотъ испускають съ огнемъ; и имже образомъ и кремь, еразився съ желѣзомъ, грохотъ испускають съ огнемъ, сие и облаци, другъ съ другомъ сражаеми, грохотъ испускають и огонь: грохотъ убо есть громъ, огонь же есть молнія. Сего ради не другоици бьются громе и молнія, но точію. егда облаци

бываютъ, тогда и громове бываютъ. Бываютъ же громове убо первѣе, молнія же послѣжде, мы-жъ первѣе видимъ молнія и послѣжде слышимъ громъ. И тако есть, зане зрѣніе человѣческое скорѣйше есть и абіе неукоснительнѣ зрѣть; еже хочетъ узрѣти, не коснѣть, сего ради и молнія скоро зрѣть. Слышаніе же косно чувство есть и коснѣть слышати громный грохотъ и слышѣть его послѣдиже молнія. Се же зри, да видиши и на сѣкущихъ дрѣва: аще отдалече насъ есть сѣкущій, сѣчиво убо видимъ, ударяющее древо, грохотъ же не абіе слышимъ, но мимошедшу нѣколику часу, тогда и грохотъ слышимъ“...

— Видишь, какъ разумно и ясно. Отцу нашему извѣстны были многія сочиненія древнихъ о законахъ естества, и ими онъ пользовался, какъ самъ видишь, къ просвѣщенію народа. Читай дальше. Тамъ будетъ зѣло ясно о падающихъ съ неба звѣздахъ.

Нилъ продолжалъ читать:

„О денницахъ“. Видимыя и къ земли падаемыя звѣзды. Глаголють человѣци, яко звѣзды суть и падаютъ. Ини же глаголють, яко мытарства суть лукавая. Но ниже звѣзды суть, ниже мытарства, но отложенія суть огнена небеснаго огня и падаютъ долу. И елико нисходятъ низу, растапливаются и сливаются паки на воздухъ. Сего ради ниже на земли видѣ кто когда падшая отъ нихъ, но всегда въ воздухъ сливаются и разсыпаются и глаголются денница; звѣзды-жъ никогда не падаютъ, точію на второе происшествіе Христова, тогда бо небеса свѣются, и звѣзды спадутъ; подобны и мытарстїи дуси тогда пойдутъ въ огонь вѣчный. Но, якоже рѣхомъ, отъ небеснаго круга суть преломленія пламени-видна, и есть истинно се.

— Вотъ этому и поучайся, сынъ мой, — наставительно замѣтилъ Мартиніанъ. — Много еще ты увидишь списаній и отца Кирилла, и другихъ братій. Со тща-ніемъ трудися и самъ списывать ихъ. Великая бу-

детъ отъ сего польза другимъ, а наипаче душѣ твоей. Для начала хотѣ Евангеліе святое начини списывать. Да въ каждое слово вдумывайся, ибо въ каждомъ словѣ, въ каждой буквѣ Святаго Писанія заключены великія бездны премудрости. Да благословить же тебя Господь Богъ на святое и душеполезное дѣло!..

Нилъ съ благоговѣніемъ принялъ благословеніе старца.

IV.

Съ этого дня жизнь Нила потекла ровню, размеренно. Около третьяго часа ночи келіархъ ходилъ по келіямъ и, стуча въ двери, читалъ молитву:

— Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ!

Нила стукъ келіарха никогда не заставлялъ спавшимъ, и онъ въ первый же разъ, не заставляя дожидаться, отвѣчалъ:

— Аминь!

Ровню въ три часа раздавался ударъ колокола, и братія собиралась на полунощницу. Нилъ любилъ это время молитвы, равно какъ и вечернее. Огни свѣчей мерцали въ полумракѣ храма, и въ этомъ мерцаніи чудилось что-то таинственное, присутствіе чего-то непонятнаго и вмѣстѣ призывъ къ міру далекому, къ міру полному чарующихъ, возвышенныхъ тайнъ.

Въ пять часовъ полунощное богослуженіе заканчивалось, и братія расходилась по келіямъ. Часть полагалась на отдыхъ, на чтеніе у себя въ келіи „божественныхъ писаній“, на богобоязненные размышленія.

Въ шесть всѣ, за исключеніемъ очереднаго іеромонаха и іеродіакона, расходились на работы. Каждый инокъ имѣлъ свое послушаніе. Нилъ въ это время отправлялся въ особенную келію, именовавшуюся „книгохранилищемъ“. Здѣсь были сложены всѣ книги, присланныя княземъ Андреемъ, а также переписанныя бра-

тіей. На столахъ лежали пергаментные листки и гусянія перья, за столами сидѣли „скорописцы“, старые иноки и молодые, новоначальные, бывшіе въ міру подьячими или скорописцами.

Рядомъ съ Ниломъ сидѣлъ Германъ, поступившій раньше его въ обитель, сынъ знатныхъ родителей, жившихъ въ Новгородѣ. Въ міру онъ, какъ и Нилъ, пріучался къ скорописанію.

— Тебѣ что благословилъ отецъ Мартиніанъ списывать?—спросилъ онъ Майкова, когда они сѣли въ первый разъ вмѣстѣ за столъ.

— Мнѣ святое Евангеліе. А тебѣ?—въ свою очередь спросилъ Нилъ, которому съ перваго раза понравился Германъ, съ подвижными, но вмѣстѣ добрыми и мечтательными глазами.

— А мнѣ наставленіе преподобнаго отца Кирилла къ князю Андрею.

— А кто этотъ князь Андрей? Я уже слышалъ о немъ отъ отца Мартиніана... Отчего онъ покровительствуетъ обители?

— А это сынъ Димитрія Донского, что Мамаѣ на Куликовомъ полѣ побѣдилъ. Слыхалъ объ этой битвѣ?.. Такъ вотъ Димитрій далъ Андрею Можайскъ и сверхъ того благословилъ куплею дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ. Андрей же часто паѣзжалъ при преподобномъ въ Бѣлозерскую вотчину. Зѣло полюбился ему старецъ Кириллъ. Безъ его благословенія онъ ничего не хотѣлъ дѣлать. Преподобный посылалъ ему наставленія, а, умирая, и обитель завѣщалъ княжому попеченію. А сіе посланіе преподобный написалъ въ отвѣтъ на радостное извѣщеніе князя о томъ, что Божія Матерь въ 1408 году избавила Москву отъ хана Эдигея. Преподобный въ семъ посланіи зѣло радуется чуду, а потомъ пишетъ наставленіе, какъ княжествомъ достоинъ правити. Вотъ прочти, мнѣ зѣло по сердцу пришлось...

„И ты, господине князь Андрей, — началъ читать Нилъ посланіе, — видя челоуѣколюбіе и милосердіе Господа нашего Іисуса Христа, что гнѣвъ Свой отъ насъ отвелъ, а милость Свою явилъ народу хрестіянскому, молитвами Пречистыя Госпожи Богородицы Матери Своея, и ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ люди, господине, свои уымати отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: „Да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни сильна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради; ни сотвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправо судя“. Пророкъ рече: „Ярость Господня на нихъ неисцѣльна до вѣка, и огонь поястъ нечестивыя, мзды ради, иже неправдою взимають“. А судя праведно, безо мзды, спасени будутъ и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Тако же, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, тутъ, господине, пригоже дати труда ради. Тако же, господине, и разбоя бы и татьбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уимутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывать своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Тако же, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не потщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣ

нисъ управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнитися и молитвы, и поста. А отъ упиванія бы есте уймались, а милостынку бы есте по силѣ давати: понеже, господине, поститись не можете, а молотися лѣннотесе; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ восполнить“...

— Ну, какъ тебѣ кажется?—допрашивалъ Германъ.

Нилъ не сразу отвѣтилъ. Какая-то тревожная тѣнь, такъ часто появлявшаяся на его лицѣ въ послѣднее время, теперь снова прошла по нему. Немного погодя юноша заговорилъ:

— Великій приснопамятный старецъ Кирилъ далъ князю истинное наставленіе о томъ, какъ въ міру жить... Жилъ я въ судномъ приказѣ, такъ знаю какъ обижаетъ людей всякій, кто только можетъ это сдѣлать: безъ посуловъ, безъ лихоиманій дѣло николиже не выправится. И вельми нуженъ княжескій призоръ за этимъ; и за тѣмъ также, чтобы трезвенникомъ во славу Божию народъ былъ... А только не допонимаю я, спастись ли-то можно въ міру, коли и все доброе сдѣлать?..

Глаза Германа блеснули радостнымъ огонькомъ.

— Братъ, болѣла и моя душа объ этомъ... А только это ты о другомъ...

— О другомъ, о другомъ, Германъ... А что благо-полезно на тебя дѣйствуетъ сіе посланіе преподобнаго, такъ и на меня... О другомъ же вотъ и болитъ моя душа, такъ болитъ, такъ болитъ! И нѣтъ ей отвѣта...

— Поговоримъ, братъ, какъ работу повершимъ. Многое тебѣ и я о своихъ душевныхъ помыслахъ раз-скажу...

И оба юноши принялись за работу...

Ровно въ десять часовъ раздавался ударъ колокола. Всѣ оставляли свои работы и шли въ трапезную. Сначала пѣли положенныя по уставу молитвы, потомъ сажались по чину и при звукахъ чтенія „бо-

жественныхъ писаній“ принимались за ѣду. Ъли скудно, не до сытости. Пищу въ деревянныхъ мискахъ разносили юные послушники. „Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ“,—возглашали они и, услышавъ отъ старцевъ „Аминь“, ставили предъ ними миски.

Послѣ трапезы снова читали и пѣли положенныя молитвы и затѣмъ расходились по келіямъ. Другъ къ другу, какъ уже было упомянуто, не заходили, по уставу Кирилла. До двѣнадцати часовъ всякій могъ располагать своимъ временемъ, какъ ему было угодно: могъ предаться сну и тѣмъ возмѣстить малое количество часовъ, отведенныхъ для ночного отдыха; могъ читать поученія, нарочито въ келіи каждаго положенныя; могъ пѣть священныя пѣснопѣнія.

Въ двѣнадцать часовъ снова каждый принимался за свое послушаніе и работалъ до восьми часовъ вечера. Перерывъ, въ полчаса, былъ между тремя и четырьмя часами. Въ восемь всѣ по колоколу собирались въ трапезную, гдѣ имъ предлагалась пища еще болѣе скудная, чѣмъ днемъ. Затѣмъ всѣ шли въ церковь и слушали „правило“, во время чтенія котораго каждый долженъ былъ сдѣлать определенное число поклоновъ. Около десяти часовъ оканчивалось „правило“, и потомъ расходились на сонъ грядущій, чтобы съ трехъ часовъ ночи снова начать трудовой день.

Впрочемъ, ко сну не всѣ сразу отходили. Нѣкоторые шли въ лѣсную чащу или на берегъ сверкаващаго своею гладью озера и тамъ старались насладиться чуднымъ зрѣлищемъ природы. Не сразу шли на отдыхъ и Нилъ съ Германомъ. Однажды,—это было уже почти годъ спустя послѣ прихода Нила въ обитель,—они вышли послѣ „правила“ вмѣстѣ изъ церкви и направились къ берегу Сиверскаго озера. Предъ ними открылось чудное зрѣлище. Водная гладь озера

почти недвижимо распростиралась на далекое пространство. Лишь легкія волны набѣгали на берегъ и, словно смущенныя тѣмъ, что нарушили водную гладь, уходили съ едва замѣтнымъ шумомъ назадъ. Лунный свѣтъ дрожалъ, дробился въ водной зыби, а деревья, росшія по берегу, какі-то таинственно, загадочно шумѣли...

Долго оба друга молчали, не будучи въ силахъ оторваться отъ чарующей картины. Наконецъ, заговорилъ Германъ. Онъ говорилъ о дѣтствѣ своемъ, о порывахъ, волновавшихъ сызмальства его душу и приведшихъ его вотъ сюда, на суровый островъ, въ строгую уставомъ обитель.

— Родился я,—началь Германъ,—въ Новгородѣ. Родители, мои, которые и теперь тамъ живутъ, богатые, знатные люди. Весь городъ отъ посадника до послѣдняго смерда ихъ знаетъ и уважаетъ. Долго имъ не давалъ Господь дѣтей. Но вотъ, почти уже на старости, родился я. Можешь ли ты себѣ, братъ, представить ихъ радость, особенно матери. Души во мнѣ не чуя отъ радости, родители захотѣли мою жизнь сдѣлать непременно счастливой, и когда я подросъ, отдали меня къ посаднику, въ его управленіе. Думали: вырасту я, стану знающимъ да знатнымъ человѣкомъ, не опозорю ихъ рода древняго боярскаго. Но чѣмъ больше я подросталъ и всматривался въ жизнь, что кругомъ меня шла, тѣмъ все болѣе и болѣе душа отвращалась отъ міра. Въ мірѣ, я видѣлъ, люди били, давили, рѣзали другъ друга, а о душѣ совсѣмъ не думали. И становилась она у нихъ черной да сорной... А то гнались за счастьемъ... А гдѣ оно, счастье это, никто толкомъ не зналъ. И въ погонѣ за этимъ счастьемъ они забывали всѣ заповѣди Божіи... И ненавистенъ мнѣ сталъ міръ. Прихожу бывало домой и говорю объ этомъ матери. Богомольная и сердобольная она у меня такая. „Не суди міра, — скажетъ

она мнѣ въ отвѣтъ,—люди-то всякій по себѣ живетъ; ты на себя посмотрѣлъ бы, за своей душой поприглядѣлъ да чтобъ горя родителямъ, Богомъ тебѣ даннымъ, не причинять“. И заплачетъ. Изобидѣлъ, значить, я ее. Крѣпился, крѣпился я, а потомъ не въ моготу стало, и рѣшилъ я оставить міръ навсегда. Сказалъ объ этомъ отцу, матери. Отецъ кричитъ, ногами топаешь, а мать въ слезы: „На кого ты насъ горемычныхъ оставляешь? Одни мы, одиношеньки; некому будетъ о насъ на старости лѣтъ позаботиться, некому будетъ и глаза наши закрыть“... А я все на своемъ. Долго такъ тянулось, а потомъ вотъ привелъ-таки Господь въ обитель Его святую попасть. Отпустили меня родители вотъ сюда, чтобъ, значить, все-таки неподалеку отъ нихъ быть, да и преподобнаго они сами знали, за благословеніемъ къ нему не разъ, чай, прибѣгали. И какъ пришелъ я, такъ вотъ въ скоронисцы и опредѣлился. Радуетъ меня это занятіе, сильно радуетъ. Сидишь себѣ, списываешь, а мысли все въ свиткахъ святыхъ, благочестивыхъ. Иной разъ въ отвѣтъ на нихъ заворушатся и свои, чудовыя такія, непонятныя, подчасъ и несуразныя. Творю я тогда молитву, чтобъ отогналъ Господь отъ меня искушеніе. Да ты, чай, и самъ все это видѣлъ...

Германъ помолчалъ. По озеру пронеслась живая зыбь, и верхушки сосенъ, росшихъ по острову, закачались и тихо зашумѣли...

— А долго ли здѣсь пробуду, — закончилъ свою рѣчь Германъ, — не знаю.

— А что такъ? — отрывисто спросилъ Нилъ, который все это время съ какимъ-то напряженнымъ вниманіемъ вглядывался въ бездонное небо, усыпанное безчисленнымъ множествомъ ярко мерцавшихъ звѣздочекъ.

— Да такъ, — проговорилъ медленно, словно въ раздумьѣ, юный его собесѣдникъ. — Не знаю: натура ли во мнѣ новгородская, вѣчеая, свободолюбивая. гово-

рить, или, можетъ, это голосъ души,—только тянетъ меня на новыя мѣста, тинетъ, а куда, самъ не знаю. Ежечасно молю Господа Бога и Его Пречистую Матерь, чтобы освободили меня отъ грѣшныхъ мечтаній, а только мечтанія эти не уходятъ изъ моей души. Можетъ, такъ угодно Господу Богу. Одному Ему то вѣдомо...

Германъ замолкъ. Молчалъ и Нилъ. Онъ не отрывалъ своихъ глазъ отъ далеко мерцавшихъ въ небѣ звѣздочекъ, и въ глазахъ его свѣтилась какая-то загадочная и вмѣстѣ скорбная дума. Кругомъ было тихо; облитое луннымъ свѣтомъ, все казалось словно притаившимся въ ожиданіи чего-то великаго и вмѣстѣ невѣдомаго...

— Слушалъ я тебя,—заговорилъ, наконецъ, Нилъ,—слушалъ, и въ памяти встало свое дѣтство, тѣ думы, чувства, какія тогда наполняли мой умъ, мою душу. Неясны онѣ были мнѣ тогда, не совсѣмъ ясны и теперь. Но голосъ ихъ такъ силенъ въ моей душѣ, что я не могу не подѣлиться ими съ тобой... Да и не одни воспоминанія наполняютъ мою душу: здѣсь, въ сей святой обители, родилось и выросло много думъ, на которыя я не имѣю самъ и тщетно у другихъ ищущихъ отвѣта. Я не думаю, что онѣ грѣшны, ибо онѣ вложены мнѣ въ душу по волѣ Самого Бога: безъ Него ни одинъ волосъ не падетъ съ нашей главы. И о нихъ, объ этихъ неразгаданныхъ думахъ, хочу я тебѣ рассказать: можетъ быть, онѣ и похожи на тѣ, которыя у тебя бываютъ...

Такъ начну съ давняго, съ той поры, когда я впервые взглянулъ на міръ разумно, когда впервые пробудилось во мнѣ сознаніе... Родился я въ селѣ, за которымъ были пригорки и холмы, а на этихъ пригоркахъ и холмахъ росли березки, тонкія, блѣдныя, печальныя березки. Березовая роща была моимъ любимымъ мѣстопробываніемъ, и въ нее я уходилъ всякій разъ, когда душа рвалась къ Богу. Пойду бывало

въ церковь. Стою, молюсь, совѣмъ забуду, гдѣ я, забуду людей, забуду все на свѣтѣ и близко-близко чувствую Бога; вотъ Онъ въ душѣ моей, вотъ Онъ овладѣваетъ всѣми моими мыслями, чувствами... И вдругъ подходитъ причетникъ и трогаетъ за плечи: служба, моль, Божія отошла, пора изъ церкви уходить. А зачѣмъ уходить, кто съ Богомъ разлучить меня можетъ? Но люди того не спрашивали, люди въ душу не смотрѣли, люди думали, что Богу нужно только тогда молиться, когда они время указали. Тяжело мнѣ бывало станеть, грустно такъ. Чувствовалъ я, что между Богомъ и моей душой стать кто-то хочетъ. Тогда я впервые почувствовалъ, что есть тутъ какая-то неправда, какія-то цѣпи, которыя хочетъ надѣтъ мѣръ на душу, рвущуюся къ Богу...

И вотъ, въ такія минуты, когда тоска овладѣвала моей дѣтской душой, я уходилъ въ чащу печальныхъ березокъ. Тамъ, опустившись на колѣни, я предавался молитвѣ со всѣмъ пыломъ, на какой только было способно мое юное сердце. И странно, Германъ: когда я вотъ такъ оставался одинъ со своей душой, я ясно чувствовалъ, что мѣръ мѣшаетъ видѣть, чувствовать Бога и что нужно уйти отъ міра, чтобы увидѣть въ себѣ Бога. И чѣмъ большая вокругъ меня водворялась тишина, тѣмъ глубже я засматривалъ въ свою душу, тѣмъ яснѣй я видѣлъ, познавалъ, чувствовалъ присутствіе Божіе. Тихо, свѣтло и вмѣстѣ печально-жутко тогда было кругомъ. И въ молчаніи печальныхъ березокъ мнѣ чувствовалась какая-то особая скорбь, что-то особое, неземное... Именно неземное... Тогда я смутно начиналъ понимать то, что теперь, кажется, понимаю болѣе ясно: что земля удѣлъ грѣха, тяжелыхъ, мрачныхъ и грязныхъ пороковъ и грубаго довольства и что чѣмъ дальше отъ земли, отъ ея заботъ, отъ самодовольныхъ людей, тѣмъ ближе къ настоящей, къ истинной, къ духовной жизни...

Именно тамъ, въ березовой рощѣ, — проговорили Нилъ, иѣсколько подумавъ, — я почувствовалъ величіе духовной жизни, чистой, свѣтлой и вмѣстѣ немного грустной, печальной. А когда солнце яркое переставало ласково свѣтить, небо покрывалось тучами и березки начинали плакать, роняя съ своихъ листьевъ на землю крупныя, частыя слезы, — съ ними вмѣстѣ плакалъ и я. О чемъ я плакалъ? Не знаю, но чудится мнѣ, что и тогда уже въ этихъ слезахъ просвѣчивала мысль о томъ, что міръ нестерпимое страданіе и что въ мірѣ, на землѣ, не можетъ быть радости, а лишь одна скорбь... И въ сѣрые, особенно осенніе, тоскливые дни мнѣ всего легче становилось: въ эти дни я тверже, чѣмъ въ другіе, чувствовалъ тщету міра, суетность его радостей и то, что мнѣ суждено Величайшимъ Владыкой неба полюбить его, это небо, и оставить для него землю...

Нилъ, взволнованный, замолкъ. Глаза его, полные слезъ, были устремлены въ далекое небо, въ грустно мерцавшія на немъ безчисленныя звѣзды.

— Любилъ я еще, — продолжалъ онъ, — глядѣть по вечерамъ на небо, усѣянное, какъ вотъ теперь, великимъ множествомъ звѣздочекъ. Вглядываясь въ нихъ, я совершенно забывалъ землю и тоже чувствовалъ близость какого-то иного міра, не похожаго на нашъ, болѣе чистаго, болѣе яснаго... Замѣтилъ ли ты, Германъ, что звѣзды всегда грустно мигаютъ? Тогда, въ дѣтствѣ, я не думалъ объ этомъ, а только чувствовалъ это. Теперь же я часто думаю надъ этимъ, и кажется мнѣ, что это въ звѣздахъ Божія мысль, грустная, скорбящая...

— Какъ такъ? — спросилъ съ недоумѣніемъ Германъ, — въ первый разъ такое слышу.

— Постой, Германъ. Языкъ нашъ несовершенный. И много еще пройдетъ вѣковъ, и даже тысячелѣтій, пока люди научатся ясно говорить о томъ, что у нихъ

въ душѣ. Ибо душа человѣка—это море, въ которомъ все невыразимо сложно и глубоко... Но въ звѣздахъ, по моему грубому реченію, сіяетъ скорбная Божія мысль. Ты знаешь, что тварь „скорбитъ и совоздыхаетъ человѣку“ въ его паденіи, въ томъ, что онъ невыразимо далеко удалился отъ Бога, отъ исполненія Его заповѣдей. Такъ это твари отъ Бога такая скорбь, и звѣздамъ также отъ Бога. Потому-то, чудится мнѣ, и померкли онѣ, печальныя, когда на землѣ умертвили Сына Божія...

Такъ вотъ, Германъ, еще дома я научался не любить міра и уходить отъ людей, въ безмолвіи души бесѣдовать черезъ нее съ Богомъ, видѣть въ ней Его открывающагося. Еще дома я увидѣлъ и почувствовалъ, что въ мірѣ нельзя спастись, а можно только внѣ міра, и что самое спасеніе должно происходить черезъ разсмотрѣніе души. Душу созерцать, ею молиться, „умную“ молитву творить, то-есть молитву безъ словъ, а только чувствомъ, въ душѣ — вотъ только что осталось человѣку на этой грѣшной землѣ.. Не то чтобы я все это ясно понималъ и сознавалъ: малъ я былъ, несмышленочекъ. А ясно стало это послѣ, въ Москвѣ, да, пожалуй, и еще послѣ, тутъ уже, въ обители...

Ушелъ я въ Москву изъ дому; въ приказъ меня опредѣлили. Скажи, могъ ли Господь ближе показать мнѣ міръ во всей его неприглядности и нечистотѣ? Непрерывное сутяжничество, мздоимство, ложь, нелюбовь другъ къ другу, огрязнѣніе души до послѣдней степени, до потери всякаго человѣкоподобія—вотъ что я увидѣлъ на Москвѣ, служа въ приказѣ. Можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ городѣ жизнь была не такъ грязна, но то, что Божіе созданіе, человѣкъ, могъ хоть однажды опуститься до такой степени паденія, — уже это одно меня устранило и увѣряло въ томъ, что міръ, мірская жизнь—зло. И началъ я вдумываться, всматриваться: отчего происходило то,

что я видѣлъ, что болѣе всего толкало людей на путь зла и взаимныхъ обидъ? И увидѣлъ я, разсмотрѣвши, одну для этого причину: люди выдумали, что они живутъ для земли, для тѣла, забыли, что они должны жить для Бога, для души, для того, чтобы воспитать въ себѣ духовнаго человѣка, чтобы усовершенить въ себѣ душу по образу Божіа совершенства. И вотъ, когда люди забыли о небѣ, о своемъ великомъ призваніи, тогда они начали любить землю, свое тѣло и все то, что его улаждаетъ. Тогда они полюбили и богатство, и еще многое другое, что привязало ихъ къ землѣ. И когда они привязались къ землѣ, то стали грязны и нечисты и погибли для истинной жизни...

Давъ въ душѣ своей торжественную клятву не жить въ мірѣ, я обратилъ свой ищущій взоръ къ тѣмъ, кто отрекся отъ міра, но—„последняя бысть горше первыхъ“. Если міръ погрязаетъ во злѣ, не отрекаясь отъ него, то иночество, какое я тогда видѣлъ, погибло въ томъ, отъ чего клятвенно отрекось. Иноки, какъ и прочіе люди, судились, клеветали другъ на друга, отнимали другъ у друга разныя земныя блага. А казалось бы, зачѣмъ инокамъ земныя блага, когда они иноки, иные, значитъ, для міра съ его страстями и заблужденіями? И увидѣлъ я, что тѣ иноки, которыхъ я въ Москвѣ по приказамъ видѣлъ, вовсе не иноки, а только именующіе себя таковыми, обманывающіе Бога и людей. И не иноки они потому, что совершаютъ ту самую ошибку, какую совершаетъ и весь грѣшный міръ: думаютъ, что можно угодить Богу и вести истинную жизнь, прилѣпляясь къ землѣ, которая полна заблужденій и тьмы! Нѣтъ, только тотъ инокъ, кого Богъ совершенно изъялъ отъ міра...

Нилъ немного помолчалъ, видно, углубленный въ воспоминанія. Потомъ снова полилась его горячая молодая, юношески-чистая рѣчь:

— Въ это-то время и привелъ Господь Богъ про-

...жизни великаго отца нашего Кирилла. Въ семь
жизни многое плѣнило меня, а въ особенности то, что
великій отецъ заповѣдалъ полную нестяжательность...
И вотъ я пришелъ сюда. Здѣсь ты уже знаешь, какъ
протекаетъ и протекала моя жизнь, но не знаешь еще
того, что творилось и творится порою въ моей душѣ.
Началось это еще тогда, когда я въ первый разъ ус-
лышалъ о дарѣ князя Андрея нашей обители. Даръ,
конечно, не великій, и не скуетъ онъ цѣпей нашимъ
богомудрымъ старцамъ, а только все-же не иноческое
дѣло отъ міра подарки брать. Такъ мелькнула, такъ
родилась моя первая непокорная мысль. И вижу я,
что не для нынѣшнихъ нашихъ братій опасно это дѣло:
завѣты великаго учителя и богомудраго отца нашего
еще весьма и весьма сильны и дѣйственны въ нашемъ
иночествѣ. Не о нынѣшнемъ времени тоскую и болѣю
я; ростокъ у корня малъ, невеликъ, едва замѣтенъ,
но, выходя изъ земли, онъ поднимается, подростаетъ,
разростается, наконецъ, въ великое дерево, покрыва-
ющее собою землю. Такъ боюсь я за грядущія поко-
лѣнія иноковъ: разростутся богатства — увеличится
соблазнъ, и станутъ иноки не иноками. Вотъ горе, въ
ожиданіи котораго я трепещу и въ сознаніи котораго
моя душа дерзко ропщетъ противъ мірскихъ даровъ
нашей обители.

Такое первое сомнѣніе посѣтило здѣсь мою душу...

Нилъ снова замолкъ. Видно, ему было не легко вы-
сказать то, что наболѣло въ его душѣ.

— Грѣшная мысль у тебя, братъ Нилъ,—прогово-
рилъ тихо Германъ,—хоть, сознаюсь, посѣщаетъ она
иногда и меня. Да, только я гоню ее прочь: не намъ
судить, юны мы еще. Покорность, послушаніе, нераз-
сужденіе — вотъ что иноку нужно.

— Грѣшная? Самъ же говоришь, что душу твою
она посѣщаетъ... Въ томъ и горе наше великое, что
мы душу мало слушаемъ, въ нее не вѣримъ, хоть и

говоримъ всегда, что она создана по образу и по подобію Божію. Коли она образъ и подобіе Божіе, значитъ, намъ нужно всё силы своего ума и сердца, всё старанія приложить къ тому, чтобы всмотрѣться поглубже въ нее, понять ее, въ ней найти Бога и насладиться Его лицезрѣніемъ... А мы развѣ то дѣлаемъ? Мы все вотъ только за виѣшнимъ слѣдимъ, чтобы по виѣшности все было чинно, благолѣпно, исправно, угодно Богу. А забываемъ, что Богу только и угодно то, что изъ души нашей исходитъ...

Вотъ тутъ-то и лежитъ вторая моя непокорная мысль, второе мое сомнѣніе. Думалъ я, приду въ обитель и найду тамъ полную свободу своимъ порывамъ къ Богу. Душа, думалъ, въ волю будетъ жить. Выходить не такъ...

— Какъ не такъ? — перебилъ Германъ, — въ обители только и заботятся о томъ, чтобы дать нишу для жизни для души, а ты вонъ что говоришь. Грѣшно такъ говорить, Нилъ.

— Выслушай меня, братъ, не отягощай еще болѣе моей тоскующей души.

— Говори.

— Такъ слушай же. Коли въ обитель приходимъ мы, чтобы уйти отъ міра и начать жить по душѣ, то зачѣмъ тутъ для всѣхъ одинаково указано: когда, что и какъ нужно дѣлать. Души, вѣдь, разныя, такъ по-разному каждый и служить Богу хотѣлъ бы. А то положить для всѣхъ одно правило и не замѣчаютъ, какъ мало-по-малу на душу, на совѣсть человѣка налагаются ковы: тогда нельзя стать на молитву, а нужно работать. А въ другое время зоветъ подумать, поразмыслить надъ своей душой — тоже нельзя: кругомъ люди; хоть и родные по духу и Христу братіе, а все-же не одинъ человѣкъ...

— А какъ же ты хотѣлъ бы, безъ правилъ, что ли? — спросилъ съ недоумѣніемъ Германъ. — Такъ не

годится. Плоть человѣческая грѣшна, и коли ей не указать, что и когда дѣлать, то и грѣхъ великій можетъ произойти. Запразднуешь, залѣнишься, а тамъ и совсѣмъ изъ послушанія выйдешь...

— Нѣтъ, Германъ, не то. Все ты меня не понимаешь. Хочу я только, чтобы изъ внѣшняго люди ковѣ не создавали своей свободной душѣ. Тутъ я сначала открою тебѣ одну свою мысль. Видишь, списываю я теперь святое Евангеліе. Читалъ я его еще дома. Но тогда, въ раннемъ дѣтствѣ, я его не понималъ. Теперь же я чувствую, ясно, до осязательности ясно чувствую, что здѣсь именно заложены глаголы вѣчной жизни и что человѣку только и нужно дѣлать въ жизни то, что написано въ Евангеліи. Евангеліе же зоветъ къ духовной жизни, чтобы человѣкъ о душѣ, а не о внѣшнемъ, заботился. И вотъ,—грѣшный я человѣкъ,—кажется мнѣ, что трудно людямъ Евангеліе во всей его истинѣ понять и ему во всей его полнотѣ послѣдовать, и вотъ они избрали болѣе легкое въ слѣдованіи Христу и начали служить Ему наружно. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе люди придавали значенія внѣшнему...

— Что же по-твоему надо?

— По моему грѣшному пониманію людямъ надо вести только духовную жизнь, а внѣшнее настолько, насколько это не мѣшаетъ, а содѣйствуетъ внутреннему. Души не надо стѣснять ничѣмъ. Какъ она велика, такъ и поступай.

— А если трудно понять ея голосъ? — задумчиво спросилъ Германъ.—Я вотъ часто такъ испытываю: говорить душа, зоветъ куда-то; а что говорить, куда зоветъ, невѣдомо...

— Вотъ тутъ-то и дано намъ свыше величайшее руководство — „божественныя писанія“. Прежде всего въ святое Евангеліе смотри. Тамъ заключены всѣ глаголы вѣчной жизни. Если же не поймешь чего, къ

апостольскимъ посланіямъ обратись. Тамъ съ великою толковитостію все разъяснено и предуказано, особливо апостоломъ Павломъ. Ну, а если и апостольскія посланія не вразумительны, обрати свой умственный взоръ на святыхъ отцовъ, которыхъ, чай, и ты списывалъ по повелѣнію отца Мартиніана...

— Списывалъ, и не дальше, какъ мѣсяцъ назадъ.

— Ну вотъ. А только скажу я тебѣ и тутъ: много писаній, но не всѣ божественны.

— Что ты, Нилъ, и тутъ погрѣшаешь?

— Говорю, какъ велитъ душа. Вотъ ты самъ разсуди. Записалъ ты свою думу. Кто зналъ тебя, пояснилъ ее толково. Родился третій, и тотъ пояснилъ, да ужъ не такъ; а дальше и еще не такъ. Это первое. А второе: вотъ ты списываешь, а такъ ли все приходится списать, какъ написано? Иногда и не такъ: словомъ-то, другимъ и ошибся. А развѣ не бывало такъ въ древности? Бывало, и думаю, очень много. Значить, нужно бережно да осторожно все читать. Читай, да не забывай: можетъ, въ иномъ спискѣ и не такъ, а болѣе правильно, поставлено. Нужно, значитъ, стараться найти правый, истинный списокъ... Ты вотъ все это и разсуди. Разсуди и то, коль велика заслуга иноковъ, труждающихся надъ списываніемъ святыхъ словъ и какъ нужно имъ съ помощью Божіей искать правыхъ, поистинѣ божественныхъ писаній...

Нилъ замолкъ. Потомъ, словно обождавши, не скажетъ ли чего-нибудь Германъ, онъ продолжалъ:

— Скажу тебѣ подъ конецъ еще про наше иноческое житіе. Говорилъ уже тебѣ я, что душу смущаетъ, тяготитъ оно. Прослышалъ я, что преподобный Кириллъ весьма крѣпко стоялъ за общее житіе, и диво меня взяло: въ общемъ житіи по душѣ не проживешь; многое тутъ ее смущаетъ. И думается мнѣ, что истинный образъ иночества другой. А какой, гдѣ онъ, того не вѣдаю, и нѣтъ никого, кто бы повѣдалъ,

гдѣ можно искать такого образа... Говорилъ отецъ Мартиніанъ о далекомъ востокѣ православномъ, что тамъ иноки такъ живутъ, что каждый по волѣ своей души служить Богу. А только и самъ отецъ Мартиніанъ доподлинно сего не знаетъ... Кто же укажетъ мнѣ тотъ истинный путь?..

Послѣднія слова Ниль произнесъ съ особенной тоской и грустью въ голосѣ. Потомъ онъ замолкъ и поднялъ свои глаза къ небесамъ; уста молодого инокѣ шептали молитву. Германъ тоже молчалъ, и на лицѣ его, обыкновенно ясномъ, подвижномъ, виднѣлась теперь глубокая, сосредоточенная дума.

— Многое ты, Ниль, затронулъ въ моей душѣ,—заговорилъ онъ немного погодя.—И хоть кажутся мнѣ твои мысли грѣшными, дерзкими, а есть въ нихъ что-то, къ чему тянется всей душой...

Ниль собирался что-то сказать, но въ этотъ мигъ до слуха юношей донесся стукъ въ бѣло.

— Полуночный часъ,—проговорилъ Германъ,—пора намъ, пожалуй, и на покой. А то и не совладаешь со сномъ къ утру.

Оба друга направились къ киновіи...

V.

Черезъ нѣсколько дней Германъ, сіяя отъ радости, обратился къ Нилу.

— Знаешь, братъ, отецъ Мартиніанъ далъ мнѣ для списыванія нѣсколько свитковъ. Читалъ я ихъ уже, такъ и нахвалиться не могу, какъ для души полезно. Вотъ то самое, что и ты говорилъ насчетъ селъ да владѣній монастырскихъ... Хочешь, почитаемъ вмѣстѣ...

Ниль съ радостью согласился, и юные друзья принялись прежде всего за два слова безъ надписанія. Одно изъ нихъ говорило о томъ, угодно ли Богу, чтобы монастырямъ дарили села, а другое—что мило-стыню надо давать прямо, а не черезъ ходатаевъ.

„Сидящо нѣкогда святому отцу со учениками своими,—читали юноши,—и глаголюще о душеполезнѣи, и се принесоша житѣе нѣкоего христіюлюбца, умершаго г мѣсяца, яко велику милостыню створи и умре: ибо слоутное свое село отдать монастыреви святаго Іоанна. Слышавше се святой отецъ опечалился и воздохнувъ и рече: увы, миѣ! яко погуби таковый человѣкъ душу свою. И глаголаша ему ученици его: что убо, отче? не паче ли ему бы помиловану быти о такомъ дарѣ? Рече отецъ: глаголю вы, чада: аще кто дастъ худымъ нашей братіи на роздѣль, то въ спасеніе души; аще ли село дастъ монастыреви, на пагубу дастъ души своей. Видѣхъ бо въ минувшую ночь о братѣ нашемъ, о немже вы глаголете, яко душа его стоитъ предъ Богомъ на судѣ осуждена въ муку села того ради. Молящи же ся Богородици со Предтечею и рече Господь: когда село отпустятъ отъ монастыря, тогда отпуститъ душа та отъ муки. Слышавже се братья повѣдаша ирмену и отпустиша село то отъ монастыря, и видѣ отецъ отпущену душу ту отъ муки и рече имъ: аще кто дастъ село монастыреви, то на пагубу души своей; аще ли на роздѣль, то въ спасеніе есть души своей“.

„Тако аще кто милостыню дастъ ходатаемъ, то такіи не милостыню творить, но гордость погана есть, да таковый не пріемлетъ мзды: понеже бо Авраамъ и Давидъ и нѣиіи многіи святіи мужи не хотяху милостыни творити ходатаемъ. О семъ бо Іоаннъ Златоустый свидѣтельствуєтъ: Авраамъ имѣяше домочадецъ 318 и ни единого посла въ стадо по телець, но самъ тече и уготова обѣдъ Господеву. Также и Сара, толико рабынь имущи, ни единой же рече: умѣси тѣста, но сама здѣла. Господь же не ходатаемъ обѣща іма великую благодать: Аврааму бо рече: буди сѣмя твое яко песокъ морской: что же можетъ быть толь много сѣмени того? Се ся миѣ мнитъ, яко всемъ языкомъ отецъ

есть, вѣрующимъ во Христа. Тако бо речено есть, яко о тебѣ благословятся вси языци. А Сарѣ сынъ бѣша не ходатаемъ, но самъ рече: будетъ сынъ, се бо въ Исаѣѣ прозвахъ имяно въ еже суть крестьяне, и самъ отъ негожъ племени родися по плоти. Самъ же Господь распять за человѣческое спасеніе, а не ходатая посла на распятіе“.

— Вотъ видишь, какъ монастырямъ грѣховно пользоваться селами, то-есть земными угодами и людьми, даримыми отъ князей,—проговорилъ радостно Нилъ, когда они окончили чтеніе,—да и второе слово весьма полезно для всѣхъ: и для иноковъ, и для мірянъ... А что еще далъ тебѣ отецъ Мартиніанъ?

— А вотъ два сборника изъ святыхъ отцовъ. Тутъ ужъ все касается до иноческой и пустыннической жизни. А особливо важны и, думается мнѣ, важны тутъ два поученія Иларіона, епископа Мегленскаго, къ отрекшимся отъ міра Христа ради. Оба они стоятъ въ началѣ сборниковъ. Прочитаемъ ихъ...

И юноши опять начали читать:

„Потщимся, братіе, паче всего безъ молвы Богови работати: се бо паче неповинна тя предъ Богомъ поставить. Прилѣпнись пустыни, яко младенецъ любимѣй матери: мати бо млекою взпойтъ отроча свое, пустыня же душу твою напоитъ разума Божія и сотворитъ Бога пріятеля твоихъ молитвъ и присвоитъ тя Бога любити всѣмъ сердцемъ и тебе упразднитъ отъ міра и отъ печалей его всѣхъ. Но исперва убо имаша подъяти бѣды и напасти и страхъ отъ бѣсовъ и отъ самого діавола, и тако ти стужитъ, яко мнѣтъ ти ся нѣсть спасенія, но или ити въ міръ, или ту злѣ умрети. Но стани на камени вѣры и вся находящая ти бѣды терпи храборски и побѣждай, яко воинъ Христовъ, одѣявся, яко бронями, смиреніемъ, щитомъ же частыми молитвами и копьемъ всегдашнимъ постомъ, шлемомъ же помощю Божіею и мечемъ же

словомъ Божиємъ. Любящей бо земного царя любитъ и умереть за нѣ: не паче ли за небеснаго царя намъ подобаетъ полученія ради небеснаго царствія? Азъ убо не глаголю ти кровь проліяти. Си безъ време не по апостолу, якоже глаголетъ: „Нѣсть наша брань къ плоти и крови“ и прочая,—но терпѣти съ похвалою въ пустыни, а не разлѣившеся встати итти въ градъ. Аще не терпиши, како речени съ божественнымъ Давидомъ: „Терпя потерпѣхъ, Господи, и внять ми и услыши молитву мою, изведъ мя отъ рва страстей“. Аще и не прїидетъ помощь скоро свыше, но обаче всяко прїидетъ, и аще продолжится сѣченіе на брани, ту больша побѣда и слава. Тако и здѣ любовію царскою отъ воинъ побѣда растетъ и любовь яже къ Богу; помощь отъ Него исходитъ, любовь же твоя цѣла даетъ. Аще претерпиши въ пустыни, аще и голодомъ случитися умерети, да не изыдеши: не на сытность бо міра ишелъ еси, но на исканіе вѣчныхъ благъ. Но не оставитъ тебе Богъ умерети: Прекормивый бо въ пустыни множество людей тебе ли единого не прокормитъ. Пишетъ бо: „Возверзи на Господа печаль свою, и Той тя пропитаетъ“. Рабъ нѣкій въ пустыни молчаше въ келіи своей и скорбаше крѣпко отъ унынія, еже изыти изъ келіи своя, и глаголяше въ себѣ: о душе, не стужи си сѣдящи въ келіи, довольно ти есть се, аще и ни едино твориши, еже никого соблазняеши, ни опечаляеши, ни оскорбляеши отъ кого. Разумѣй, колика зла избавилъ ты есть молчанія ради и безмолвно молишися, не празднословиши, не слышиши бесполезная, ниже зриши тщетная. Едина ти брань унынія,—силенъ есть Богъ и сего упразднити. Сія ему и другая вящшая смиреннѣ мыслящу много утѣшеніе бысть ему за непрестанныя ради молитвы“.

Окончивъ чтеніе этого поученія, во что бы то ни стало воспреещающаго пустынникамъ бросать мѣста своихъ подвиговъ, юноши прешли къ другому по-

ученію Иларіона Мегленскаго, въ которомъ онъ обличаетъ уклоненія иноковъ отъ высокихъ правилъ ихъ жизни.

„Красно есть воистинну и многѣй хвалѣ достойно иже видѣти мужа въ міру, отрицающагося міра и иже въ міру красныхъ и легкихъ и всего имѣнія и бывающаго инокъ. Хулножь и проклятоежь видѣти мниха санъ въ мірѣ приѣмлюща и мірская строяща и богатство беруща. Онъ бо надежею жизни вѣчныя отменяется жизни сея и бываетъ чадо свѣту и дни. Сей же невѣрованіемъ о жизни вѣчнѣй отметнетъ обнищаніе, иже Хріста ради обѣщающа и бываетъ другъ свѣту сему, врагъ же Божій, по глаголу брата Господня Іакова. Сего ради смѣхъ бываетъ и поганымъ, и Хрістова вѣра хулится насъ ради отъ нихъ. Глаголютъ бо: како вы, мниси, повѣдаете жизнь вѣчную быти и воскресеніе мертвымъ, егже ради и постризаетесь, а нынѣ видимъ вы и старыя и младыя, яко каждое васъ власти отъ царя и отъ вельможъ ищете, отъ бояръ же имѣнія, отъ убогихъ же чести и покланенія. Да како жизнь вѣчную мѣните, а сея жизни и славы и чести и имѣнія ни мало себѣ отменяете. Намъ мнится, яко вы другъ другу о жизни вѣчнѣй лжете: на любви бо вашей свѣта сего знати есть, яко не зѣло хотите одного житія; дайте намъ имѣнія ваше и злато, а вамъ вѣчная жизнь. Сія убо азъ, братіе, своимъ ушима слышахъ отъ нѣкоего погана и удивихся зѣло, яко и поганіи вѣдять о нашемъ неустроеніи и поношаютъ намъ.

Мы же, братія, образъ такового одѣянія носяще, и приплетаемся земныхъ вещей, якоже и мірстіи: учащаемъ нивы, исполняемъ гумна, украшаемъ храмы, удивляемъ дома, проносимъ имя свое къ всѣмъ чело-вѣкомъ, яко дивно; а о томъ, аможе вскорѣ хотимъ отъйти, того не хотимъ ни въ мысли нашей поминати: толиче хужши есмя мірскихъ. Понеже міра держимся: еже убо что у мірскихъ дивно видимъ, то всею силою

подвизаемся, дабы и у насъ тожь было, а не помянемъ, яко того есмь всего въ отреченіи и въ постриганіи нашемъ и всего міра, и яже суть въ мірѣ. Аще же ли се лжа, да испытается, аще не тако есть. Не имѣемъ ли селъ, якоже и мірстѣи? Не словутъ ли нивы чернеческія и озера и пажити, скоты и дома, твердо ограженніи и храми свѣтлы? Не имѣемъ ли ковчеги, со имѣньемъ твердо храними, якоже и мірстѣи, и домодержци? Не красуемъ ли блистаніемъ златнымъ, и веселимся свѣтлыми ризами и величаемся? Не обѣди ли и праздники мірскихъ нами полны бывають? Не мы ли наки возывающе мірскихъ богатыни, на обѣдѣ у себе посаждаемъ, большее хотяще дерзновение къ домомъ ихъ имѣти? Не на брацѣхъ ли у нихъ мы предсѣдаемъ? Не наша ли рука выше всѣхъ пресвитеръ возвышаема чашни перекрещающи? Не наше ли око вся сѣдѣющая обзираеть? Не наше ли горло, въ народѣ пира бряцаѣ, многи укоры намъ содѣваетъ? Христолюбцы убо, заповѣдь Спасову творяще, призываютъ насъ въ дома своя: овѣ молитвы ради, овѣ же милостыню творяще. Мы же, своего чина не храняще, вмалѣ посѣдимъ поникше и потомъ возведемъ брови, тажъ и горло, и поемъ, дондеже смѣхъ и дѣтемъ будемъ, егожь пьянства и мірстѣи мнози хранятся, мерзость бо имъ есть: тожь и на насъ есть видѣти безумное упованіе. Троя убо вины приносятъ любящимъ его: а) тѣлесн недугъ, в) отъ человекъ укоръ и смѣхъ, г) души паденіе и уму изступленіе. То чимъ лучши есмы мірскихъ? Ничимъ же. Не хвалу ли любимъ, а укоризны не терпимъ? Не свѣтлою ли ризою красимся и драгою, раздранныя же не хотимъ ни въ келіи нашей видѣти? Не принесшаго ли приедемъ съ любовію наче тща пришедшаго? Почтожь двери келій своихъ твердыми замки утвѣрждаемъ? Явѣ, яко многа ради лежащаго въ нихъ имѣнія. И якожь инарху нѣкоему умершу, мнози боляра на мѣсто его мзятся, богатства ради и

сапа того и славы и чести отъ всѣхъ,—такъ и въ насъ убогихъ подобіе мірское бываетъ: умершу убо коему игумену или иконому, мнози отъ насъ возстанутъ и намѣстіе его тѣхатся пріяти, и се таящесь одинъ отъ другого, а всѣмъ вѣдомо суще, овъ убо мздами, не пмуще же ласканьми, яко змѣннѣ ядѣ хотяще изліати на искреннихъ. Что же се? Явѣ, яко имѣнія ради. Оле смѣха достойно житіе наше! Нѣсть ни единого же въ насъ, преподобныхъ отецъ ревнующи добрымъ дѣломъ ихъ: молитвъ и бдѣнію, посту, безоимѣннству, нищетѣ самовольнѣй и прочимъ таковымъ. Но умершу въ насъ нѣкоему богатому иноку и душу свою того ради погубившу, имѣнію оставившу,—мы же, ревнующе пагубѣ его, на мѣсто его насккаемъ и сладко си творимъ въ пагубѣ его и мы увязнати, да онѣхъ святыхъ отецъ житію и дѣломъ, имиже чудеса послѣдоваху, не хотимъ житію ихъ ревновати и дѣломъ ихъ подобитися“.

Когда они прочли это наставленіе Иларіона, воцарилось молчаніе. И только черезъ нѣкоторое время Нилъ спросилъ своего друга:

— Ну что, Германъ, можно ли послѣ этого еще сомнѣваться, какъ вредно для души инока владѣть мірскими сокровищами?

— Я, Нилъ, и самъ это въ глубинѣ своей души думалъ, а ты и вотъ это святое писаніе еще больше укрѣпляетъ меня въ этой благочестивой мысли.

— Вотъ что только печально,—задумчиво проговорилъ черезъ нѣкоторое время Нилъ:—говоримъ вотъ мы здѣсь такъ, думаемъ, и душа намъ то же подтверждаетъ. А только нѣтъ вотъ такого старца, который бы объяснилъ намъ этотъ голосъ души и направилъ наши думы, стремленія по правильному руслу, по правильному пути.

— Грѣшно такъ, братъ, говорить: у насъ есть отецъ Кассіанъ, отецъ Мартиніанъ...

Германъ проговорилъ это, но въ тонѣ его словъ

слышалось какъ бы нѣкоторое недовѣріе къ тому, что онъ самъ говорилъ.

— Ты говоришь, грѣшно?—возразилъ Ниль.—Но Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, когда влагаетъ въ наши души святую неудовлетворенность. Отецъ Кассіанъ и отецъ Мартиніанъ высокой святости мужи, но знаніе высшихъ истинъ мудрости имъ не дано. Они свой вѣкъ провели въ испытаніи и усовершеніи великихъ завѣтовъ великаго отца и учителя; каждая же душа имѣетъ свои особыя пытанія, и есть такія пытанія, на которыя въ нашей обители, а, можетъ, пока и во всей Руси, нѣтъ отвѣта. Свѣта мало на Руси, Германъ, свѣта, знанія, которое, соединившись съ чистотою сердца, возносило бы людей надъ міромъ, указывало истинный путь тому, кто хочетъ совсѣмъ уйти отъ міра, но не знаетъ, какъ доказать, опровергнуть его грѣшныя помыслы, страсти и влеченія...

— Вѣрю только я,—добавилъ, немного подумавъ, Ниль,—вѣрю, душой чувствую, что долженъ притти и придетъ въ нашу обитель такой человѣкъ, который объяснитъ намъ все, что есть недоумѣннаго. Придетъ потому, что среди ушедшихъ отъ міра есть постигшіе всю мудрость души и міра сего, наша же обитель, какъ свѣтильникъ неугасаемый, свѣтитъ на темной Руси и приводитъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ истиннаго иноческаго житія...

На этомъ закончилась на сей разъ бесѣда юношей-иноковъ и потомъ долго не возобновлялась. Каждый изъ нихъ ушелъ въ свои думы, въ свою душу. Когда же они поднимали снова бесѣду, она опять сводилась у нихъ къ тому, что они ждутъ времени, когда найдутъ и поймутъ истинный образъ иноческой жизни... Скоро и вся братія узнала о стремленіяхъ юношей и, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ успокоить и уговорить ихъ, молила Бога только о томъ, чтобы Онъ просвѣтилъ ихъ.

Такъ прошло два года съ небольшимъ, а на третій

прибыль въ Кириллову обитель тотъ, кому суждено было разрѣшить томившія душу Нила недоумѣнія и воспитать въ его лицѣ великаго подвижника земли русской.

Это былъ знаменитый въ исторіи русскаго подвижничества старецъ Паисій Ярославъ.

Старецъ Паисій Ярославъ былъ постриженникъ Спасской обители, „что на камнѣ“, иначе — Спасокаменнаго монастыря. Человѣкъ знатнаго происхожденія, онъ еще въ дѣтствѣ могъ познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что давала русская образованность того времени. Въ дѣтствѣ же онъ приобрѣлъ глубокую любовь къ книжнымъ занятіямъ и ко всякому знанію. Подросши, Паисій, въ мірѣ Петръ, почувствовалъ влеченіе къ созерцательной иноческой жизни, которая къ тому же давала ему полную возможность посвятить себя всецѣло книжнымъ занятіямъ. Такъ Паисій и сдѣлалъ. Постриженіе онъ принялъ, какъ мы уже говорили, въ Спасокаменномъ монастырѣ. Спасокаменный монастырь того времени отличался особымъ уставомъ, занесеннымъ однимъ изъ его настоятелей съ востока и придавшимъ всѣмъ сторонамъ жизни иноковъ болѣе глубокій, болѣе возвышенный и болѣе созерцательный характеръ. Паисій со всей силой молодого, рвущагося къ подвигамъ сердца отдался подвигамъ, которые совершалъ подъ руководствомъ испытанныхъ въ духовной жизни мужей.

Но на свѣтѣ нѣтъ ничего такого высокаго и святаго, чего бы люди не унизили, не затоптали подъ свои ноги. Такъ случилось и тутъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе понижался духовный уровень спасовскихъ иноковъ. Тогда, спасая для своей души благоговѣніе къ великимъ завѣтамъ создателей обители, Паисій рѣшилъ оставить Спасокаменный монастырь. По выходѣ изъ монастыря предъ нимъ, естественно, долженъ былъ возникнуть вопросъ о томъ, куда же идти, гдѣ найти мѣсто для души, ищущей

радостнаго покоя и истиннаго иноческаго житія. Но на этотъ вопросъ у старца давно уже былъ готовый отвѣтъ. Въ тѣ времена на сѣверѣ Россіи строгостью устава и жизни своихъ иноковъ славилась Кириллова обитель. Сюда-то и рѣшили направить свои стопы знаменитый подвижникъ. Произошло то, на что уже указывалъ Нилъ въ своей бесѣдѣ съ Германомъ.

Встрѣча Паисія съ тѣмъ, кто долженъ былъ стать самымъ вѣрнымъ и самымъ усерднымъ его ученикомъ и другомъ, произошла на третій день послѣ прибытія старца въ обитель. Нилъ мелькомъ видѣлъ Паисія на первый и на другой день по его приходѣ, но встрѣтиться съ нимъ ближе, поговорить, чтобы раскрыть всю свою душу, ему въ эти дни не удавалось.

А между тѣмъ желаніе сдѣлать это было въ душѣ Нила сильное. Еще за нѣсколько времени до прихода Паисія о немъ здѣсь много говорили. Старцы, одни изъ которыхъ знали лично подвижника, другіе же много слышали о немъ, радовались тому, что среди нихъ будетъ жить человѣкъ великой мудрости, великихъ знаній, соединенныхъ съ великою добродѣтелью.

— Вотъ у Паисія поспроси,—говорили они Нилу,— Паисій все знаетъ, что человѣку на свѣтѣ доступно. Онъ повѣдаетъ тебѣ и о томъ, чего не знаемъ мы, смиренные...

И Нилъ твердо рѣшилъ просить у прибывшаго старца руководства и наставленія.

Былъ ясный осенній день. Воскресная служба, а за нею и трапеза, отошли, и теперь каждый изъ иноковъ могъ предаться отдыху. Нилъ видѣлъ, какъ Паисій, вышедши изъ трапезной, направился сквозь чащу деревьевъ къ берегу озера. Юноша последовалъ за старцемъ. Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина. Озеро какъ будто спало, нѣжась подъ косыми лучами солнца. Кругомъ, по берегу озера, уже чувствовалось приближеніе осени. Воздухъ былъ какъ-то особенно,

по-осеннему прозраченъ, и въ этомъ прозрачномъ, похолодѣвшемъ воздухѣ съ особенной ясностью виднѣлись хвойныя деревья, стройныя верхушки которыхъ отчетливо-ясно вырѣзывались на блѣдно-розовомъ небо-склонѣ.

Старецъ пошелъ по берегу озера, изрѣдка разворачивая палкой, на которую онъ опирался, камешки, выброшенные волной на берегъ. На видъ ему нельзя было дать много лѣтъ. Волосы его были еще темны, черные строгіе и умные глаза глядѣли ясно и про-ницательно.

— Благословите, батюшка,—подошелъ Нилъ.

— Богъ благословить,—отвѣчалъ старецъ, осѣняя юношу крестомъ и кладя руку на голову.—Какъ тебя зовутъ?

— Ниломъ.

— По прозвищу Майковъ?

— Такъ, отче.

— Значить, я о тебѣ уже знаю, много слышалъ,—проговорилъ Паисій какъ-то радостно дрогнувшимъ голосомъ. Потомъ, взявъ голову Нила въ обѣ руки, онъ заглянулъ въ его глаза.

— Слышалъ, слышалъ, — добавилъ онъ, цѣлуя Нила въ лобъ,—все протестуешь? Покой своей души нарушаешь, да и другихъ смущаешь?

— Отче, — отвѣчалъ обрадованный Нилъ, — я не хочу никого смущать...

— Душа моя изболѣлась въ исканіяхъ путей истинныхъ,—добавилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, и потому ли, что старецъ такъ ласково сразу обошелся съ нимъ, или потому, что слишкомъ ужъ наболѣло его сердце,—только онъ не удержался и зарыдалъ.

— Не нужно, не нужно, успокойся, мой братъ,—говорилъ старецъ, ласково поглаживая по головѣ Нила,—лучше Расскажи ясно и подробно все, что тревожитъ твою душу.

И тогда Нилъ подробно, безъ всякой утайки раскрылъ предъ старцемъ свою тревожную, ищущую, волнующуюся душу. Онъ, какъ нѣкогда Герману, разсказалъ Паисію о своемъ дѣтствѣ, о юности, о приходѣ въ обитель, о чувствахъ и сомнѣніяхъ, какія уже здѣсь посѣщали и посѣщаютъ его.

Старецъ, сѣвъ на высокій камень, стоявшій у берега, слушалъ молодого инока съ особеннымъ, строгимъ вниманіемъ. Порою его брови близко сходились, и глубокая морщина ложилась на чистомъ высокомъ челѣ, глаза же его имѣли какое-то непонятное, загадочное выраженіе: не то радость, не то какая-то неземная скорбь свѣтилась въ нихъ.

А когда Нилъ окончилъ, тогда началъ говорить Паисій. Говорилъ онъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ, и слова его были ясныя, твердыя, убѣдительныя. Паисій говорилъ юному иноку о томъ, что было до того времени на Руси, какъ люди думали, вѣрили, смотрѣли на свою вѣру и на то, къ чему она обязываетъ.

Сначала, вслушиваясь въ слова Паисія, юный инокъ не понималъ, отвѣчаетъ ли старецъ на его слова, на его мучительные вопросы, или просто говоритъ въ назиданіе. Но чѣмъ дальше шла плавная, спокойная рѣчь умнаго, начитаннаго старца, тѣмъ Нилъ все болѣе и болѣе понималъ, что эта рѣчь имѣетъ въ виду именно его. Предъ Ниломъ изъ словъ старца стала все яснѣе и яснѣе вырисовываться картина умственной жизни Руси въ предшествовавшіе періоды, и онъ вдругъ увидѣлъ, что то, что волнуетъ его, его запросы, стремленія, недоумѣнія, — все это диктуется всей прошлой умственной жизнью русскаго народа, вытекаетъ изъ нея самой и не сегодня—завтра можетъ охватить цѣлыя народныя массы...

Остановимся и мы, чтобы бросить бѣглый взглядъ на судьбы просвѣщенія русскаго общества въ тѣ вре-

мена. Тогда намъ яснѣе, понятнѣе будетъ дальнѣйшая жизнь того, кого потомство справедливо назвало „великимъ старцемъ“.

VI.

Первые шаги русскаго просвѣщенія восходятъ къ тому времени, когда на Русь изъ далекой Византіи была принесена Христова вѣра. Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрой русскіе получили отъ грековъ и первые начатки просвѣщенія. Естественно, конечно, что оно перешло къ намъ въ томъ видѣ и съ такимъ направлениемъ, какіе ему были присущи на родинѣ. Между тѣмъ какъ разъ именно въ это время греческое просвѣщеніе замкнулось въ строго-религіозныхъ рамкахъ, носило исключительно религіозный характеръ.

Такимъ образомъ, русскому просвѣщенію съ самой первой поры суждено было стать религіознымъ. Сюда еще нужно присоединить то, что принесли его на Русь греческіе монахи, то есть духовенство. Духовенство, такимъ образомъ, впервые ввело просвѣщеніе; въ его же рукахъ и осталось оно. Первые школы, какія заводились на Руси, въ Кіевѣ и Новгородѣ, учреждались при монастыряхъ; учителями въ нихъ также были „люди духовнаго чина“. Они, конечно, старались направить вниманіе своихъ учениковъ исключительно на религіозно-нравственную область; остальные области жизни затушевывались и какъ бы совсѣмъ не существовали. Притомъ и книги, по которымъ происходило обученіе, носили исключительно церковный характеръ. Взяты онѣ были, конечно, изъ Греціи, гдѣ въ это время вся литература носила религіозную окраску.

Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ дней образованіе, просвѣщеніе на Руси получило строго-религіозный, даже болѣе того—строго-церковный характеръ. Конечно, въ этомъ не могло бы заключаться ничего неудобнаго, если бы русскій народъ ко времени при-

нѣтія христіанства были болѣе или менѣе развиты, имѣлъ бы собственную, національную, литературу, собственный взглядъ на вещи, разумную способность отличать существенное отъ несущественнаго, непре- рекаемое отъ спорнаго. На самомъ дѣлѣ было далеко не такъ. Русскій народъ въ то время былъ младен- цемъ въ умственномъ отношеніи и принималъ все въ буквальномъ, грубомъ видѣ, схватывалъ все съ чисто- вѣшной стороны, не пытаясь проникнуть въ глубь, даже и не подозрѣвая ее. Такъ отнесся онъ и къ про- свѣщенію. Все, что было принесено съ православнаго востока, считалось непреерекаемой истиной. Сообразно съ этимъ были поняты и задачи принесеннаго оттуда просвѣщенія. Цѣлью жизни должно быть спасеніе души, путь къ этому—религіозно-нравственное усовер- шенствованіе. А это религіозно-нравственное усовер- шенствованіе, по мнѣнію древне-русскихъ христіанъ, возможно лишь путемъ наученія тѣмъ истинамъ, ко- торыя уже стали достояніемъ православнаго востока. Истины же эти заключены и записаны въ тѣхъ кни- гахъ, какія принесены оттуда. Поэтому высшая мудрость христіанина должна заключаться въ томъ, чтобы умѣть читать эти книги и знать ихъ возможно больше; а такъ какъ книгъ крайне мало, то просвѣ- щенный христіанинъ долженъ научиться списывать, переписывать священные книги.

Таковы были тѣ задачи, которыя ставили древне- русскому просвѣщенію современные сознательные люди. Образование свелось, такимъ образомъ, къ невозмож- нымъ книжнымъ занятіямъ: къ умѣнью читать и спи- сывать, и даже главнымъ образомъ къ послѣднему. Естественно, что когда просвѣщенію были поставлены такія узкія цѣли, то тѣмъ самымъ былъ поставленъ крестъ надъ всякимъ умственнымъ развитіемъ, надъ возможностью всякой живой мысли. Въ самомъ дѣлѣ, что узнавать, когда на востокѣ все узнано? Какое

право имѣть какое-либо сомнѣніе или какая-либо мысль, когда книги, принесенныя съ востока, заключаютъ всю истину, и притомъ въ самомъ чистомъ, непререкаемомъ видѣ?

Вообще для древне-русскаго книжника буква написаннаго являлась мѣриломъ истины, всякая же мысль, не находящая подтвержденія въ буквѣ, была грѣшна. Вѣрить можно было лишь въ то и такъ, что и какъ было написано въ книгахъ, провѣрять же это самое написанное, свѣрять хотя бы даже съ написаннымъ въ другой книгѣ считалось опаснымъ для чистоты вѣры. И вотъ мало-по-малу буква и книга въ глазахъ русскаго человѣка стали получать какое-то особенное, высоко-религіозное, священное, всерѣшающее значеніе. Предъ буквой должны были склоняться всѣ истины, всѣ „мнѣнія“, какъ бы ни казались они справедливыми для разума.

Можно ли было признать полезнымъ для тогдашняго русскаго общества такіе его взгляды на задачи просвѣщенія, на тѣ черты, какими оно непременно должно было отличаться? Разумѣется, нѣтъ. Древне-русское общество, приобретаая свѣдѣнія путемъ чтенія, запоминанія и списыванія книгъ, не могло воспользоваться этими свѣдѣніями, такъ какъ прежде всего они не имѣли никакого внутреннего единства. Тогда не существовало никакого заранѣе опредѣленнаго плана чтенія, читалось все, что попадало подъ руку. Но подъ руку рядомъ могли попасться двѣ книги, не имѣющія между собой ничего общаго. И вотъ добытыя разновременно, безъ всякой системы разнородныя свѣдѣнія лежали, такъ сказать, на поверхности души русскаго, не проходя въ самую душу, не заставляя ее трепетать, жить, не превращаясь въ живительные соки, необходимые для духовной жизни.

Затѣмъ, рабское преклоненіе предъ буквой на долгое время омертвило древне-русскую письменность,

направивъ ее по бесплодному пути списыванія мало кому понятныхъ въ своей истинной сущности книгъ. Такъ какъ всѣ книги считались безъ разбора „божественными“, то трудъ древне-русскаго автора заключался въ томъ, чтобы въ своей уже книгѣ собрать возможно больше выписокъ изъ множества разныхъ другихъ. Чѣмъ больше кто успѣвалъ собирать, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользовался въ глазахъ современниковъ. Такимъ образомъ, появились тѣ „сборники“, или просто сборники, которые характеризуютъ нашу литературу вплоть даже до XVII вѣка. Сборники всѣ кроились по одному плану. Списывавшій авторъ, роясь въ различныхъ произведеніяхъ святыхъ отцовъ или другихъ какихъ-либо церковныхъ писателей, выбиралъ изъ нихъ то, что ему самому казалось важнымъ или назидательнымъ въ какомъ-нибудь отношеніи. Такимъ образомъ, внутренняго единства, какой-либо одной связующей мысли въ выпискахъ, входившихъ въ составъ одного и того же сборника, ожидать было нельзя. Разумѣется, особенной пользы для простого читателя такіе сборники не могли имѣть, такъ какъ ему самому надо было опредѣлять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ важность той или другой выписки или даже просто ея смыслъ.

Слѣпое, рабское преклоненіе предъ буквой, предъ авторитетомъ всякой книги имѣло еще то весьма губительное послѣдствіе, что наряду съ церковными и религіозными произведеніями, дѣйствительно заслуживавшими вниманія, дѣйствительно полезными въ какомъ-либо отношеніи, сплошь и рядомъ попадались книги апокрифическаго содержанія, то-есть завѣдомо легендарныя, не имѣвшія цѣнности истины. Такія книги въ моментъ перенесенія къ намъ христіанства были распространены въ Византіи, а оттуда перешли и къ намъ наряду съ прочими „божественными писаніями“. Мало того: вмѣстѣ съ апокрифическими про-

изведеніями въ древне-русской письменности попадались сочиненія прямо-таки подложныя. Дѣло въ томъ, что древне-русскіе книжники иногда все-таки рѣшались довѣриться своему уму и писали отъ себя, но рѣшимости выдать свое произведеніе именно за свое у нихъ не хватало. И вотъ, чтобы скрыть свою авторскую смѣлость, они дѣлали на такихъ сборникахъ ложныя надписи, что выписки сдѣланы „отъ святыхъ отецъ“ или „избраны и собраны отъ божественныхъ писаній“, или же представляютъ изъ себя „слова душеполезна святыхъ отецъ избрана отъ многа мало“. Между тѣмъ русскіе благочестивые читатели одинаково, какъ непререкаемой истинѣ, вѣрили и апокрифическимъ сочиненіямъ, и измышленіямъ своихъ невѣжественныхъ соотечественниковъ, — и все это потому, что предъ ними была „книга“, въ непогрѣшимость которой каждый долженъ былъ вѣрить. Притомъ апокрифическія и подложныя сочиненія находили среди читателей даже значительно большее распространеніе сравнительно съ подлинными религіозными писаніями. Объяснялось это тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что апокрифическія книги были написаны живымъ, сказочнымъ, интереснымъ языкомъ, а подложныя сочиненія пзложены проще, яснѣе, доступнѣе для пониманія нехитраго русскаго читателя... Кто опредѣлитъ всю силу вреда отъ этого для тогдашняго русскаго общества, безмолвно, слѣпо вѣрившаго въ непререкаемую истинность всего написаннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ кто станетъ отрицать, что для спасенія общества нужна и должна была появиться свѣжая струя живой мысли, которая бы отдѣлила истинное отъ неистиннаго, пререкаемое отъ непререкаемаго и указала бы, что писанія „не всѣ божественны“!

Но рабское преклоненіе предъ буквой письмени, неправильное пониманіе задачъ просвѣщенія и рѣшительное подавленіе всякаго намёка на живую, созна-

тельную мысль было особенно губительно въ томъ отношеніи, что этимъ путемъ поддерживалось и укрѣплялось въ народѣ одностороннее пониманіе христіанской религіи. Нужно замѣтить, что возвышенная религія духа и любви не была понята русскимъ народомъ съ самаго начала. Причины этого разнообразны. Прежде всего, въ самой Византіи въ это время, какъ слѣдствіе политическаго и нравственнаго одряхлѣнія и разложенія, царило формальное пониманіе Христовой вѣры. Безразличные въ эту пору ко всякой религіи, греки предпочитали форму содержанію, обрядъ истинному духу религіи. И какъ бы ни было высоко настроено то греческое духовенство, которое принесло намъ свою вѣру, оно не могло не впитать въ себя тогдашнихъ чертъ своей національности. Притомъ русскіе не могли понимать своихъ первыхъ пастырей, грековъ, такъ что если бы тѣ даже и начали объяснять возвышенную внутреннюю сущность христіанства, то были бы непоняты. Кромѣ того, русскіе сами были крайне неразвиты, и умственно, и духовно, и болѣе способны были понимать наружную сторону религіи. И вотъ въ результатъ стеченія всѣхъ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и было то, что простой народъ усвоилъ въ своей душѣ болѣе доступную для него виѣшнюю сторону, виѣшнюю оболочку христіанской религіи. Для него христіанство съ перваго же момента стало просто только совокупностью обрядовъ. Дальнѣйшая жизнь русскаго народа, и внутренняя, и политическая, не представляла благопріятныхъ условій для того, чтобы внутренняя сущность Христовой вѣры, духъ ея стали болѣе доступными его пониманію. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ велись нескончаемыя смуты и раздоры, которые мѣшали русскимъ останавливаться на предметахъ болѣе высокихъ, чѣмъ счеты самолюбія. Потомъ настало страшное монгольское иго. Быть можетъ, тѣ страданія, какія принесло съ собой это иго,

и могли бы направить вниманіе на внутреннюю сторону Христова ученія, возвѣщавшаго любовь, но въ самой Руси не было средствъ для того, чтобы это совершилось. Нужны были школы, просвѣщенные пастыри-учители, вообще правильная постановка образованія и просвѣщенія, но этого-то именно и не было. Вотъ здѣсь-то именно и сказывался самый главный вредъ слѣпого преклоненія предъ буквой книги. Само просвѣщеніе, понимаемое въ изученіи буквы, не давало народу отъ себя ничего для того, чтобы привести къ живой, дѣйственной вѣрѣ въ Бога; вмѣстѣ съ тѣмъ строго воспрещалось внимать всему постороннему; всякое частное мнѣніе, не находившее себѣ подтвержденія въ буквѣ книгъ, считалось недозволеннымъ, грѣховнымъ.

Все это отдаляло отъ истиннаго, внутренняго существа Христовой религіи, во всякомъ случаѣ не приближало къ ней и вполнѣ поддерживало взглядъ народа на религію, какъ на совокупность обрядовъ. И дѣйствительно, къ XV вѣку такой взглядъ настолько развился въ русскомъ обществѣ, что на разности въ обрядахъ русскіе стали смотрѣть, какъ на погрѣшности въ самыхъ существенныхъ догматахъ. Измѣнить или прибавить хотя бы одну малую іоту въ обрядахъ казалось для нихъ величайшимъ грѣхомъ. Кто уклонялся хоть сколько-нибудь отъ другихъ въ исполненіи обряда, тотъ считался еретикомъ. И такъ думали не только простолюдины; такъ думали священники, епископы, митрополиты, бояре, князья,—однимъ словомъ всѣ, кто устраивалъ и направлялъ народную жизнь.

Быть можетъ, признаніе въ христіанствѣ одной внѣшней стороны и нельзя было бы признать для того времени вреднымъ, если бы это не вліяло на нравственную жизнь. Между тѣмъ, къ прискорбію, это-то и замѣчалось. Кто смотритъ на евангеліе только съ внѣш-

ней стороны, тотъ будетъ считать вполне достаточнымъ для христіанина выполненіе однихъ внѣшнихъ предписаній. Такъ, дѣйствительно, и было въ древней Руси: люди посѣщали храмы, ставили частыя свѣчи, слушали богослуженіе, но о томъ, чтобы выполнить нравственные завѣты Христа, Его заповѣдь о любви и безконечномъ совершенствованіи, — объ этомъ почти никто не думалъ, и не думалъ потому, что и не подозревалъ даже о существованіи такой стороны въ христіанствѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, въ какомъ умственномъ и нравственномъ убожествѣ пребывала древняя Русь: лишенная всякаго свѣта, она и не могла его получить, такъ какъ ей не дозволялось выйти изъ границъ буквы, сковывавшей все и все омертвлявшей. Для живой души, рвавшейся къ Богу, къ непосредственному соединенію съ Нимъ въ духѣ и любви, какъ бы создана была темница: между душой и Богомъ стояли на стражѣ многомудрые книжники, которые малѣйшее проявленіе живой мысли, живого чувства клеймили названіемъ грѣха. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла жизнь должна была застыть, одряхлѣть и начать разлагаться. Такое явленіе наблюдается всюду тамъ, гдѣ въ жизни начинается преобладать форма, внѣшняя сторона. То же должно было произойти и дѣйствительно происходило и въ древнерусской жизни.

Но могла ли живая душа позволить окончательно поработить себя? Разумѣется, нѣтъ. Пусть, сознательно или несознательно, ей ковали ковы, ставили между ней и Богомъ Живымъ преграды, — рано или поздно она должна была почувствовать невыносимую ихъ тяготу и, если ее не могли вести призванные быть учителями жизни, — то захотѣть самой притти ко Христу. И чѣмъ чище, возвышеннѣе была душа, тѣмъ сильнѣе должно было заговорить въ ней такое желаніе.

Одной изъ такихъ-то жаждущихъ непосредственнаго вѣдѣнія Живого Бога была и душа Нила.

VII.

Все это объяснилъ Нилу Паисій, сидя на камнѣ у дремлющаго озера. И тогда все стало понятно юному иноку въ его порывахъ, исканіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ ясенъ и тотъ высокій долгъ, какой налагала на него жизнь.

— Не оставляй, братъ, своихъ исканій Живого Бога, — говорилъ Паисій, — не гаси ихъ въ себѣ. Это душа, разлученная нашей тьмою съ Богомъ, заговорила въ тебѣ. И если ты хочешь увидѣть въ себѣ образъ Божій, если ты хочешь притти къ Богу, иди тѣмъ путемъ, какой указываетъ тебѣ твоя душа... Но знай, мой братъ, что это не для тебя одного надо. Тотъ стонъ, какой зазвучалъ въ твоей душѣ, я вѣрю, раздастся въ сотняхъ, въ тысячахъ другихъ душъ, также ищущихъ Бога. Русь, придавленная невѣжествомъ, не идетъ имъ навстрѣчу, а, наоборотъ, сама ихъ давитъ. Ну а что, если живыя души не вынесутъ гнета, что, если сыны церкви не найдутъ въ ней разрѣшенія своихъ исканій, не дерзнутъ ли они прямо уйти отъ своей матери-церкви и уже на свой страхъ, въ пустынѣ своеволія искать истиннаго Бога и истинной вѣры, истиннаго образа поклоненія Ему... Боюсь я этого, и не только боюсь, но и прозрѣваю, и даже знаю, что это будетъ такъ и уже даже есть... Самъ послѣ узнаешь, а теперь прими же мой братскій тебѣ совѣтъ: повѣрь голосу души своей больше, нежели людямъ, ищи Живого Бога, вѣрь писаніямъ, въ нихъ заключены глаголы вѣчной жизни, но знай, что не все они божественны; изслѣдуй ихъ, отдѣляй въ нихъ правое отъ неправого, истинное отъ неистиннаго... И когда почувствуешь себя твердымъ въ своихъ мнѣніяхъ, расскажи о томъ и другимъ, призывай ихъ къ

жизни, къ свѣту, къ знанію, удаляй ихъ отъ тьмы, ибо гдѣ тьма, гдѣ застой, тамъ гибель для души, ищущей Живого Бога...

— А теперь,—добавилъ Паисій,—да благословить тебя Господь; мнѣ пора ужъ и въ келью свою: благо, скоро и заблаговѣстятъ. Заходи ко мнѣ. Я скажу отцу Кассіану, и онъ разрѣшитъ тебѣ посѣщать меня, грѣшнаго...

На этомъ прервалась бесѣда юноши и старца. У Нила остались еще невыясненными, нѣкоторые вопросы, но и то, что раскрылось ему изъ бесѣды съ Паисіемъ, было для него великимъ откровеніемъ. Часто человѣкъ годами вынашиваетъ въ своей душѣ цѣлый рой чувствъ, думъ. Онѣ неясны для него самого, такъ какъ у него нѣтъ словъ, которыя бы выразили ихъ, нѣтъ знаній жизни, которыя бы объяснили ихъ происхожденіе, значеніе. И вдругъ находится другой человѣкъ, у котораго есть и готовыя, подходящія слова, и достаточное знаніе жизни. Тогда свои чувства и думы становятся вдругъ понятными, ясными человѣку. Онъ чувствуетъ, какъ предъ нимъ, предъ его духовнымъ взоромъ раскрывается вдругъ цѣлый новый міръ. Какою радостью тогда наполняется его душа!..

То же испыталъ и Нилъ послѣ бесѣды со старцемъ. Слова Паисія открыли ему самого себя. Какъ зачарованный, ходилъ онъ въ тотъ день по берегу величаво-спокойнаго озера, по чащѣ, прислушивался къ таинственному шуму верхушекъ деревьевъ, къ мѣрному, прерывистому стуку дятловъ. А когда насталъ вечеръ и отошло „правило“, онъ не могъ не подѣлиться своей радостью съ Германомъ.

Германъ молча, съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ своего друга и потомъ восторженно проговорилъ:

— Богъ не забываетъ обители преподобнаго отца нашего Кирилла. Это Онъ, Великій, послалъ намъ

этого мудраго мужа... А спросилъ ли ты, Нилъ, старца Паисія о томъ, можно ли обителямъ селами да полями владѣть и какой истинный образъ иночества?

— Говорилъ я, Германъ, старцу Паисію обо всемъ, что было у меня на душѣ. А только времени у старца не нашлось отвѣтить на всѣ мои недоумѣнные вопросы...

— А ты поговори, а потомъ и мнѣ скажешь.

— Поговорю, братъ. Вотъ отецъ Кассіанъ дастъ мнѣ свое игуменское разрѣшеніе, и стану я елико возможно часто посѣщать старца... Чувствуетъ моя душа, что великой это святости и мудрости мужъ и многому у него можно поучиться...

На другой день Кассіанъ позвалъ къ себѣ Нила: Сотворивъ молитву, онъ сѣлъ и усадилъ и своего подначальнаго брата.

— Сказывалъ мнѣ нашъ новый собратъ старецъ Паисій,—началъ игумень свою рѣчь,—что хочетъ онъ взять тебя подъ свое послушаніе и руководство.

Нилъ не зналъ, какъ и радоваться этому извѣстію: почти всю ночь наканунѣ онъ провелъ безъ сна; стоя на колѣняхъ передъ иконою, онъ молился о томъ, чтобы руководственная рука старца Паисія не отходила отъ него и вела его по тому пути, къ какому неудержимо тянулася душа юнаго инока.

— Сказывалъ мнѣ также старецъ,—продолжалъ Кассіанъ,—что хотѣлъ бы онъ почаще бесѣдовать съ тобой въ кельѣ своей, наставлять тебя по-келейному истинамъ вѣры и разума... Такъ я не противорѣчилъ Паисію...

— Спаси тебя, Господи, отче...

— Хоть оно и нарушаетъ немного завѣтъ нашего великаго отца и учителя,—продолжалъ между тѣмъ Кассіанъ,—однако, по великой нуждѣ, ради душеполезнаго наставленія можно... Говорилъ еще я старцу о твоихъ трудахъ по списыванію книгъ... Говорилъ,

какъ и отецъ Мартиніанъ, и всѣ хвалятъ тебя за твое прилежаніе и усердіе...

— Спаси Господи, отче...

— Во славу Божию, сынъ мой. А только ты не возгордись...

— И въ мысляхъ, отче, не дерзну,—смиренно отвѣчалъ Нилъ,—весьма не по заслугамъ моимъ похвала твоя мнѣ...

Въ тотъ же день Нилъ, воспользовавшись свободнымъ отъ работы получасомъ, зашелъ въ келью къ отцу Паисію.

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!—проговорилъ онъ, останавливаясь у двери, на которой былъ начертанъ крестъ.

— Аминь!—раздалось въ отвѣтъ,—войди, братъ. Это ты, Нилъ?

— Я, отче,—дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ инокъ, съ благоговѣніемъ переступая черезъ порогъ келіи старца.

Келія Паисія поражала своей убогостью и вмѣстѣ опрятностью, чистотою. Нилъ уже зналъ эту келью. Въ ней раньше жилъ отецъ Досифей Невѣдомицынъ, ревностный защитникъ завѣтовъ преподобнаго Кирилла. Въ углу стоялъ благолѣпный кіотъ; передъ нимъ аналой съ положенными на него эпитрахилью, крестомъ и Евангеліемъ. У одной стѣны стояло убогое ложе, опрятно застланное продолговатымъ кускомъ ряднины. Въ изголовьѣ лежала одѣтая въ чистую наволочку подушка. У другой стѣны стоялъ простой, срубленный самимъ Досифеемъ столъ и возлѣ него два простыхъ табурета для сидѣнья. На столѣ и на одномъ изъ табуретовъ лежали различной толщины книги.

Таково было крайне простое и несложное убранство келіи старца. Зато изъ оконъ ея открывался чудесный видъ. Келія находилась нѣсколько на возвышеніи, и потому за чащей изъ-за строго вытянувшихся къ небу

хвойныхъ деревьевъ видна была голубая гладь озера, а за ней, какъ великанъ, сторожащій надъ всей окрестностью, виднѣлась гора Маура, густо одѣтая кустами растеній.

Нилъ, нѣжная душа котораго неудержимо тянулась ко всему прекрасному, не могъ не обратить къ окнамъ своего восхищеннаго взгляда. Паисій сразу замѣтилъ это.

— Что, братъ Нилъ,—сказалъ онъ, благословляя его,—любующся красотой Богомъ созданнаго міра?

— Да, отче. Весьма дивная природа въ нашихъ Богомъ хранимыхъ мѣстахъ.

— И всюду она такова,—раздумчиво произнесъ Паисій, и въ голосъ его сразу сталъ замѣтенъ грустный оттѣнокъ,—всюду она такова; только люди, затуманенные страстями, не видятъ, не замѣчаютъ или, вѣрнѣе, не хотятъ замѣчать этого. А между тѣмъ какой неисчислимый вредъ они приносятъ тѣмъ своей душѣ. Премудрый Богъ создалъ міръ и всю природу, равно какъ и человѣка, отображеніемъ Своей великой славы, Своего великаго благолѣпія. И черезъ природу, черезъ разсмотрѣніе ея красотъ, ея законовъ человѣкъ можетъ поучаться весьма многому... Ночью, когда грѣшная человѣческая жизнь затихаетъ, развѣ не начинается говорить природа душѣ всякаго прислушивающагося къ ней? И говоритъ она до боли ясно, говоритъ о Богѣ, о Его великихъ заповѣдяхъ, законахъ. И своей безсловесной бесѣдой располагаетъ и душу человѣка къ бесѣдѣ съ самой собой, къ внутренней молитвѣ... И развѣ не великое то знаменіе, что жившіе до сего времени на Руси подвижники избирали мѣста для своихъ подвиговъ тамъ, гдѣ природѣ щедрою Божіею рукою даны дары!.. Развѣ не великое знаменіе и то, что богоспасаемая наша обитель утверждена преподобнымъ отцомъ нашимъ въ краю, гдѣ красоты природы неисчислимы!..

— Не забывай, Нилъ, любить природу,—закончилъ свою рѣчь Паисій,—смотри на нее всегда, какъ на своего учителя. Прислушивайся къ ея голосу, и этотъ голосъ, повѣрь моему смиренному опыту, много тебѣ скажетъ: гдѣ люди ошибутся и по своему грѣховному заблужденію неправду какую присовѣтуютъ, тамъ исправить эту неправду природа, если твоей душѣ не будетъ чуждъ и непонятенъ ея безсловесный языкъ...

Нилу, слушавшему старца, сразу вспомнились безрезки въ родномъ селѣ, тѣ необычныя думы, какія нарождались въ душѣ тогда, въ минуты пребыванія въ чащѣ. Онъ сказалъ объ этомъ старцу.

— Это великій знакъ,—отвѣтилъ Паисій,—и подтвержденіе воочию того, о чемъ я тебѣ только что говорилъ. Въ тѣ минуты душѣ твоей открывался иной міръ. Міръ этотъ всегда былъ въ тебѣ, съ тобой, въ твоей душѣ. Этотъ міръ, который тебѣ тогда открывался, только и есть одинъ вѣчный, и вотъ онъ могъ тебѣ открыться только среди безмолвія природы. Только великая и безмолвная природа помогаетъ намъ узнавать себя. Потому съ ней нужно имѣть общеніе инокамъ...

— Отче,—спросилъ Нилъ при послѣднихъ словахъ старца,—а цѣль иноческой жизни самопознаніе?..

— Великій и трудный вопросъ задаешь ты, братъ,—отвѣчалъ Паисій,—и не въ пору начинать его теперь, когда тебѣ за работу надо приниматься. Приходи завтра, побесѣдуемъ объ иночествѣ.

На слѣдующій день Нилъ, какъ только насталъ свободный часъ, пришелъ къ старцу и, принявъ отъ него благословеніе, сразу напомнилъ о своемъ вчерашнемъ вопросѣ, передалъ еще разъ все то, что онъ самъ надумалъ объ этомъ въ своей душѣ.

Старецъ спокойно и внимательно выслушалъ Нила и потомъ заговорилъ. Слова его на этотъ разъ дышали особенной вдумчивостью и глубиной мысли.

— Жизнь, — началъ онъ, — тянется вѣками, тысячелѣтіями. Люди умираютъ, на мѣсто нихъ рождаются новые, но всѣ они страдаютъ однимъ и тѣмъ же грѣхомъ, подвержены одному и тому же заблужденію. Заблужденіе это состоитъ въ томъ, что каждый человекъ на жизнь всего міра смотритъ какъ на то, что должно служить для его счастья, удовольствія, должно служить ему. Человекъ, малѣйшая пылинка въ мірѣ хочетъ, чтобы весь міръ жилъ для него, для тѣхъ грѣховныхъ склонностей и потребностей, какія присущи ему, какъ ограниченному существу. И вотъ люди уже не хотятъ признавать ничего, кромѣ себя, кромѣ своихъ удовольствій, и считаютъ жизнь простой и понятной. Между тѣмъ люди сотворены вовсе не для того: каждый изъ нихъ созданъ для выполненія воли посланшаго насъ Небеснаго Отца. Тысячами, міриадами проходимъ мы по міру, и Онъ, Величайшій, проявляется, живетъ въ каждомъ изъ насъ, говоритъ, зоветъ къ Себѣ. И цѣль нашей жизни — послужить Ему, прислушаться къ своей душѣ, познать Его въ ней... Уразумѣваешь сіе?..

— Смутно, отче, — отвѣчалъ Нилъ, который при словахъ старца, дѣйствительно, почувствовалъ въ себѣ словно какое-то прозрѣваніе въ глубь жизни, но самое это прозрѣваніе было смутно и неясно.

— Трудна эта вещь для изъясненія, — согласился и Паисій, — много я силъ и вниманія употребилъ на то, чтобы изъяснить самому себѣ сокровенный смыслъ ея. Слова тутъ наши человѣческія мѣшаютъ. Измышлены они для нашей обыкновенной земной жизни и иного міра изъяснить не могутъ...

— А ты, отче, поясни мнѣ примѣромъ какимъ. Можетъ, это то, что и я надумалъ объ иночествѣ.

— Тогда слушай, братъ мой. Представь себѣ хозяйство великое, многочастное, многосоставное. Задумалъ его хозяинъ устроить по какому-нибудь плану,

для какой-нибудь цѣли и вотъ одного за другимъ посылаетъ работниковъ въ это хозяйство, чтобы они выполняли его намѣренія. Дѣла въ хозяйствѣ пескочаемо, и работниковъ хозяинъ посылаетъ много. Что они должны дѣлать? Прежде всего признать, что они тутъ не для себя, а для исполненія воли своего хозяина. Поэтому имъ прежде всего нужно остановиться, поразмыслить и узнать, какъ же именно господинъ ихъ хочетъ устроить свое хозяйство; потомъ, узнавши, стараться самымъ ревностнымъ образомъ исполнять свое назначеніе. Но вотъ работники совсѣмъ забыли свое назначеніе, забыли про существованіе хозяина, про его намѣренія, про то, что они-то сами только случайные исполнители этихъ намѣреній. Вмѣсто этого они рѣшили, что никакого имъ общаго дѣла не нужно исполнять, что все для нихъ и что потому нужно заботиться только о себѣ...

— Такъ люди теперь?—воскликнулъ Нилъ, которому стала ясна мысль старца.

— Да, братъ мой, такъ люди, но не только теперь, а и всегда. Они не хотятъ признавать того, что на этой грѣшной, утучненной слезами и кровью землѣ они должны жить только для Бога, для исполненія Его воли и что прежде всего нужно вдуматься въ эту волю, которая начертана въ нашихъ душахъ, какъ отображеніяхъ Божіихъ. Никто не хочетъ признать, что есть великая мечта одухотворенія всего и что нужно отказаться отъ служенія себѣ, своему тѣлу, а надо начать жить въ духѣ, чтобы яснѣй, прямѣй, понятнѣй былъ голосъ души...

— И вотъ, братъ Нилъ,—заговорилъ опять, немного подумавъ, старецъ, — всегда, а въ особенности въ тѣ времена, когда угожденіе себѣ, а потому и грязь жизни, доходили до крайняго предѣла, были люди, которые прозрѣвали истинную цѣль жизни. И вотъ, бросая яркую, пышную, плотоугодную жизнь, они ухо-

дили въ пустыни, въ уединеніе, чтобы въ безмолвіи, оставшись наединѣ съ самими собою, взглянуть въ свою душу, гдѣ начертана воля Божія. Такіе люди иные для того міра, изъ котораго они уходятъ, такіе люди—иноки... Ихъ мечта, мечта, согрѣвающая ихъ сердца,—высокая, недостижимая мечта: весь міръ одухотворить, сдѣлать его устроеннымъ по плану, по заповѣдямъ всесовершеннаго, всемилостиваго, премилосердаго Бога...

Паисій, вдохновенно закончивъ свою рѣчь, замолчалъ. Молчалъ и Нилъ, и такъ прошло нѣкоторое время. Только боръ внизу у окна шумѣлъ своими остроголовыми верхушками, да озеро за боромъ едва слышно плескалось своими тихими волнами...

— Если такъ высока жизнь инока,—спросилъ, нарушая тишину, Нилъ,—то что же требуется отъ него, что вредно, губительно для его души, чего онъ долженъ избѣгать?

— Прежде всего пристрастія къ тому міру, отъ котораго онъ же самъ отрекся и соблазны котораго главнымъ образомъ и губятъ жизнь человѣческую. Это первое и самое главное дѣло инока. Ибо пристращающійся къ міру инокъ хочетъ дѣлать шагъ впередъ, а на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ только назадъ... Да и какъ можно и позволительно любить то, изъ-за чего именно и болѣетъ душа? Это и богопротивно, и неразумно.

— Значить, отче, обителямъ селами нельзя владѣть?

— Нельзя, братъ мой, нельзя, никакъ нельзя. Великій это и страшный грѣхъ для иночества. Хотятъ служить Богу, возвеличившему человѣка, какъ подобнаго Себѣ, хотятъ удалиться отъ міра, а сами же рабами владѣютъ, землями, къ міру тянутся, сутяжничаютъ. Слышалъ иногда я, что нужно это иноку, что кормиться нужно, что безъ этого времени не будетъ для молитвы,—а только все это пустые разговоры. И говоритъ такъ тотъ, кто не знаетъ въ душѣ иноче-

ства. Коли кормиться нужно, такъ работай, отъ плодовъ рукъ своихъ и ѣшь. А то хотять, не трудясь, ѣсть. А что до молитвы, то тутъ грубость наша одна. Думаютъ все еще люди, что Богу все наружное, показное нужно, забываютъ, что Богъ милости хочетъ, а не жертвы, что Ему не слова нужны, а сердце сокрушенное и смиренное; забываютъ, что молиться можно и внутренно, за всякой работой и что такое умное дѣланіе весьма Богу пріятно и угодно... Не понимаютъ люди духа иночества, да и говорятъ, да и оправдываютъ свои неподобныя дѣйствія. Инокъ тотъ, кто ушелъ отъ міра, не глядя ни на что: сытъ ли, голоденъ. А кто къ міру приверженъ, тотъ не инокъ, хоть и называетъ себя такимъ, хоть и умѣетъ оправдаться предъ людьми. Предъ людьми-то оправдается, да предъ всевидящимъ-то Богомъ не будетъ ему никакого оправданія...

— Читалъ я, отче, наставленія Иларіона Мегленскаго,—проговорилъ Нилъ,—тамъ также на грѣховность сего для иноковъ указано.

— Знаю, братъ, знаю сія наставленія; зѣло полезны они: ясность въ нихъ и сила, — отвѣтилъ Паисій, думая въ это время о чемъ-то.

— А то вотъ еще говорятъ,—живо добавилъ онъ, очевидно, вспомнивъ то, что хотѣлъ,—для украшенія де храмовъ Божіихъ нужно принимать обителямъ приношенія отъ мірскихъ людей. Забываютъ, что этимъ грѣха больше дѣлаютъ, чѣмъ служатъ Богу. „Богъ не въ рукотворныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ“. Не Ему нужны алтари, сіяющіе золотомъ и драгоценными украшениями. Если и нужно все это, то только для насъ, для усиленія въ насъ возвышенныхъ, молитвенныхъ чувствъ и настроеній. Ну, а коли это соединено съ преклоненіемъ міру, съ приверженностью къ нему, то Богу все это негодно...

Нилъ слушалъ Паисія, и въ душѣ его росло радостное чувство: все то, къ чему тянулась его душа, находило теперь подтвержденіе и одобреніе во взглядахъ и въ словахъ старца, умнаго старца, испытаннаго въ иноческомъ житіи. Оставался еще у Нила одинъ невысказанный, или, вѣрнѣе, неповѣданный, со времени первой встрѣчи съ Паисіемъ вопросъ, и теперь онъ обратился съ нимъ къ старцу:

— Отче, думалъ я часто, да и тебѣ ужъ говорилъ: не мѣшаетъ ли совершенству иноческой жизни вотъ то, что много иноковъ собирается вмѣстѣ, и нѣтъ ли иного образа, истиннаго образа иноческаго житія?.. Сказывали, на востокѣ такой образъ. Чудово такъ прозывается, скитскимъ... Отецъ Мартиніанъ да и другіе сказывалиц...

— Поистинѣ, братъ, Господь наградилъ тебя свѣтлымъ разумомъ и чуткою душой. Истинно: коли много иноковъ соберутся вмѣстѣ да еще хозяйства стануть разводить, какой ужъ тутъ монастырь! Соблазновъ много въ общемъ житіи, да и цѣли тутъ другія ставятся: о душѣ бы человѣку позаботиться, надъ душой бы поразмыслить, писанія божественныя почитать, и въ тотъ часъ, въ ту минуту, когда душа къ этому зоветъ, а тутъ тебѣ все по общему распредѣлено: доселѣ дойдеши и не преjdeши... Не тутъ, не въ такомъ иноческомъ житіи истинный образъ его. Правильно ты сказалъ, по словамъ отца Мартиніана, что на востокѣ иной образъ. Знакомъ мнѣ этотъ образъ, родной.

— Какъ, отче, развѣ ты былъ на востокѣ?

— Нѣтъ, братъ, на востокѣ не былъ, а только обитель Спасокаменная, въ коей я до сей поры проживалъ, хоть и не вполне, но тожъ уставъ такой имѣетъ. Первый игуменъ Спасова монастыря былъ нѣкій старецъ изъ Царьграда, именемъ Діонисій. Онъ пришелъ къ намъ со Святой Горы, тамъ же и по-

стриженіе воспринялъ. А когда сталъ игуменомъ у насъ, то и уставъ Святой Горы нашей обители предалъ... О семъ я, грѣшный, въ сказаніи мыслю міру повѣдать...

— А какой же, отче, уставъ на Святой Горѣ?

— А такой. Живутъ тамъ братія не всѣ вмѣстѣ, а по одному въ келіяхъ; собираются и по два, коли это для души полезно. Не росписано у нихъ по правиламъ, что когда кому дѣлать, когда и по-какому молиться. Воленъ каждый дѣлать, что повелитъ ему душа. Имѣютъ и старшаго, коли нѣсколько келій недалеко дружка отъ дружки обрѣтаются, а только старшій изъ братій не начальникъ надъ ними, а только руководитель, совѣтчикъ, коли у брата какого сомнѣніе въ чемъ возникнетъ. Золота, серебра, драгоценностей не имѣютъ и въ поминѣ и иконъ ими не украшаютъ. Работаетъ каждый на себя, а милостыню строго-на-строго воспрещено брать, развѣ по особой нуждѣ...

— А чѣмъ, отче, восточные иноки занимаются? Какія у нихъ главныя заботы?

— Души свои созерцаютъ... Говорилъ я тебѣ, братъ, намеренъ, что иноку нужно уйти отъ людей, въ душу свою вдуматься, волю Божію въ ней познать и потомъ проповѣдь ея по міру разнести... Велика сія задача, неизмѣримо по силамъ человѣка велика. Такъ восточные иноки, предоставивъ волѣ Божіей направлять жизнь людей, отдались всецѣло созерцанію своей богоподобной души. Они міръ тотъ узнаютъ, который въ душахъ нашихъ, они Бога стараются лицезрѣть духовными очами... И видятъ, братъ мой, созерцаютъ, ибо великое рвеніе ихъ душъ къ истинному иночеству...

— Да, поистинѣ великая страна для христіанина, — восторженно добавилъ Паисій, — а какія тамъ сокровища книжной мудрости, и вообразить нельзя...

И старецъ для примѣра назвалъ имена великихъ

отцовъ и учителей церкви: Ефрема Сирина, Нила Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Варсонофія, Исаака Сирина, Максима Исповѣдника, Дорофея, Симеона Нового Богослова, Григорія Синапта, Филовея,—сочиненія которыхъ были самыми распространенными въ греческихъ монастыряхъ, не говоря уже о сочиненіяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго.

— Вотъ гдѣ, Нилъ, ты получишь бы великое наставленіе для своей души; вотъ гдѣ ты могъ бы почерпнуть изъ богатаго кладезя истинной мудрости... А что самое полезное для тебя, тамъ зѣло теперь процвѣтаетъ письменность. На Аѳонѣ теперь есть цѣлое общество иноковъ, главное занятіе которыхъ—переводъ твореній святыхъ отцовъ на нашъ языкъ. Такожъ и въ константинопольскихъ монастыряхъ иноки изъ нашихъ соплеменниковъ списываютъ книги, дѣлаютъ переводы, сличаютъ славянскій текстъ Священнаго Писанія съ греческимъ подлинникомъ, переводятъ книги, потребныя для богослуженія, составляютъ сборники... И все ищутъ правыхъ списковъ... Туда бы тебѣ, Нилъ: великую пользу и душѣ своей оказалъ бы, да и въ Россію вернулся бы съ истиннымъ знаніемъ, какъ списывать книги...

— Отче, — воскликнулъ Нилъ, и голосъ его зазвенѣлъ непередаваемой радостью,—слушалъ я вотъ твои слова о странахъ восточныхъ, о жизни тамъ иноческой, и сказала мнѣ душа моя: вотъ край, гдѣ ты найдешь указанія истинныхъ путей къ Богу! Тамъ истинный образъ иночества, тамъ жизнь по велѣніямъ души строится, тамъ богатая мудрость книжная, зѣло необходимая для насъ, тамъ знаютъ, какъ отдѣлять истину отъ неистины въ руководящихъ насъ писаніяхъ... Отче, туда душа моя отнынѣ неизмѣнно будетъ стремиться. Помоги мнѣ увидѣть тѣ страны!..

Съ этой поры мысль о востокѣ, какъ о краѣ исполненныхъ мечтаній, не оставляла Нила, и онъ только

ждать удобнаго случая, чтобы выполнить свое намѣреніе. Въ то время между константинопольской и русской церковью поддерживались сношенія, хотя сравнительно и не частыя. Паисій обѣщалъ своему ученику посодѣйствовать черезъ извѣстныхъ ему въ Москвѣ лицъ, и Нилъ сталъ терпѣливо ждать времени, когда въ Москву отъ константинопольской патріархіи придетъ посольство.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Нилъ все болѣе и болѣе привязывался къ Паисію. Паисій самъ искренно полюбилъ неустанно ищущаго истины инока и уже черезъ нѣкоторое время, весьма недолгое, пересталъ считать его младшимъ по отношенію къ себѣ. Онъ видѣлъ, что Нилъ выросъ духовно и по своему духовному опыту нуждается уже не въ отеческомъ руководствѣ, а въ братскомъ содѣйствіи.

Перемѣну въ Нилѣ замѣтили и прочіе братіе во главѣ съ игуменомъ. Они уже не чуждались его, какъ новоначальнаго, въ своихъ совѣщаніяхъ по общимъ дѣламъ обители, а, наоборотъ, прислушивались къ его голосу на этихъ совѣщаніяхъ съ особеннымъ вниманіемъ. Мнѣніе Нила, всегда подтвержденное ссылками на Св. Писаніе, уважалось наравнѣ съ мнѣніемъ его великаго учителя, старца Паисія.

Значеніе Нила въ обители стало настолько велико, что когда изъ далекой Москвы прибылъ въ Кирилловъ монастырь для постриженія богатый бояринъ Иванъ Охлѣбнинъ, то его, постригши съ именемъ Иннокентія, отдали подъ руководство Нила.

Съ Охлѣбнинымъ Нилъ скоро сошелся весьма близко. Какъ мать любитъ особенно глубокой привязанностью своего первенца, такъ Нилъ полюбилъ Иннокентія. И привлекало его въ Охлѣбнинъ то, что исканія послѣдняго отличались тѣмъ самымъ характеромъ и направленіемъ, какъ и исканія самого Нила.

Иннокентій платилъ глубокой привязанностію своему учителю и, когда узналъ о его твердомъ намѣреніи отправиться на востокъ, то умолялъ взять и его съ собой. Нилъ согласился, и они начали вмѣстѣ ждать давно желаннаго дня.

Наконецъ, этотъ день насталъ. Константинопольское посольство, посѣтившее Бѣлоозеро, торопилось домой, и откладывать отъѣзда было нельзя. Да и оба инока не хотѣли этого... Описывать ли трогательную сцену прощанія кирилловскихъ иноковъ съ дорогимъ собратомъ! Горечь разлуки смягчалась лишь великою цѣлью этого паломничества да тѣмъ, что Нилъ обѣщалъ по возвращеніи въ Россію не идти въ другой монастырь, а поселиться опять въ Кирилловѣ.

Но особенно трогательно было прощаніе Нила съ Паисіемъ.

Прижавъ своего ученика къ груди, Паисій дрогнувшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ голосомъ сказалъ:

— Иди, братъ, туда, куда влечетъ тебя твоя душа. Иди, и когда познаешь свѣтъ истины, возвращайся на родину. Россіи, чувствую я, скоро, очень скоро весьма будутъ нужны такіе, какъ ты, люди...

Слова его оказались въпослѣдствіи пророческими.

VIII.

Нилъ съ Охлѣбниннымъ отправились на востокъ въ 1465 году, а въ 1469 покинулъ Кирилловскую обитель и старецъ Паисій Ярославовъ. Произошло это совершенно неожиданно и вопреки желанію самого старца; не для того онъ оставилъ и Спасокаменную обитель, чтобы переходить изъ монастыря въ монастырь: иного искалъ онъ въ жизни—мѣста, гдѣ бы дѣйствительно можно было предаться жизни подвижнической, мѣста тихаго, какъ пристань, спасающая отъ бурь. И когда прибылъ старецъ въ Кириллову обитель, думалось

ему: „Здѣсь именно давно желанное мною мѣсто, здѣсь, гдѣ все проникнуто памятованіемъ о великомъ и строгомъ подвижникѣ, я закончу свои дни въ непрестанныхъ молитвахъ, въ изученіи слова Божія, въ памятованіи о своемъ послѣднемъ часѣ“...

Дѣйствительно, какъ мы уже знаемъ, сначала, и даже очень долгое время, жизнь старца текла тихо и мирно. Окруженный всеобщимъ вниманіемъ и уваженіемъ со стороны кирилловскихъ иноковъ, онъ могъ исполнѣ свободно служить своему великому дѣлу созерцанія. Господь далъ ему и великое утѣшеніе въ лицѣ Нила. Послѣ встрѣчи съ Майковымъ Паисій почувствовалъ, что то, что было создано, продумано въ тишинѣ его келіи, не исчезнетъ безслѣдно, не останется неузнаннымъ: напротивъ, все это будетъ передано этому неустанно ищущему истины иноку и въ его лицѣ найдетъ своего истиннаго воплотителя и выразителя... И Паисій съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ наставлялъ и поучалъ Нила...

Когда же тотъ уѣхалъ, чтобы увидѣть воочию воплощеніе того, о чемъ говорили ему душа и старецъ, то Паисій, снова оставшись одинъ, предался самоуглубленію и книжнымъ занятіямъ. Порою осиротѣвшій послѣ отъѣзда Нила Германъ и другіе иноки, изрѣдка и маститые старцы, прибѣгали къ Паисию за совѣтомъ, наставленіемъ въ Священномъ Писаніи. И старецъ никому не отказывалъ и, помогая, чувствовалъ въ этомъ высочайшее для себя удовлетвореніе.

Настоятель обители, старецъ Кассіанъ, проникнуть былъ великимъ уваженіемъ къ Паисию, всегда ему именно поручалъ отправленіе обязанностей духовника обители, надзоръ за новоначальными и въ затруднительныхъ случаяхъ всегда совѣтовался съ нимъ первымъ.

— Отецъ Паисій,—говорилъ онъ,—мужъ великаго ума и совѣта. Недаромъ и великій князь такъ его

жалусть, къ его слову совѣтному усердно прилежить...

Дѣйствительно, Паисія знали и на Москвѣ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III-й, который зналъ его еще по Спасокаменной, обращался иногда къ нему за совѣтами. И то самое посольство, съ которымъ уѣхалъ Нилъ, привезло Паисію отъ великаго князя грамоту, въ которой Іоаннъ жаловался на непорядки въ новгородской епархіи, просилъ у старца совѣта. Паисій далъ немедленный отвѣтъ...

Такъ тихо, мирно текла жизнь старца въ пріютившей его обители. Но скончать ему въ ней свои дни не судилось: въ 1469 году онъ оставилъ Кирилловъ монастырь, чтобы отойти въ Спасокаменный, а оттуда въ далекій Сергіевъ.

Произошло это совершенно неожиданно, такимъ образомъ. Кирилловъ монастырь, какъ и Спасокаменный, находились въ области и вѣдѣніи ростовскаго архіепископа. Въ указанномъ году въ Кирилловѣ была получена архіепископская грамота, въ которой сначала описывались нестроенія, происходившія въ это время въ Спасовомъ монастырѣ, и потомъ говорилось, что „для пользы ради и устроенія праваго иноческаго житія у Спаса на камнѣ“ старецъ Кассіанъ долженъ отправиться изъ своей обители въ Спасокаменную, чтобы принять въ свои руки управленіе ею. Много скорбѣли братіе, разставаясь съ Кассіаномъ, который управлялъ ими безсмѣнно въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ.

Особенно печалились братіе о томъ, будетъ ли новый игумень охранять преданія преподобнаго Кирилла такъ же строго, какъ и Кассіанъ. Послѣдній въ этомъ отношеніи былъ неумолимо строгъ и послѣдователенъ. Вотъ почему старцы, многіе изъ которыхъ жили при самомъ Кириллѣ, любили своего игумена и во всемъ покорно повиновались ему.

Опасенія старцевъ относительно новаго игумена особенно стали опредѣленными съ того момента, когда было объявлено, что переводятъ къ нимъ на игуменство одного изъ іеромонаховъ московскаго Чудова монастыря. Всѣ хорошо знали, что иноки этого монастыря близко стояли къ повседневной, суетной московской жизни, что имъ не чужды были интриги московскаго двора, и что они даже принимали въ нихъ перѣдко участие, хотя и косвенное... Будетъ ли выходецъ изъ такого монастыря соблюдать во всей строгости суровый уставъ Кирилла? Не захочетъ ли онъ повернуть отданную ему въ управленіе обитель на путь заботы о ви́шнихъ благахъ и приобрѣтеніяхъ, на путь пресмыкательствъ и заискиваній предъ сильными міра сего? Не рушится ли съ его приѣздомъ прежняя тихая, богобоязненная жизнь монастырская?

Вотъ вопросы, которые смущали братій, и смущали тѣмъ сильнѣе, что подобный примѣръ въ исторіи ихъ обители уже былъ и многіе еще помнили тѣ тяжелыя, невыносимыя для инока дѣла, какія творились тогда въ монастырѣ...

Было это послѣ игуменства учениковъ Кирилла: Иннокентія и Христофора. Въ обитель былъ назначенъ игумень изъ другого монастыря, уставу котораго были чужды строгости иноческихъ правилъ Кирилла. И вотъ этотъ новопоставленный игумень сталъ проявлять полную небрежность къ исполненію преданій преподобнаго. Между тѣмъ среди старцевъ обители эти преданія были еще весьма живы. Одинъ изъ старцевъ, по имени Досіеѣй Невѣдомицынъ, тотъ самый, келію котораго занималъ Паисій, рѣшилъ указать игумену на непристойность его поведенія. Игумень сначала было не обратилъ на слова Досіеѣя никакого вниманія и постарался своей настоятельской властью воспретить ему перечить старшему себя. Но Досіеѣя поддержали другіе старцы. Такая поддержка укрѣпила духъ Досіеѣя, и

однажды во время трапезы, когда игумень велѣлъ прекратить чтеніе затрапезныхъ молитвъ, старецъ подошелъ къ нему и прямо и рѣшительно заявилъ: „Не развращай, отче, предацій преподобнаго и богоноснаго отца нашего: дороги они намъ, и не можетъ видѣть наша душа ихъ нарушенія“. Въ отвѣтъ на это игумень, достаточно сильный физически, схватилъ тщедушнаго старца и что было силъ ударилъ его о полъ. Всѣ думали, что Досіею убить; старецъ, дѣйствительно, получилъ тяжкія увѣчья, но, едва пришедши въ себя, сказалъ оторопѣвшему и уже опомнившемуся игумену: „Если ты захочешь и дѣйствительно предать меня смерти, я все-таки не перестану говорить тебѣ объ истинѣ...“

Такъ вотъ и теперь, прослышавъ о назначеніи имъ въ игумены чудовскаго іеромонаха, кирилловскіе иноки боялись: не будетъ ли онъ похожъ на того, памятнаго?..

Едва новый игумень вступилъ въ обитель, какъ иноки увидѣли, что ихъ опасенія имѣютъ за себя очень много основаній. Чудовскій монахъ былъ упитанный, съ лица красный, довольный и веселый.

— Что, отцы и братіе,—началъ онъ едва ли не съ перваго слова,—много князь Андрей отписалъ нашей обители своихъ угодій?

Иноки грустно вздохнули.

— Кое-что и отписалъ, отче, а только мы о томъ незаботливы: пришли мы въ обитель спасать наши грѣшныя души по завѣту преподобнаго отца нашего.

— Душа душой,—прямо и открыто заявилъ, смѣясь, игумень,—да и грѣшнаго тѣла не надо забывать: безъ него и душа не проживетъ...

— Не учены мы этому, отче. Больше о грѣхахъ нашихъ помышляемъ...

— А вы учитесь. Не такое теперь время, чтобы зѣвать: не вы возьмете, такъ другіе. Коли князь милостивъ да еще не забываетъ святую обитель и насъ

— 33 —

убогихъ, чего же не брать? Слышалъ я, что и князь Михайлъ Андреевичъ, по примѣру своего богобоязненнаго родителя, обители нашей не забываетъ и угожда намъ предлагаетъ. Такъ ли, отцы и братіе?.. А коли такъ, то и унывать не будемъ... Да и о владыкѣ ростовскомъ помыслимъ. Больно онъ, я слышалъ, доходами нашей обители свободно располагаетъ...

— На то онъ отче, нашъ начальникъ и печальникъ.

— Такъ-то оно такъ, да все-же зачѣмъ себя въ обиду давать?..

Послѣ такого разговора инокамъ трудно было ожидать, что новый игуменъ поведетъ ихъ по пути исполненія великихъ завѣтовъ преподобнаго. И дѣйствительно, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ чудовскій пнокъ все болѣе и болѣе уклонялся отъ устава Кирилла. Тогда старцы рѣшили спасти обитель отъ духовной гибели. Они обратились къ игумену и указали на непристойность его вождедѣній и поступковъ.

Игуменъ разъярился, назвалъ старцевъ дерзкими послушниками и прогналъ ихъ отъ себя.

— Вы смотрите у меня,—говорилъ онъ, грозя тяжелымъ настоятельскимъ жезломъ.

Но старцы, и въ томъ числѣ Паисій, не смутились этимъ и черезъ нѣкоторое время снова явились къ игумену.

— Вамъ чего, отцы?—былъ вопросъ.

— Да все о томъ же. Жили мы по-Божьи, да какъ отецъ нашъ преподобный повелѣлъ, а ты, отче, съ далекой Москвы пришедши, сталъ порядки наши нарушать. Негоже такъ... Не въ моготу намъ... Вотъ и пришли...

— А, вотъ какъ... Вы опять?!

Лицо игумена стало богрово-краснымъ, и вдругъ, поднявши жезлъ, онъ ударилъ имъ стоявшаго впереди Паисія...

Кто можетъ представить себѣ всеобщій ужасъ!

Собравшіеся старцы, подавленные громадностью, невыразимой ужасностью совершившагося, молча, не говоря ни слова, разошлись по своимъ келіямъ. Ни слова не проронивъ, вышелъ кое-какъ совладавшій съ собою и Паисій.

Игумень сразу опомнился. Несмотря на всю свою привязанность къ земнымъ благамъ, онъ и самъ, больше чѣмъ къ кому бы то ни было другому, испытывалъ великое уваженіе къ умному и строго-благочестивому подвижнику Паисію, и потому случившееся повергло его самого въ глубокую печаль. Онъ сейчасъ же отправился въ келью старца просить у него прощенія.

— Прости меня, отче, ужъ и самъ не разумѣю, какъ это могло случиться...

— Богъ тебя да проститъ, я же на тебя злобы никакой не имѣю,—смиренно отвѣчалъ Паисій,—а только негоже мнѣ послѣ этого въ сей обители оставаться...

— Да что ты, отче,—испуганно воскликнулъ игумень,—развѣ можно: безъ тебя и обитель наша оскудѣетъ, и слава ея пройдетъ...

— Слава ея не пройдетъ,—просто заявилъ Паисій,—ибо не мнѣ, грѣшному, она обязана этой славой, а своему великому создателю и его святымъ молитвамъ. А мнѣ нужно уйти, потому что тутъ уже моя душа не станетъ спокойной. Такъ ужъ отпусти меня, отче!..

И Паисій поклонился въ землю игумену. Тотъ началъ его всячески уговаривать, призывалъ для этого другихъ уважаемыхъ насельниковъ обители, но старецъ былъ непреклоненъ и вскорѣ, провожаемый скорбящими братьями по обители, ушелъ въ Спасовъ монастырь, гдѣ его уже ожидалъ извѣщенный обо всемъ Кассіанъ.

Тяжело было Паисію разставаться съ Кирилловой обителью. Съ глубокой грустью обходилъ онъ въ послѣдній день всѣ тѣ мѣста, гдѣ подвизался преподобный и гдѣ самому Паисію приходилось переживать

минуты высокихъ духовныхъ состояній. А когда при спускѣ съ одного холма совсѣмъ перестали быть видны стѣны обители и боръ, ее окружавшій, у Пансіа на глазахъ появились слезы. Онъ не могъ удержать ихъ, и онѣ хлынули изъ глазъ. Старецъ, покидая пріотившую его обитель, плакалъ, какъ малый ребенокъ.

Кассіанъ встрѣтилъ Пансіа съ распростертыми объятіями. Зная, какъ тяжело было разставаться старцу съ Кирилловымъ монастыремъ, Кассіанъ не тревожилъ его воспоминаніями и старался заставить его совсѣмъ забыть о тяжеломъ событіи.

Время шло, жизнь въ Спасовой обители текла ровно, размѣренно. Уставъ, принесенный какъ мы уже упоминали, съ Афона, соблюдался строго. И все это мало-по-малу успокоило Пансіа, который еще съ большей силой предался книжнымъ занятіямъ.

Такъ прошелъ годъ. И вотъ, въ одинъ изъ свѣтлыхъ осеннихъ дней, когда въ воздухъ вмѣстѣ съ дыханіемъ грядущей зимы чувствовалась какая-то неземная скорбь, въ Спасову обитель прибылъ гонецъ изъ Москвы, отъ самого великаго князя Ивана Васильевича. Немного испуганный Кассіанъ принималъ изъ рукъ гонца великокняжескую грамоту и, прочитавъ ее, приказалъ послушнику позвать отца Пансіа.

Пансій въ это время былъ въ роуцѣ. Сидя на одномъ изъ камней, которые всюду видѣлись среди нихъ и лиственницъ и какъ бы росли изъ почвы, старецъ громко творилъ молитву. Видно, шумъ деревьевъ и гулко доносившагося прибоя волнъ настраивалъ Пансіа на молитвенное состояніе.

— Отче, отецъ игумень тебя къ себѣ зоветъ, — поклонился послушникъ.

— Отецъ игумень? Сейчасъ, сейчасъ...

И старецъ бодрою походкой направился въ келью

Кассіана. Тотъ встрѣтилъ его встревоженно и вмѣстѣ какъ-то радостно.

— Отче, великій князь удостоиваетъ тебя великой своей милости. Прослышавъ, что ты ушелъ изъ Кириллова и пребываешь въ нашей обители, онъ хочетъ утѣшить тебя, а церкви пользу великую принести: зоветъ тебя на игуменство къ преподобному Сергію...

— Меня на игуменство?

Лицо Паисія при этихъ его словахъ выражало глубокую скорбь.

— Непригожъ я настоятельствовать, да и отъ міра далекъ ужъ сталъ. А тамъ, я вѣдаю, очень къ міру привязаны.

— Какъ же можно противъ воли князя итти?—возразилъ Кассіанъ.—Князь тебя добромъ и ласкою зоветъ. Вотъ возьми прочитай грамоту.

Паисій взялъ княжескую грамоту и, дѣйствительно, увидѣвъ, что князь, назначая его игуменомъ знаменитой Сергіевой обители, заботился прежде всего о немъ самомъ, о его благѣ.

— Отче, повременю я князю давать отвѣтъ,—проговорилъ, немного подумавъ, Паисій,—поудержи посланца; а что назавтра Богъ на душу мнѣ положить, на томъ да будетъ Его святая воля.

— Ладно. Богъ тебѣ въ помощь...

И посланцу велѣно было обождать до слѣдующаго дня. Пришлось повиноваться, хотя въ Москвѣ ему и наказывали возвращаться возможно скорѣй обратно.

Цѣлую ночь простоялъ Паисій на молитвѣ. Волненіе его души мало-по-малу успокаивалось, и къ утру, когда въ обители заблаговѣстили къ заутренѣ, въ душѣ старца созрѣло живое и твердое рѣшеніе. Онъ зналъ, что троицкіе иноки въ то время болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе, ушли во всемъ отъ истинной жизни, и вотъ онъ рѣшилъ принять игуменство съ

тѣмъ, чтобы дѣйствительно поворотить знаменитую обитель на истинный путь.

— Ну что, отче, надумалъ?—спросилъ Кассіанъ, когда они вмѣстѣ выходили изъ церкви.

— Исполню волю князя... И намѣренъ сдѣлать это немедленно: съ гонцомъ отправлюсь.

— А что такъ поспѣшаешь? Али князя боишься прогнѣвать?

— Не то, отче: негоже пастырю безъ паствы оставаться.

— Ну, да благословить тебя Господь. Помолимся, да и проводимъ тебя всей братіей... А тамъ, что случится съ тобой,—добавилъ Кассіанъ,—не забывай, отче, нашей обители: она мѣсто твоего постриженія, она и приметъ тебя съ великою радостію...

— Спаси Господи тебя, отче, на ласковомъ словѣ. Но молюсь Богу, да минуетъ меня такая нужда, да поможетъ Онъ мнѣ совершить во славу Его задуманное мною дѣло.

На слѣдующій день послѣ молебствія братія проводила любимаго всѣми старца въ далекую Москву, а потомъ жизнь спасовскихъ иноковъ снова вошла въ обычную колею.

Такъ прошло два года, и только одно тяжелое событіе омрачило мирную жизнь обители: проводили отца Кассіана,—не въ Москву, не въ другой какой-либо далекій край, а въ могилу. Печально звенѣли монастырскіе колокола, заунывной тоской отдавались они въ сердцахъ осиротѣвшихъ иноковъ. Когда же послышался ударъ о крышку гроба перваго брошеннаго кома земли,—надъ могилой раздалось неудержимое рыданіе. Плакали всѣ иноки. По суровымъ лицамъ ихъ сбѣгали непослушныя слезы: такъ тяжело было ихъ горе...

А надъ озеромъ и боромъ, словно вторя рыданію иноковъ, носился заунывный осенній вѣтеръ. Онъ то

гналъ къ берегу темныя волны, то уходилъ въ глубь бора, и оттуда раздавалась его полная скорби пѣсня.

Скоро выбрали новаго игумена, и жизнь мало-помалу вошла въ обычное русло. Настала и прошла зима, и вотъ снова въ воздухѣ повѣяло тепломъ, радостью жизни. Въ обитель съ далекаго юга стали прилетать обычные ежегодные пернатые гости, стали приходить и пріѣзжать богомольцы и купцы. Случалось, пріѣзжали и съ далекой Москвы.

И вотъ, въ одинъ изъ весеннихъ дней прибылъ въ Спасову обитель и тотъ, кого едва ли кто ожидалъ, — Паисій Ярославовъ. Никому изъ братіи ничего не сказали онъ о томъ, почему и какъ ушелъ изъ обители преподобнаго Сергія, и только просилъ у новаго игумена разрѣшенія поселиться вновь въ обители постриженія.

— Здѣсь бы мнѣ и вѣкъ дожить, — говорили онъ.

— Что-жъ, поселяйся, отче, — отвѣчалъ игумень, — братія и я весьма рады тебѣ.

И старецъ Паисій Ярославовъ сталъ вновь жить простымъ инокомъ, отдавая все свои силы и свободное время книжнымъ занятіямъ. Такъ никто и не услышалъ отъ него о причинахъ ухода изъ Сергіевой обители, и только черезъ нѣкоторое время отъ московскихъ купцовъ, наѣзжавшихъ изрѣдка въ Спасовъ, иноки узнали все. Оказалось, что сергіевскіе ипоки, возмущенные строгостью устава, принесеннаго Паисіемъ, хотѣли даже убить его. Тогда старецъ, избѣгая соблазна, оставилъ игуменство.

IX.

Было раннее лѣто 1478 года. Съ тѣхъ поръ, какъ Нилъ уѣхалъ на востокъ изъ Кириллова, прошло уже тринадцать лѣтъ. За это время въ обители Кирилла успѣло многое измѣниться. Старцы-ученики самого преподобнаго отошли почти все въ вѣчность или были

уже весьма дряхлыми и въ дѣла обители мало вмѣшивались. Мѣста ихъ заняли ихъ ученики и ученики этихъ учениковъ. Послѣдніе-то, новоначальные, еще совсѣмъ молодые монахи, и заправляли всѣмъ въ монастырѣ. Они не были ни мудрѣе, ни выше въ духовномъ отношеніи старшихъ иноковъ. Но въ нихъ была ни предъ чѣмъ не останавливающаяся дерзость. Когда они вошли въ монастырь, всѣ сразу почувствовали, что вошла какая-то чуждая мирному, удаленному отъ земной суеты иночеству сила. Дряхлые ученики прееподобнаго, спасая въ себѣ воспоминаніе о дивномъ образѣ своего учителя, совсѣмъ удалились отъ дѣлъ, но преемники ихъ все-таки пытались отстоять отъ новоначальныхъ строгій духъ устава обители.

Но это имъ мало удавалось. Молодые, подобно игумену, отъ котораго пострадалъ Паисій, говорили, что молитвы молитвами, но и объ имуществѣхъ, о земельныхъ угодіяхъ для обители надо позаботиться.

— А то какъ и молиться,—говорили они,—коли самое существованіе нашей братіи не обезпечено, какъ слѣдуетъ? Да и какое у мірскихъ людей благоговѣніе будетъ къ инокамъ, которые бѣднѣе ихъ и ни угостить, ни задобрить ихъ не могутъ?..

Напрасно такимъ указывали на великій обѣтъ нестяжательности, какой дается иноками при вступленіи въ монашество: на это они не обращали вниманія старались въ свою защиту привести ложно толкуемыя тексты Священнаго Писанія.

Тяжело было истиннымъ ревнителямъ Кирилловыхъ завѣтовъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, по уходѣ изъ обители Паисія, имъ удалось настоять на удаленіи неугоднаго имъ игумена изъ чудовскихъ монаховъ. Но этимъ они мало пособили горю. На мѣсто одного плотоугодника явились десятки, а главное, скоро у нарушителей иноческаго обѣта нестяжательности въ монастырѣ снова явилась сильная опора—въ лицѣ самого игумена.

Дѣло въ томъ, что послѣ удаленія чудовскаго монаха нѣкоторое время обителью Кирилла правилъ одинъ изъ его учениковъ. Время его управленія было благодатнымъ для строгихъ ревнителей устава. Въ это-то время обитель посѣтилъ знаменитый Іосифъ Волоколамскій, съ которымъ мы познакомимся впоследствии. По его выраженію, Кириллова обитель была подобна тогда свѣтильнику, стоящему на возвышеніи.

Но такое время, къ сожалѣнію ревнителей строгой жизни, продолжалось недолго. Когда скончался игумень-ученикъ преподобнаго, желаніемъ всѣхъ насельниковъ обители было видѣть у себя на игуменствѣ непременно постриженника Кирилловой обители. И вотъ, отчасти подъ давленіемъ Москвы, они выбрали нѣкоего Нифонта. Нифонтъ былъ постриженникъ Кириллова монастыря; поступилъ онъ въ обитель почти разомъ съ Ниломъ, но затѣмъ много времени провелъ въ другихъ монастыряхъ.

Старцы Кирилловой обители, не взирая на это, полагали, что въ Нифонтѣ живо и дѣйственно уваженіе къ завѣтамъ преподобнаго, а потому и на игуменствѣ онъ будетъ строго слѣдовать этимъ завѣтамъ. Однако, полагая такъ, старцы сильно ошибались. Нифонтъ, едва вступивъ въ управленіе монастыремъ, началъ клонить въ сторону того, что, молъ, не слѣдуетъ забывать щедрыхъ благодѣтелей обители.

— Ты это о чемъ, отче?—недоумѣвали старцы.

— Да вотъ перво-на-перво о князѣ нашемъ, Михаилѣ Андреевичѣ. Вѣдь батюшка его, князь Андрей, какимъ былъ щедрымъ дателемъ! Ну, и сынъ, слыхалъ я, не прочь облагодѣтельствовать нашу обитель, а только надо его сначала ублаготворить: о здоровьи почаще справляться, сказать, что въ молитвахъ нашихъ грѣшныхъ никогда его не забываемъ, а тамъ, къ слову, и о нуждахъ нашихъ великихъ упомянуть...

Въ отвѣтъ на это старцы только головами покачали. Зато младшая братія несказанно обрадовалась, увидѣвъ въ Нифонтѣ своего защитника и покровителя. Новоназначенные иноки предложили своему игумену энергичную поддержку, и вскорѣ обитель стала обогащаться новыми обильными дарами отъ верейскаго князя Михаила Андреевича.

Но на этомъ дѣло не остановилось. Энергичный игумень, почувствовавъ подъ собой, благодаря благосклонному вниманію князя, твердую почву, рѣшилъ совершенно освободиться со своимъ монастыремъ изъ-подъ власти тогдашняго ростовскаго архіепископа Вассіана и перейти въ непосредственное вѣдѣніе Михаила Андреевича. Это было въ самомъ началѣ 1478 года. На митрополичьемъ престолѣ въ Москвѣ тогда воссѣдалъ Геронтій, человѣкъ твердаго и рѣшительнаго характера. Князь Михаилъ обратился къ Геронтію съ просьбой выдать ему особую грамоту на монастырь. Митрополитъ исполнилъ его просьбу.

Но едва князь Михаилъ отъѣхалъ отъ Геронтія, какъ къ митрополиту явился обиженный ростовскій архіепископъ.

— Почто, владыко, такъ обидѣлъ меня, отнялъ у меня Кириллову обитель?—слезно заявилъ Вассіанъ, вступая въ митрополичьи покои.

— Каждому нужно отдать ему принадлежащее,—отвѣчалъ твердо Геронтій,—преподобный Кириллъ завѣщалъ свою обитель князю Андрею, а нынѣ сынъ его наслѣдникъ всему по отцѣ...

— И то не такъ, владыко. Хотя преподобный и завѣщалъ князю обитель, то ради охраненія ея, а не ради прибытковъ братіи. И самъ преподобный пребывалъ въ строгомъ послушаніи ростовскому святителю, какъ и подобаетъ истинному иноку. А нынѣ не то. Непотребные иноки, проникшіе, какъ волки, за ограду святой Кирилловой обители, хотятъ нарушить обѣты

пестяжанія и посему къ князю Михаилу прилѣпляются. И потакать имъ не слѣдуетъ...

— Я не потатчикъ, а стражъ правды,—вспыхнуль строгій Геронтій,—и тебѣ, владыко, говорю: какъ положено, такъ и останется...

Съ горечью въ душѣ ушелъ отъ митрополита ростовскій владыка, но дѣла своего, въ правотѣ котораго былъ глубоко убѣжденъ, онъ рѣшилъ не оставлять и потому направился прямо къ великому князю. Великій князь Иванъ Васильевичъ любилъ ростовскаго владыку за строгость его жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ не долюбивалъ Геронтія, съ которымъ у нихъ нерѣдко были пререканія.

— Что говорить, владыко, крутенекъ правомъ нашъ Геронтій,—заявилъ Иванъ Васильевичъ въ отвѣтъ на жалобу Вассіана,—у меня самого съ нимъ нелады да суперечины... А только ладно, я поговорю съ нимъ...

Но митрополитъ не послушалъ и великаго князя.

— Коли, государь, правду мы съ тобой нарушать будемъ, — заявилъ онъ Іоанну,—то что же прочіе скажутъ и станутъ дѣлать?

— Да ты, владыко, на то посмотри, что иноки на казну только свою смотрятъ, для того и грамоту хлопотали черезъ своего князя.

— Инокамъ я, государь, накажу, чтобъ завѣты Кирилла по всей строгости блюли, а отъ грамоты, данной князю Михаилу, не отрекусь.

„Ладно, я тебя заставляю“, — подумалъ про себя великій князь, съ гнѣвомъ отпуская митрополита.

Не далѣе, какъ на слѣдующій день, Иванъ Васильевичъ послалъ къ князю Михаилу верейскому требованіе возвратить обратно грамоту, данную ему митрополитомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ во все города и монастыри было разослано епископамъ и архимандритамъ приглашеніе пожаловать въ Москву, чтобы дать судъ ростовскому архіепископу съ митрополитомъ. Начались

продолжительныя изысканія. Въ Кирилловѣ то-и-дѣло прибывали великокняжескіе гонцы, чтобы подробно вывѣдать все дѣло. Вывѣдывали съ сыскомъ, не церемонясь; грозили даже дыбами и застѣнками.

Тихая жизнь обители, такимъ образомъ, была нарушена. Это не только повергло въ глубокую печаль старыхъ иноковъ, но встревожило, взволновало и новоначальныхъ, ратовавшихъ за обращеніе къ князю Михаилу. Всеобщее смущеніе достигло такой степени что монахи раздѣлились на партіи, на части, державшіяся каждая особаго рода мыслей по данному вопросу.

На время забыли даже о порядкѣ трудового дня и часто посвящали на споры и пререканія тѣ часы, которые были отдѣлены для выполненія положеннаго каждому послушанія. Скоро успѣли, впрочемъ, ясно обозначиться два направленія: старые иноки стояли противъ игумена и противъ всякихъ имущественныхъ приобрѣтеній обители; молодые, будучи также недовольны Нифонтомъ, упрекали, однако, его только въ неумѣнье уладить дѣло и всецѣло стояли за то, чтобы не отдавать обратно полученныхъ богатствъ и къ ростовскому владыкѣ обратно подъ власть не итти.

Старые, хотя правда была и на ихъ сторонѣ, уступали часто въ спорахъ молодымъ: у нихъ не было такой начитанности, какъ у послѣднихъ, и умѣнья спорить.

— Эхъ, — говаривали иногда старцы, — нѣтъ съ нами старца Паисія да Нила Майкова. Тѣ отъ божественныхъ писаній показали бы ясно и доказательно, что негоже инокамъ къ міру тянуться...

И не разъ мысли кирилловскихъ старцевъ обращались къ мудрому Паисію и его ученику, ушедшему на востокъ искать правды Божіей и истиннаго образа иноческаго житія...

И вотъ, въ одинъ изъ раннихъ лѣтнихъ дней,

когда братія собралась въ церковь къ поздней обѣднѣ, въ храмъ вошелъ средняго роста старикъ. Изчерна сѣдые волосы его спадали до плечъ. Спина его была сильно сутуловата. Взглядъ голубыхъ глазъ, глядѣвшихъ съ чистаго исхудавшаго лица, поражалъ своей строгой пронизательностью и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то глубокой, затаенной вдумчивостью.

При взглядѣ на вошедшаго старика старцы вздрогнули. Или, быть можетъ, имъ почудилось?.. Неужели этотъ сгорбленный строгій старикъ — тотъ прежній юный, цвѣтушій юноша?.. Но когда вошедшій, приблизившись къ гробу преподобнаго, обратился къ инокамъ и поклонился имъ троекратно по-монашески, — по церкви пронесся невольный шопотъ:

— Нилъ, Нилъ пріѣхалъ, Нилъ Майковъ съ востока вернулся... Какъ постарѣлъ нашъ собратъ...

А послѣ богослуженія подходили всѣ къ прибывшему и радостно лобызались съ нимъ, старые по старинѣ, а новоначальные, помня полные глубокаго интереса рассказы старцевъ объ ихъ собратѣ Майковѣ, пришедшемъ съ далекой Москвы.

— Ну что, отче, какъ ѣздило, что видѣлось? — спрашивали Нила кирилловскіе иноки. — Не жалѣлъ ли о нашей обители, что покинулъ ее? Какія тамъ обители? Какъ иноки живутъ и строгій ли уставъ имѣютъ?..

Но Нилъ на всѣ вопросы отвѣчалъ односложно. Старцы поняли, что многословіе не по душѣ ихъ прибывшему собрату. Потому они скоро прекратили свои разспросы, но не могли не подѣлиться съ Ниломъ тѣмъ, что волновало тогда всю обитель.

— Ты, отче, всю свою жизнь посвятилъ испытанію божественныхъ писаній. Для того, чай, и на Востокъ путь предпринималъ... Такъ научи насъ, добро ли монастырямъ селами владѣть да къ мірскимъ людямъ въ покровительство тянуться...

И старцы шагъ за шагомъ передали своему единопостриженнику то, что произошло въ послѣднее время. Нилъ строго-внимательно выслушивалъ все, что говорили ему кирилловскіе старцы, и морщины, избородившія его лобъ, сходились еще ближе, а выраженіе голубыхъ тоскливыхъ глазъ становилось еще тверже, еще глубже, еще загадочнѣй.

— Не по-иночески все это, братіе, — твердо заявилъ онъ, — не для того мы должны оставлять міръ, чтобы потомъ къ нему тянуться; а коли тянемся, значитъ, не оставляемъ его, а такъ только другихъ и себя обманываемъ.

— Истинно, отче, истинно, такъ и отцу игумену откажи, — подтверждали старцы, обрадованные тѣмъ, что мысли ихъ нашли такое простое и ясное выраженіе.

— Обратимся ли мы къ Священному Писанію или къ писаніямъ святыхъ отецъ, — продолжалъ между тѣмъ Нилъ, — мы нигдѣ не найдемъ подтвержденія того, что отрекающіеся отъ міра могутъ еще пользоваться чѣмъ-нибудь отъ него, а всюду наоборотъ...

И Нилъ началъ приводить одно изреченіе за другимъ въ пользу строго-аскетическаго взгляда на земныя блага. Старцы слушали, и каждый изъ нихъ въ своей душѣ неслыханно удивлялся начитанности и уму Нила.

— У тебя, отче, всѣ божественныя писанія на краю языка, — простодушно замѣтилъ одинъ изъ слушателей и этими словами вполне точно выразилъ мысль cadaго изъ присутствовавшихъ старцевъ.

X.

Нифонтъ принялъ съ распростертыми объятіями Нила, когда тотъ вошелъ къ нему.

— Давненько не видались мы съ тобой, отче. Какъ ѣздилось, работалось? Все испытывалъ божественныя писанія?..

— Было и это,—смиренно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то нехотя отвѣтилъ старецъ.

— А по-моему,—безпечно махнувъ рукой, проговорилъ Нифонтъ,—гордыня все это и дерзость человеческого ума испытывать то, что написано боговдохновенными людьми. Все равно ничего не прибавишь...

— Прибавлять-то, можетъ быть, и не нужно,—тихо отвѣчалъ Нилъ,—а убавить не мѣшаетъ то, что досужими руками приписано... Списки, отче, не всегда правы...

— Вотъ ты какъ, — почти съ ужасомъ отошелъ игумень,—чего-жъ ты и въ обитель нашу пришелъ? Мыслей еретическихъ у насъ теперь и такъ вдоволь. Чай, слыхалъ? Я думаю, нажаловались уже тебѣ наши старцы... И безъ того у насъ нелады да неурядицы идутъ...

— Потому и нелады идутъ, что писаній не испытываете да по нимъ не живете, — твердо и строго замѣтилъ Нилъ.

— Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся,—закричалъ Нифонтъ,—коли ты такой, нѣтъ тебѣ мѣста въ нашей обители...

Ни слова не сказавъ на это Нилъ, только сдѣлавъ глубокий земной поклонъ и смиренно вышелъ изъ игуменскихъ покоевъ. А къ вечеру братіи монастырской стало извѣстно, что старецъ Нилъ не поселится вмѣстѣ съ ними въ киновіи, въ оградѣ монастыря, а избираетъ своимъ мѣстопробываніемъ полуразрушенную избушку за стѣнами монастыря, сохранившуюся еще отъ времени жизни преподобнаго...

Такъ прошло съ недѣлю. Старцы обители и часть братіи непрерывно посѣщали Нила и вели съ нимъ долгія бесѣды, главнымъ образомъ о жизни иноческой и о монастырскихъ событіяхъ послѣдняго времени. Особенно интересовались кирилловскіе иноки узнать отъ ученаго старца про тѣ мѣста въ „божественныхъ

писаніяхъ“, которыя говорятъ противъ права монастырей владѣть селами и всякими благами мірскими. Старецъ, какъ и въ первый день встрѣчи, научалъ ихъ тому, что самъ зналъ. Зналъ же онъ много и толково...

— Значить, отче, по-твоему все зло происходитъ у насъ оттого, что писаній мы не испытываемъ, души не слушаемъ да вмѣстѣ живемъ?—спрашивали Нила иноки, стараясь яснѣе понять, свести къ единству все то, что онъ говорилъ.

— Такъ, такъ отцы и братіе,—мягко отвѣчалъ Нилъ, и въ глазахъ его видѣлась внутренняя радость отъ того, что его понимали.—Общее житіе, какъ уже не разъ я сказывалъ вамъ, непригодно для истиннаго инока. Иночество нужно человѣку для души. Вѣдь въ иночество человѣкъ только затѣмъ и уходитъ изъ міра, чтобъ начать жить такъ, какъ велитъ душа. Голось души просыпается въ человѣкѣ, душа зоветъ его начать раздумывать о своей жизни, о Богѣ, о Его великой правдѣ, вообще начать дѣланіе умомъ, умное дѣланіе. Міръ мѣшаетъ всему этому. Человѣку о душѣ хочется думать, а въ мірѣ ему велятъ вотъ то да то дѣлай. Ну, человѣкъ и покидаетъ міръ, чтобъ, знавши, на волю изъ душевной темницы выйти. А только скажите, какая же это воля для души, если напередъ все раздѣлено и опредѣлено: вотъ это тогда дѣлай, а это тогда!.. Тотъ же міръ. А потомъ иногда, можетъ, человѣку совсѣмъ не слѣдуетъ видѣть другихъ, о себѣ говорить съ ними. Въ общемъ же житіи какъ безъ сего обойтись? И говори, и душу свою каждому раскрывай. Наипаче же великое зло, особенно по нынѣшнимъ временамъ, что въ общемъ житіи много соблазновъ отъ міра. Хозяйство надо вести да церковью для общей молитвы благолѣпно убраную имѣть, да богомольцевъ принять, да нищихъ надѣлать. А забываютъ, что все это суету да соблазнъ за собой влечетъ. Для нищихъ да богомольцевъ нужны столы

да яства, да деньги; для церкви серебро да золото, а для хозяйства милостыню отъ христолюбцевъ принимать, да и самихъ христолюбцевъ почествовать, поклоняться имъ. И вотъ, иноки кланяются, унижаются, добываютъ деньги и не замѣчаютъ сами, какъ, желая оставить міръ, они живутъ въ томъ же мірѣ, да еще во сто кратъ худшемъ. Нѣтъ, коли ты инокъ, на что тебѣ золоченые храмы для хозяйства, да даже и нищіе?

— Какъ же, отче, нищихъ и Господь велѣлъ призрѣвать...— удивлялись и недоумѣвали иноки.

— Призрѣвать-то призрѣвайте, коли для этого не нужно вамъ къ міру тянуться. А нельзя — то лучше и нищему отказать. Міръ о нихъ позаботится. Да и то сказать: чтобъ съ голоду и душой человѣкъ не умеръ, у всякаго инока, не живущаго общимъ житіемъ, всегда найдется и хлѣба, и ласковаго слова. Больше этого и не нужно. А то выдумали: нужно, молъ, деньги нищимъ подавать да всячески ихъ ублажить, досыта кормить. Добро не въ томъ, чтобы всѣ желанія своего ближняго удовлетворить, а въ томъ, чтобы спасти и его, и свою душу. А это вполне доступно иноку и безъ общаго житія...

— Отче, въ чемъ же цѣль жизни иноческой?

— Въ томъ, чтобы всматриваться въ душу свою богоподобную, различать, изучать въ ней волю Божію, познавать въ ней и черезъ нее начертаннаго въ ней Бога. Это и есть разговоръ человѣка со своей душой, иначе умное дѣланіе. Только это и нужно человѣку. Разумѣется, самому человѣку, одному, это трудно сдѣлать. Вотъ тутъ-то для руководства и даны намъ божественныя писанія. Въ нихъ начертана вся воля Божія. Тутъ человѣкъ и долженъ свѣрять хотѣнія своей души съ писаніями. Коли въ нихъ есть то, къ чему душа движется, значить, дѣлай, а коли нѣтъ, значить, не нужно... Только и въ семъ случаѣ нужно быть весьма осмотрительнымъ. Не всѣ писанія божественны.

Многія изъ нихъ написаны или исковерканы малоразумными людьми. И вотъ, инокъ, испытывая писанія, долженъ весьма тщательно и осторожно разсмотрѣть, гдѣ правое писаніе и гдѣ неправое. Приходилось и мнѣ, грѣшному, встрѣчать много неправыхъ списковъ...

— А какія, отче, писанія больше другихъ полезиты для души инока?

— Допрежъ всего святія Евангелія, потомъ апостольскія писанія, а тамъ и ученія святыхъ отецъ.

— Отче,—проговорилъ одинъ инокъ, который особенно внимательно прислушивался къ словамъ Нила,—слушалъ я тебя, и думается мнѣ, что истинному иноку нужно искать совершеннаго одиночества...

— Не всякому это полезно, братъ, а очень немногимъ, уже искушеннымъ долгимъ опытомъ и, можно прямо сказать, людямъ съ ангельской душой. Простымъ же грѣшнымъ нужно убѣгать полнаго уединенія. Оно само по себѣ не дѣлаетъ человѣка праведнымъ, а часто еще болѣе разжигаетъ въ человѣкѣ всякія страсти. Аспидъ ядовитый и лютый звѣрь, укрывшись въ пещерѣ, остается все-таки лютымъ и вреднымъ. Онъ никому не вредитъ, потому что некого кусать ему; но онъ не дѣлается добронравнымъ оттого, что въ пустынномъ и безлюдномъ мѣстѣ не допускаютъ его дѣлать зла: какъ только придетъ время, онъ тотчасъ выльетъ свой сокровенный ядъ и покажетъ свою злобу... Такъ и живущій безъ должнаго духовнаго опыта въ совершенномъ одиночествѣ не гнѣвается на людей, когда ихъ нѣтъ, но злобу свою изливаетъ надъ бездушными вещами: надъ тростью, зачѣмъ она толста или тонка, на тупое орудіе, на кремень, нескоро дающій искру... Уединеніе, братіе, требуетъ вообще ангельскаго житія, а неискусныхъ убиваетъ...

— Тогда какъ же жить инокамъ? Въ общемъ жптіи не полезно, въ уединеніи великій соблазнъ... — въ одинъ голосъ недоумѣвали пришедшіе.

— Истинный образъ иноческаго житія,—отвѣчалъ Нилъ,— это скитское житіе. Такъ живутъ иноки на востокѣ... Видѣлъ это я, умилялся и не могъ надивиться: какъ мудро и для души полезно...

— Какъ же это, отче?

— А вотъ какъ. Селятся тамъ иноки вдвоемъ или втроемъ, питаются и одѣваются отъ трудовъ собственныхъ рукъ, каждый по своимъ заработкамъ. Другъ друга они поддерживаютъ во внутренней борьбѣ съ дурными помыслами и умномъ дѣланіи. Скитъ иногда состоитъ и изъ нѣсколькихъ келій. Тогда изъ среды иноковъ избирается ими настоятель, но это не начальникъ, не приказчикъ всему иноческому житію, а только дружескій совѣтникъ и духовный руководитель, къ которому они добровольно обращаются... Подаянія позволяется принимать только въ случаѣ крайней нужды и болѣзней... Общаго ничего нѣтъ, такъ что въ скитѣ и не можетъ быть недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ. Церковь же въ скитѣ отнюдь не имѣетъ никакихъ богатствъ и украшеній. Серебро и золото строго изъ храмовъ тамъ изгоняютъ, ибо Богу не это угодно, а души иноковъ, если онѣ чистыя и непорочныя...

— Новое это, отче, не слыхивали мы прежде объ этомъ никогда,—удивлялись старцы и прочіе иноки.

— На Руси этого не было,—проговорилъ Нилъ,— это вѣрно. Но это потому, что страна наша глуха и не прислушивается къ тому, что есть великаго и хорошаго въ другихъ странахъ. Сидимъ мы въ своихъ норахъ и не видимъ, что отъ темноты всякіе пороки происходятъ. А причина всему то, что любимъ мы только себя да свое тѣло. Потому и къ міру у насъ иноки такъ тянутся...

— Какъ отецъ Нифонтъ съ братіей,—съ горькою усмѣшкой заявилъ одинъ изъ слушателей.

— А и не любитъ же онъ тебя, отче,—замѣтилъ

другой, обращаясь къ Нилу, — все насъ донекаетъ, что къ тебѣ мы вхожи...

— Скоро я ему дамъ покой, избавлю отъ себя, — замѣтилъ Нилъ.

— Что, аль уйти отъ насъ хочешь? — тревожно спрашивали иноки.

— Нѣтъ, не то, а только мѣсто я себѣ подыскиваю тутъ недалеко гдѣ-нибудь. Не могу уйти я далеко отъ стѣнъ того, чей образъ привлекъ меня сюда и поддерживалъ мой духъ въ юные годы. Хочу только отъ соблазновъ избавить отца игумена.

— Ну, помогай тебѣ Богъ. Не оставляй только насъ и тогда своими совѣтами да молитвами...

Нилъ, дѣйствительно, съ перваго же дня своего пріѣзда началъ искать подходящаго мѣста для своихъ подвиговъ. Онъ предпринималъ въ различныхъ направленіяхъ отъ монастыря далекія прогулки и все присматривался къ мѣстности. За время своего прежняго пребыванія въ обители онъ рѣдко выходилъ за ея стѣны, и потому окрестности Кириллова монастыря мало ему были извѣстны. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ наблюдалъ теперь красоты природы, открывшіяся одна за другой во время прогулокъ...

Прошло уже недѣли три со времени пріѣзда Нила. Былъ тихій пасмурный день. Небо еще съ ночи заволклося тучами, и шелъ тихій дождь. Нилъ еще съ дѣтства любилъ такую погоду. Въ такіе часы его душа, рвавшаяся къ небу и тосковавшая на землѣ среди грязи жизни, съ особенной силой чувствовала какую-то невыразимую, особенную скорбь. Скорбь эта не была тяжела для души. Она, напротивъ, возвышала душу, дѣлала ее особенно чуткой ко всему доброму и прекрасному.

Нилъ вышелъ изъ своей избушки, прошелъ рощу, окружавшую монастырь, и очутился на тропинкѣ, которая, насколько видѣлъ глазъ, вилась далеко среди

холмовъ и озеръ. Ниль направился по этой тропинкѣ. Дорога сначала шла открытая, мимо замкнутыхъ въ зеленныя рамки озеръ, надъ поверхностью которыхъ теперь опускался стройными линиями дождь; потомъ пошли пригорки, холмы, одѣтые богатой растительностью. Озеръ уже не видно было кругомъ.

Старецъ, задумавшись, все шелъ и шелъ впередъ, поднимался на пригорки, спускался съ нихъ. Красота мѣстности, однообразный шумъ дождя какъ-то успокаивали, убаюкивали его, и онъ, какъ бы оставшись наединѣ со своей душой, шелъ, все болѣе и болѣе вдумываясь въ тотъ ужасъ, въ какомъ пребываютъ люди благодаря своей любви къ міру.

„Какими страшными цѣпями, — думалось старцу, — приковалъ міръ къ себѣ душу человѣка. Дочь далекаго чарующаго неба, таящая въ себѣ неисчислимыя сокровища утѣшенія и счастья, она съ самыхъ раннихъ поръ, съ самаго ранняго дѣтства закрывается отъ человѣка трудно проницаемой пеленой. И пелену эту создаетъ міръ, который какъ-то безсознательно боится позволить человѣку открыть глаза на свою жизнь. Вотъ и происходитъ, что человѣкъ всю свою жизнь ходитъ, не подозрѣвая, какое таитъ въ себѣ сокровище. О, какъ нужно людямъ убѣгать отъ міра. Міръ — это гибель, неминуемая гибель для души“...

Вдругъ до слуха старца донесся усиленный шумъ. Онъ сразу догадался, что близко должно быть озеро. Дѣйствительно, среди разступившейся чащи показалось привольное и живописное озеро. Края его были окаймлены дикимъ дремучимъ полу-хвойнымъ, полуплоственнымъ лѣсомъ. Въ одномъ мѣстѣ озера въ него впадала небольшая рѣчка. Почва была ровная, но болотистая. Все мѣсто производило впечатлѣніе чего-то дикаго, мрачнаго и вмѣстѣ величественнаго.

При первомъ взглядѣ на мѣстность Ниль невольно

остановился. Сердце его какъ-то дрогнуло, и въ тотъ же мигъ онъ скорѣе почувствовалъ, чѣмъ понялъ, что гдѣ-то именно здѣсь то мѣсто, которое указываетъ ему Небо для жизни и подвиговъ.

Овладевъ собой, старецъ пошелъ по краю озера до устья рѣки и углубился въ лѣсъ по ея берегу. И чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ мѣстность кругомъ принимала все болѣе дикій и мрачный характеръ. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ онъ остановился. Рѣчка здѣсь не вилась, а тянулась, и была болѣе похожа на стоячее болото, чѣмъ на текучую воду. Великаны - деревья столпились надъ ней и, образуя стройную круглую стѣну, какъ бы приготовились отражать всякую попытку войти въ этотъ дикій и вмѣстѣ невыразимо величественный уголокъ... Среди красотъ окружавшей монастырь природы трудно было найти болѣе грустное, уединенное и подходящее убѣжище для уходящаго отъ міра инока.

Нилъ опустился на колѣни и, глядя въ небо полными слезъ, глубоко-вѣрующими и благодарными глазами, началъ молиться. Уста его не шевелились, и безмолвіе дикаго угрюмагаго лѣса не нарушала человѣческая рѣчь: душой молился старецъ.

— Боже великій и сильный, — говорилъ онъ въ своей душѣ, — я молилъ Тебя о томъ, чтобы Ты указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ бы я могъ скончать свои дни. Нынѣ Ты внялъ моей молитвѣ, и это то мѣсто, гдѣ я увижу свой земной конецъ. Благослови же, Всемогуцій, меня на предстоящіе трудные подвиги, даруй силы перенести ихъ и побороть въ себѣ всѣ тѣ искушенія, какими соблазняетъ меня, грѣшнаго, міръ. Сіе мѣсто, указанное мнѣ Тобою, да будетъ вѣчной могилой моихъ грѣховныхъ плотскихъ желаній и вожделѣній!..

Лишь къ вечеру этого дня вернулся Нилъ въ свою избушку. А между тѣмъ сюда за день не разъ уже

набѣдывались кирилловскіе иноки; зайдутъ, заглянуть и уйдутъ, но черезъ нѣсколько времени опять и опять.

Едва Нилъ переступилъ порогъ своего временнаго жилища, какъ вошелъ одинъ изъ его частныхъ за послѣднее время посѣтителей.

— Отче, а мы тебя всюду ищемъ...

— А что, братъ?

— Да то, отче, что въ обитель къ намъ изъ Москвы отъ самаго великаго князя гонецъ прибылъ. Митрополитъ-то Геронтій испугался суда съ владыкою нашимъ Вассіаномъ и сталъ князя просить, чтобъ помирилъ онъ ихъ. Долго не ладилось дѣло, а потомъ вышло. Князь согласился быть посредникомъ. Грамоту, что князю Михаилу на нашъ монастырь дадена митрополитомъ, изничтожили, и велѣно нашу обитель вновь по старинѣ вѣдать ростовскому владыкѣ... Такъ-то, отче...

— Значить, все, братъ, по-старому?

— Нѣтъ, отче, не договорилъ я... Игумену нашему отцу Нифонту за то, что онъ поссорилъ владыку Вассіана съ митрополитомъ и всю сумятицу поднялъ, да и къ земнымъ благамъ больно прилежитъ, велѣно оставить игуменство и ѣхать на тяжкое покаянное послушаніе въ Симоновъ... И вотъ, братіе ждуть тебя, отче, къ себѣ въ киновію...

— Зачѣмъ же? Мнѣ тамъ негоже быть, нарушать игуменское распоряженіе. Хоть Нифонтъ теперь и не настоятель, а все же не снялъ онъ съ меня запрета...

— Ужъ не знаю, отче, — уклончиво отвѣтилъ инокъ, — а что до разрѣшенія отца Нифонта, такъ это я сейчасъ сбѣгаю...

И, оставивъ Нила одного, инокъ ушелъ быстрой походкой въ обитель. Черезъ непродолжительное время отъ вратъ обители показалась огромная толпа: это шли всѣ насельники обители. Приблизившись къ

стоявшему на порогѣ и недоумѣвавшему Нилу, они всѣ, какъ одинъ, упали на-земь. Тогда Нилъ понялъ все. Какъ-то сразу поблѣднѣвъ, онъ бросился поднимать бывшихъ впереди сѣдовласыхъ старцевъ и хотѣлъ что-то сказать, но тутъ раздался смѣшанный гулъ старыхъ и молодыхъ голосовъ.

— Отче, не оставь насъ сирыми, будь нашимъ руководителемъ къ Богу!

— Отцы и братіе, — взволнованно отвѣчалъ Нилъ, — моя душа полна къ вамъ превеликою благодарностію за то, что призрѣли на меня убогаго и скудоумнаго. Кланяюсь земно вамъ за это...

Нилъ сдѣлалъ всѣмъ земной поклонъ.

— По избранію вашего, — продолжалъ онъ, — принять не могу. Да простить меня за это Господь и вы... Потому не могу принять, что зоветъ меня душа къ другому и отвращаетъ отъ міра со всѣми его прелестями и соблазнами. А игуменствуя надъ вами, какъ соблазна мірскаго уберечься, какъ душу спасти, какъ устроить жизнь по писаніямъ? Не здѣсь, гдѣ грань отъ міра переходится, пребывать всѣмъ инокамъ и мнѣ грѣшному. Говорилъ уже я вамъ о семъ... А коли нужда у васъ есть сохранять общее житіе и игумена надъ собой имѣти, то да поможетъ вамъ премудрый Господь избрать мужа мудраго, къ истинному иноческому житію прилежнаго и въ писаніяхъ свѣдущаго...

Поднявшись съ земли, грустно стояли передъ Ниломъ кирилловскіе иноки. Наконецъ, впередъ выступилъ сѣдовласый старецъ, самый древній насельникъ обители.

— Отче, — сказалъ онъ, обращаясь къ Нилу, — зналъ я тебя еще тогда, когда ты юношей пришелъ въ нашу обитель. Съ того самаго момента и донинѣ ты не устанно ищешь правды Божіей. Идя сюда, къ тебѣ, думали мы, что ты всѣхъ насъ возьмешь подъ свою

руку и поведешь въ горнее царствіе отъ грѣшнаго міра. Богъ не судилъ сбыться сему нашему желанію. Да будетъ такъ. Поступай такъ, какъ велить тебѣ твоя душа, но не оставляй и насъ сирыми. Вотъ мы выберемъ игумена, и ты, отче, наставь его, коли за совѣтомъ онъ къ тебѣ придетъ, научи его, какъ управлять обителію, чтобы не привести ее къ тому, къ чему привелъ братъ нашъ Нифонтъ...

— Истинно такъ, истинно такъ,—подтвердили и всѣ иноки,—не забывай насъ, отче, своими молитвами и наставленіями...

Черезъ нѣсколько времени иноки, сердечно простившись съ Ниломъ, ушли. Нилъ вернулся въ свою избушку и, ставъ предъ ликомъ Спасителя на колѣни, долго молился. На монастырскомъ билѣ привратникъ уже простучалъ полуночный часъ, а молитвенно склоненная фигура старца продолжала оставаться неподвижной...

XI.

Надъ лѣсами, холмами, водами бѣлозерскими встало раннее весеннее солнце. Золотомъ тронуло оно верхушки сосенъ, пихтъ, елей, лиственницъ, наполнило воздухъ пѣніемъ птичекъ, разогнало густой туманъ, стройной пеленой вытянувшейся было надъ многочисленными озерами и рѣчками...

Заглянулъ свѣтлый солнечный лучъ и въ дикое, мрачное лѣсное мѣсто, надъ которымъ, охраняя его, столпились великаны-деревья,—заглянулъ и освѣтилъ небольшую деревянную часовенку, рядомъ съ ней убогую келію и на порогѣ ея старика съ раскрытой на колѣняхъ книгой. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ читалъ выведенныя уставомъ на бумагѣ слова, и лицо его то озарялось радостною улыбкой, то становилось скорбнымъ, грустнымъ. Тогда онъ покачивалъ головой и, придвинувъ книгу совсѣмъ близко къ глазамъ, напряженно всматривался въ буквы...

— — —

Это былъ старецъ Нилъ Майковъ. Уже два года, какъ ушелъ онъ совсѣмъ изъ Кирилловой обители сюда, въ избранное имъ мѣсто, отстоявшее отъ монастырскихъ мѣстъ въ пятнадцативерстномъ разстояніи. У братіи онъ тогда сразу же узналъ, какъ называются облюбованное имъ озеро и рѣка.

— Соркой, отче, рѣчка называется, — отвѣчали братіе на вопросъ старца, — отъ рѣчки и озеро Сорскимъ прозывается... Трудно тебѣ, отче, будетъ, тяжелый избралъ ты себѣ крестъ: мѣсто болотное, сырое, отъ комаровъ да мошекъ отбою нѣтъ никогда, да и соорудить что-либо трудно, — не на болотѣ же?..

Но старецъ не прислушивался къ такимъ рѣчамъ, а смѣло и рѣшительно принялся за дѣло. Съ соизволенія новоизбраннаго игумена Гурія Тушина онъ разобралъ стоявшую у стѣны обители избышку, въ которой жилъ и перенесъ ее самъ на новое мѣсто, потомъ съ помощью топора срубилъ къ осени и часовенку, гдѣ поставилъ изображеніе Спасителя во весь ростъ и нѣкоторыя другія иконы. Избышку свою наполнилъ „божественными писаніями“.

Книжныя занятія стали главными въ распорядкѣ трудового дня старца. Съ невыразимымъ стараніемъ разсматривалъ онъ свитки, книги, „тицая обрѣсти правый списокъ“, стараясь ясно, точно понять написанное, отличить, что было первоначально написано въ извѣстномъ мѣстѣ и что потомъ прибавлено переписчикомъ. И отыскивая истинныя священныя выраженія и истинный смыслъ этихъ выраженій, Нилъ провѣрялъ раскрывавшимся предъ нимъ содержаніемъ „божественныхъ писаній“ каждый свой помыслъ, каждое свое душевное движеніе. Останавливалась ли его мысль на чемъ-нибудь, или сердце склонялось къ какому-либо поступку, старецъ сейчасъ же старался найти въ Св. Писаніи такое мѣсто, которое бы имѣло отношеніе къ новой мысли или новому чувствованію.

Если находилъ, то свѣрялъ и потомъ поступалъ такъ, какъ учило Писаніе; если же не находилъ, то не предпринималъ намѣченнаго дѣла, ожидая, пока въ свиткахъ или книгахъ найдетъ разрѣшеніе томящаго его душу вопроса. Въ томъ, что Св. Писаніе содержитъ въ себѣ отвѣты на всѣ запросы человѣческой души, Нилъ не сомнѣвался ни на одно мгновеніе. Онъ только старался отличить въ Писаніи истинное отъ неистиннаго, чтобы принять въ руководство то, что дѣйствительно выражало собой волю Божию.

Время, свободное отъ молитвы и „испытанія“ „божественныхъ писаній“, Нилъ посвящалъ физическому труду. Работалъ онъ много, усердно, не жалѣя своихъ немощныхъ силъ. Къ глубокой осени прошлаго года возлѣ келіи уже былъ готовъ колодезь, а теперь старецъ трудился надъ прудкомъ. Онъ захотѣлъ его выкопать недалеко отъ келіи, и вотъ уже сколько дней стукъ лопаты да тихіе звуки молитвенныхъ пѣсень оглашаютъ дремучій, мрачно-задумчивый лѣсъ...

Нилъ не старался придерживаться строгаго одиночества, въ которомъ онъ видѣлъ много соблазна для души,—и на лѣсной прогалинѣ у береговъ рѣки Сорки появлялись иногда старцы-иноки. Появлялись рѣдко, но когда приходили, бесѣдовали съ пустыникомъ подолгу, спрашивая совѣтовъ, наставленій, разъясненій относительно трудно понимаемыхъ мѣстъ Св. Писанія. Иногда же, боясь нарушать уединеніе Нила, присылали ему „писаньица“, прося „отписать на основаніи божественныхъ писаній и святыхъ отецъ“.

Особенно радовали старца посѣщенія и бесѣды Германа и кирилловскаго игумена Гурія, по прозвищу Тушина. Когда Нилъ возвратился съ востока, онъ уже не засталъ друга своей юности Германа въ обители. Германъ ушелъ отъ непререкаемыхъ раздоровъ въ одну изъ многочисленныхъ бѣлозерскихъ пустынь и тамъ подвизался. Прослышавъ о прибытіи

Нила и о водвореніи его на Сорскѣ, онъ сталъ изрѣдка приходить къ нему на духовную бесѣду, въ которой раскрывалъ предъ другомъ своей юности душу свою скорбную. А скорбѣла она у Германа отъ того, что онъ видѣлъ кругомъ. И скорбь эта еще болѣе усиливалась потому, что Германъ по добротѣ своей души и по глубокой вѣрѣ въ людей не хотѣлъ признать ихъ явныхъ недостатковъ. Съ перваго же раза встрѣчи Нилъ сталъ указывать своему другу на неправильности жизни иноковъ и, какъ на причину такой неправильности, на то, что современные иноки совсѣмъ не хотятъ „испытывать божественныхъ писаній“ и устраивать по нимъ свою жизнь. Германъ соглашался съ тѣмъ, что жизнь современныхъ ему иноковъ безотраднa, что никто не свѣряетъ своихъ дѣлъ съ указаніями воли Божіей, но не рѣшался упрекать въ этомъ самихъ иноковъ; а такъ какъ иной причины, какъ злая воля, онъ самъ не могъ придумать, то и страдалъ отъ этого. Особенно тяжело ему стало въ послѣднюю встрѣчу съ сорскимъ старцемъ. Нилъ, указавши на неблаговидное поведеніе иноковъ, рѣзко отозвался о нихъ. Германъ глубоко-скорбный ушелъ отъ своего друга и чрезъ нѣсколько времени прислалъ ему „писаньице“, въ которомъ сообщалъ, что скорбь его души до сихъ поръ не улеглась, просилъ отвѣта и еще разъ подробнаго наставленія для жизни...

Не забывалъ сорскаго отшельника и новый кирилловскій игуменъ Гурій. Еще когда Нилъ, отказавшись отъ игуменства, жилъ у стѣнъ обители, Гурій сразу же по своемъ избраніи обратился къ старцу за духовными наставленіями; потомъ помогалъ ему, чѣмъ могъ, при устройствѣ часовенки и келіи и нерѣдко приходилъ и сюда, въ пустыньку, за совѣтами и разъясненіями недоумѣній. Недавно, будучи на бесѣдѣ у старца, онъ предложилъ ему рядъ духовно-нравственныхъ вопросовъ, а потомъ и „писаньице“ объ этомъ пере-

слалъ Нилу, настоятельно прося приготовить отвѣтъ, за которымъ придетъ послушникъ.

Вопросы, предложенные старцу Гуріемъ, были слѣдующіе: какъ бороться съ нечистыми мыслями? какъ отгонять отъ себя хульные мысли? въ чемъ заключается истинное отреченіе отъ міра? что должно служить человѣку, и въ особенности школу, путеводителемъ ко спасенію?

Всѣ эти вопросы не разъ поднимались въ бесѣдахъ Нила съ Гуріемъ и для послѣдняго имѣли чрезвычайно важное значеніе. Теперь онъ ждалъ на нихъ закрѣпленнаго на бумагѣ отвѣта, въ постоянное назиданіе не только себѣ, но и всей братіи.

Послушникъ долженъ былъ притти въ пустыньку къ вечеру описываемаго нами дня, и вотъ Нилъ уже съ ранняго утра сидѣлъ углубленный въ „божественныя писанія“, испытаніемъ которыхъ онъ хотѣлъ провѣрить свои мысли по затронутымъ вопросамъ. Ко времени прихода послушника онъ хотѣлъ приготовить вмѣстѣ отвѣтъ и на посланіе Германа...

Перевернувъ еще нѣсколько страницъ и прочитавъ тѣ замѣтки сбоку страницы, которыя были сдѣланы его же рукой, Нилъ всталъ и направился въ глубь избушки къ столу, на которомъ уже все было приготовлено для писанія. Перекрестившись и сотворивъ краткую молитву, старецъ началъ строку за строкой писать прежде всего отвѣтъ Гурію.

„То, о чемъ устами къ устамъ бесѣдовала со мной твоя святыня, честнѣйшій господине отче,—писалъ Нилъ,—о томъ же и „писаньице“ прислалъ ко мнѣ, требуя отъ моей худости написать тебѣ что-либо полезное о семъ.

Спрашиваешь ты меня прежде всего о помыслахъ блудныхъ, какъ имъ противиться... Трудна тутъ борьба, такъ какъ вести ее приходится и въ душѣ, и въ тѣлѣ и страсть эта самая сильная въ естествѣ. Вотъ посему

надо стараться особенно усердно сохранять свое сердце трезвеннымъ и спокойнымъ отъ этихъ помысловъ и, имѣя страхъ Божій предъ очами, помня непрестанно наши иноческіе обѣты, пребывать въ цѣломудріи и чистотѣ. Цѣломудріе же и чистота заключаются не въ томъ только, чтобы вѣшняя жизнь была чиста, но и, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы человѣкъ въ сокровенныхъ изгибахъ своего сердца былъ чистымъ отъ скверныхъ помысловъ. Поэтому надо всячески тщательно отсѣкать эти помыслы, подавлять въ себѣ порочныя мысли и волненія. А этого ты достигнешь, когда будешь оберегать свое сердце отъ всего нечистаго и отстранять отъ себя все, что можетъ вызвать въ твоемъ умѣ нечистыя мысли и желанія. Береги поэтому себя отъ того, чтобы видѣть такихъ лицъ и слушать такіа бесѣды, которыя будятъ страсти и порождаютъ нечистые помыслы. Тогда Богъ сохранитъ тебя отъ блудныхъ помысловъ... Если же страсти неописуемо начинаютъ обуревать сердце человѣка, должно непрестанно молиться, и молитва изгонитъ изъ сердца все дурное. Молиться надо Господу—и Онъ не оставитъ человѣка...

Второе вопрошеніе твое, отче, о хульномъ помыслѣ. И этотъ помыселъ страшенъ и лютъ. Чтобы и отъ него избавиться, надо прибѣгать къ Господу съ неустанной молитвой и въ особенности стараться искоренить изъ сердца гордость: она мать сему пороку... Если послѣ молитвы хульные помыслы не оставляютъ тебя, всячески старайся обратить свои мысли на какую-либо иную вещь, божескую или человѣческую, даже и совсѣмъ постороннюю...

А что касается твоего вопрошенія о томъ, какъ отступить отъ міра, то на это доброе твое усердіе. Слѣди только за тѣмъ, чтобы въ тебѣ совершалось слѣдующее. Отъ міра ты отречешься тогда, когда отречешься отъ того, къ чему всѣми помышленіями

привязанъ. И потому откажись отъ всѣхъ твоихъ наклонностей, похлѣбствій, желаній,—всего, что связываетъ твою душу съ міромъ. А когда ты это сдѣлаешь, слѣди за своей душою, чтобы она все болѣе и болѣе уподоблялась Богу. На другихъ же не смотри и грѣховъ ихъ не старайся подмѣчать. Удаляйся отъ ихъ пиршествъ и собраний, ибо присутствіе на нихъ лишаетъ душу человѣка всего хорошаго, заставляетъ замѣчать недостатки другихъ, а свои забывать... Старайся также не имѣть своими друзьями тѣхъ, которые мудрствуютъ о мірскомъ и стараются о томъ, чтобы увеличить монастырскія богатства, приобрести имѣнія и, не вѣдая божественныхъ писаній или отемненные своими страстями, думаютъ, что они добро совершаютъ и проводятъ добродѣтельную жизнь. Ты, человѣче Божій, съ такими не общайся, не подобаетъ также и съ разсужденіями обращаться къ нимъ, поносить или укорять ихъ,—лучше Богу предоставить ихъ: Богъ одинъ въ силахъ исправить такихъ...

А еще ты ищешь отъ меня отвѣта на то, какъ не заблудить съ истиннаго пути. И о семъ даю тебѣ благой совѣтъ: свяжи себя наставленіями божественныхъ писаній и послѣдуй имъ, — только писаніямъ истиннымъ, воистину божественнымъ. Ибо писаній много, но не всѣ они божественны. Ты же, уразумѣвъ истинное въ нихъ, придержишься этого; прислушивайся въ семъ случаѣ также къ бесѣдамъ разумныхъ и духовныхъ мужей: хотя и не всѣ люди, но разумные понимаютъ божественныя писанія. А безъ свидѣтельства писаній не совершай ничего. Я тебѣ о себѣ повѣдаю. Я ничего не дѣлаю безъ свидѣтельства божественныхъ писаній, а стараюсь только имъ слѣдовать, насколько въ моихъ силахъ. Если мнѣ нужно что-нибудь сдѣлать, я испытываю прежде всего божественныя писанія, и если не найду согласнаго съ моимъ разумомъ для начала дѣла,—откладываю это

дѣло, пока не найду. А когда найду, творю смѣло, какъ уже извѣстное. Такъ и ты, если хочешь, поступи по святымъ писаніямъ, а послѣ нихъ руководствомъ для разума поставь заповѣди Божіи и преданія святыхъ отецъ. Слѣдуй также во всемъ ревниво тѣмъ, о комъ ты слышишь и кого ты знаешь, что ихъ жизнь и мудрованія отъ писанія: пути такихъ истинны...

И старайся,—заканчивалъ Нилъ свое посланіе къ Гурію,—чтобы сердце твое, принявъ сѣмя слова Божія, не оказалось камнемъ или терніемъ, но почвой доброй, дающей многократный плодъ во спасеніе твоей души. Чтобы и мнѣ, благодаря Бога, возрадоваться, видя тебя услышавшимъ слово Божіе и хранящимъ его“.

Окончивъ посланіе къ Гурію, Нилъ вышелъ изъ избушки, взглянулъ на солнце и рѣшилъ, не отдыхая, написать сразу же и отвѣтъ Герману.

„Напишу ему о себѣ, о своей жизни. Можетъ, тогда ему яснѣе станетъ великая польза отъ божественныхъ писаній, и утихомирится его скорбящая душа“.

И старецъ принялся за посланіе, повторяя въ немъ кое-что изъ того, что было написано имъ Гурію.

„На писаньице твое, господине отче, которое ты писалъ мнѣ,—началъ Нилъ свое посланіе,—просишь ты у меня отвѣта тебѣ на пользу. Говоришь, что скорбь съ тобой приключилась отъ тѣхъ рѣчей, которыя мы вели съ тобой, когда ты былъ у меня здѣсь. Совѣтовалъ я тебѣ, какъ своему близкому, любимому, что не просто или какъ придется нужно намъ совершать какое-либо дѣло, но сообразно съ божественными писаніями и преданіями святыхъ отецъ... И чтобы тебѣ это было ясно, еще разъ повѣдаю о себѣ. По окончаніи странствованія моего пришелъ я въ монастырь и внѣ монастыря, вблизи его, устроивъ себѣ келію, жилъ сколько могъ. Но мое удаленіе изъ мо-

настыря развѣ было не ради душевной пользы? Ей, ей, ради нея. Я видѣлъ, что тамъ живутъ не по закону Божию и преданію отеческому, а по своей волѣ и человѣческому разсужденію. Много еще и такихъ, которые, поступая такъ, неправильно мечтаютъ, будто проходятъ житіе добродѣтельное. Происходитъ же это оттого, что мы не знаемъ святыхъ писаній, которыхъ не стараемся со страхомъ Божиимъ и со смиреніемъ испытывать. Мы небрежемъ объ этомъ, а о человѣческомъ заботимся...

И вотъ, теперь я переселился вдаль отъ монастыря, нашелъ благодатію Божіею мѣсто по мыслямъ моимъ, мало доступное для мірскихъ людей, какъ самъ ты видѣлъ. Живя наединѣ, занимаюсь испытаніемъ духовныхъ писаній... Ты знаешь мою худость изначала. Когда мы въ монастырѣ вмѣстѣ жили, самъ знаешь, я удалялся отъ мірскихъ соплетеній и поступалъ, насколько могъ, по божественнымъ писаніямъ... И вотъ, и теперь прежде всего испытываю заповѣди Господни и ихъ толкованіе и преданія апостоловъ, потомъ житія и наставленія святыхъ отецъ. О всемъ томъ размышляю и, что, по разсужденію моему, нахожу богоугоднаго и полезнаго для души моей, переписываю для себя. Въ этомъ жизни мое и дыханіе... Если что случается мнѣ предпринимать и если не нахожу того въ святыхъ писаніяхъ, на время отлагаю въ сторону, пока не найду. По своей же волѣ и по своему разумнію не смѣю что предпринимать: я невѣжда и поселянинъ... И если кто ко мнѣ обращается за совѣтомъ, я совѣтую ему такъ же поступать, особенно тебѣ, такъ какъ мы изначала соединены съ тобой духовною любовію. Вотъ потому я и обращаюсь къ тебѣ съ совѣтомъ, совѣтую для твоего блага, какъ своей душѣ; что стараюсь самъ дѣлать, то и тебѣ совѣтую. И ты, выслушавъ мой братскій тебѣ совѣтъ, если угодно, слѣдуй ему, если желаешь быть сыномъ и наслѣдникомъ святыхъ

отецъ. Исполняй заповѣди Господни и преданія святыхъ отецъ и это же совѣтуй и живущимъ съ тобой братіямъ. Живешь ли отшельнически, или въ обществѣ, внимай Святому Писанію и слѣдуй по стопамъ святыхъ отецъ или повинуйся тому, кто извѣстенъ, какъ мужъ духовный, въ словѣ, жизни и разсужденіи...

Не поступай такъ, какъ нѣкоторые, которые съ виду повинуются заповѣдямъ Господнимъ, на самомъ же дѣлѣ устраиваютъ жизнь по своей плотской волѣ и безразсудному разуму, сами не вѣдая, что они творятъ и на чемъ утверждаются. Ты же, если будешь поступать по святымъ писаніямъ и житію святыхъ отецъ, не погрѣшишь по благодати Христовой“...

Въ этотъ моментъ у двери избушки раздался звонкій юношескій голосъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

— Аминь!—отвѣтилъ Нилъ, отрываясь отъ писанія и оборачиваясь къ раскрытой двери.

— А, это ты, Вавилка? Ну, обожди, я скоро все приготавливаю.

Послушникъ вынулъ что-то бѣлое изъ кармана и хотѣлъ передать старцу, но тотъ уже опять углубился въ работу.

„Еще молю твою святыню, — заканчивалъ онъ посланіе къ Герману,—чтобы ты не полагалъ въ скорбь всей нашей бесѣды о пользѣ Святаго Писанія. Оно жестко лишь для того, кто не хочетъ смириться страхомъ Божиимъ и отступить отъ земныхъ помысленій, а желаетъ жить по своей страстной волѣ. Иные не хотятъ смиренно испытывать Святое Писаніе, не хотятъ даже слышать о томъ, какъ слѣдуетъ жить, какъ будто Писаніе не для насъ писано, не должно быть выполняемо въ наше время. Но истиннымъ подвижникамъ и въ древнія времена, и въ нынѣшнія, и во всѣ вѣка слова Господни всегда будутъ словами чистыми, какъ

очищенное серебро; заповѣди Господни для нихъ дороги болѣе, чѣмъ золото и каменья дорогіе, сладки болѣе, чѣмъ медъ и сотъ... Итакъ, разъ навсегда знай, что не просто и не по случаю надобно намъ поступать, а по Святому Писанію и по преданію святыхъ отецъ...

Будь же здравъ о Господѣ, господине отче, и молись о насъ грѣшныхъ, а мы святынь твоей усердно челомъ бьемъ“...

Старецъ еще разъ бѣгло просмотрѣлъ написанное, свернулъ оба посланія и позвалъ послушника.

— Вотъ, Вавилка, это передашь въ руки отцу игумену, а это, чтобъ отецъ Гурій передалъ отцу Герману...

Послушникъ принялъ отъ старца посланіе и протянулъ ему бѣлый свертокъ.

— А это что, Вавилка?

— Отецъ игуменъ передалъ и велѣлъ сказать, что прибылъ изъ Спасокаменной обители гонецъ отъ старца Паисія, который когда-то, сказывали, въ нашей обители подвизался...

— Отъ отца Паисія?—радостно переспросилъ Нилъ и, быстро развернувъ свертокъ, принялся читать посланіе.

Со времени возвращенія въ обитель Нилъ не видѣлся съ Паисіемъ. Разспрашивалъ о немъ другихъ, узналъ обо всемъ происшедшемъ, объ отходѣ его въ Спасовъ на камнѣ монастырь, но самого его не видѣлъ. Было у старца желаніе, сильное желаніе, какъ-нибудь перевѣдаться со своимъ учителемъ, но обстоятельства складывались такъ, что выполнить это желаніе не удавалось. И вотъ, старецъ Паисій теперь самъ подаетъ вѣсть, самъ обращается къ своему бывшему ученику.

Въ своемъ краткомъ посланіи Паисій сначала братски, дружелюбно привѣтствовалъ Нила съ возвра-

щеніемъ съ востока, выражалъ желаніе видѣть его, чтобъ насладиться бесѣдой. Въ заключеніе смиренно спрашивалъ совѣта и наставленія по слѣдующему вопросу: „Если кто недостойный приметъ священный санъ, осквернившись до священства въ плотскихъ страстяхъ, или уже по вступленіи въ священство впадетъ въ плотскія страсти, то какъ на такихъ смотрятъ божественныя правила: устанавливають ли по отношенію къ нимъ запрещеніе или отлученіе?“

Тонъ всего письма, особенно его заключенія, былъ дружескій и вмѣстѣ почтительный. Видно, учитель вѣрилъ въ знанія и мудрую начитанность своего ученика, вынесенныя послѣднимъ съ просвѣщеннаго востока.

Прочитавъ посланіе, Нилъ ощутилъ въ себѣ неодолимую потребность немедленно подѣлиться съ Паисіемъ хотя бы нѣсколькими словами. И несмотря на то, что было уже поздно и солнце клонилось къ закату, старецъ задержалъ Вавилку и, давъ сначала Паисію дѣловой отвѣтъ „отъ божественныхъ писаній“, прибавилъ затѣмъ нѣсколько дружески-привѣтственныхъ и вмѣстѣ сыновне-почтительныхъ словъ о своемъ желаніи видѣть старца и поговорить съ нимъ о разныхъ вопросахъ „на пользу души“.

Было уже темно, когда Вавилка, съ тремя посланіями въ рукахъ, мимо недвижно спавшихъ озеръ и задумчиво шумѣвшихъ роцъ возвращался въ Киримлову обитель.

ХІІ.

Тихо, мирно текла жизнь сорекаго отшельника. Дни проходили за днями, и каждый разъ солнце, поднимаясь надъ бѣлозерскими лѣсами и водами, видѣло старца то неустанно съ молитвой или нѣніемъ работающимъ на открытомъ воздухѣ, то сидящимъ на порогѣ келіи съ книгой въ рукахъ, то молящимся въ

убогой часовнѣ, то переписывающимъ и испытывающимъ „божественныя писанія“, низко согнувшись за столомъ въ избушкѣ.

„Отъ взоровъ человѣческихъ не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы“,—такъ и отъ взоровъ современниковъ Нила, неизмѣримо возвышавшагося надъ ними, не могла укрыться его жизнь. И вотъ, слава о сорскомъ отшельникѣ стала все болѣе и болѣе распространяться „по городамъ и весямъ святой Руси“.

Не всѣ одобряли его поведеніе, его взглядъ на современную жизнь, на поведеніе иноковъ, на „испытаніе“ писаній.

— Все это,—говорили нѣкоторые,—отъ гордости ума; а Богъ гордымъ противится. Смиренія нужно людямъ побольше, а то безъ смиренія и міръ развалится, грѣхами да сквернами наполнится... И Святое Писаніе Богъ не велѣлъ испытывать. Да и зачѣмъ испытывать, коли тамъ все истинно? Испытываешь—значить, не вѣришь Богу и боговдохновеннымъ писателямъ...

Но были и другіе, которые, вникая глубже въ то, что слышали о подвижникѣ, чувствовали, что онъ является посетелемъ тѣхъ самыхъ невольныхъ сомнѣній и вопросовъ, какіе рождались и въ ихъ умахъ, сердцахъ.

Такіе были не только изъ числа кирилловской братіи, знавшей близко Нила, но и изъ другихъ монастырей, много также и изъ мірянъ. Послѣдніе, наблюдая со стороны тогдашнюю монастырскую жизнь, могли яснѣе видѣть, замѣчать ея недостатки. И всѣ эти недостатки,—ясно видѣли они,—не укрылись отъ зоркихъ, испытующихъ глазъ сорскаго отшельника.

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ и за предѣлами кирилловской обители все болѣе и болѣе увеличилось число согласныхъ во взглядахъ съ сорскимъ отшельникомъ. И вотъ, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ

все болѣе и болѣе нарушалось его одиночество. Нарушалась все чаще и чаще и тишина угрюмага, задумчиваго лѣса. Человѣческіе голоса, прежде только изрѣдка и робко будившіе его вѣковой сонъ, теперь властно и смѣло раздавались, порождая эхо, далеко катившееся надъ окружающими озерами и рощами.

Приходили къ старцу по большей части на духовную бесѣду, за наставленіями, за разъясненіями недомѣннхъ вопросовъ, которые тогдашняя жизнь въ изобиліи порождала въ каждомъ живомъ сердцѣ. Нилъ всѣмъ шелъ на помощь: однихъ утѣшалъ, другихъ поддерживалъ своимъ словомъ, третьимъ разъяснялъ, указывалъ истинные пути жизни.

Такъ въ бесѣдахъ съ приходящими иноками и богомольцами протекло нѣкоторое время, и старецъ не находилъ въ своей душѣ причинъ жаловаться на людей, нарушавшихъ его одиночество. Но вотъ однажды, когда онъ, отпустивъ почти всѣхъ, подошелъ къ одному невысокаго роста плотному монаху, тотъ повалился ему въ ноги и со слезами въ голосъ проговорилъ:

— Отче, я не за однимъ наставленіемъ и утѣшеніемъ пришелъ къ тебѣ...

— Что же тебѣ отъ меня еще нужно, сынъ мой? Что въ моихъ слабыхъ силахъ, все съ Божіей помощью сдѣлаю для тебя

— Отче, пришелъ я къ тебѣ, чтобы принять ты меня, грѣшнаго, подъ свое постоянное руководство, позволилъ бы жить вблизи тебя и пользоваться каждый Божій день твоими наставленіями...

Говорившій, окончивъ свою рѣчь, посмотрѣлъ въ лицо старцу. Оно было какъ-то невыразимо грустно, словно глазамъ Нила открылся міръ, полный скорби.

— Боіъ мнѣ судья,—отвѣтилъ немного погодя тихимъ голосомъ старецъ,—но не лежитъ сердце мое къ тому, чтобы исполнить твою просьбу. Да и то, что

ты считаешь полезнымъ для души своей, можетъ, и не таково на самомъ дѣлѣ; можетъ, тебѣ предстоитъ трудность, превосходящая твои силы... Ты почему хочешь быть подъ моимъ руководствомъ? Какія причины заставили тебя уйти изъ прежней обители?

Послѣднія слова были произнесены испытующе-строго, и въ отвѣтъ на нихъ инокъ робко поникъ головой.

— Не по душѣ мнѣ наша обитель,—проговорилъ, наконецъ, онъ,—игуменъ все хочетъ быть какимъ-то начальникомъ, братію въ страхѣ держать; работай на него, не покладая рукъ. И не только игуменъ, а и старшая братія. А я, отче, сызмальства начальства не долюбиваю; оттого и въ монастырь ушелъ. Думалъ, хоть молиться-то для себя буду, ибо въ монастырѣ какое ужъ начальство? Анъ, нѣтъ... И вотъ, отче, прослышалъ я о тебѣ, что велишь ты въ иночествѣ жить, какъ кому душа повелитъ, безъ всякаго начальства и старшаго, безъ всякаго надзора. И пришелъ къ тебѣ. Ужъ не гони, милостивецъ. Наставляй мою душу, а что до трудовъ и молитвы, то душѣ и волѣ моей предоставь: воленъ только Богъ въ этомъ, какъ и самъ ты говорилъ... Проживу и самъ, по своей волѣ...

Во время рѣчи монаха лицо старца сдѣлалось еще болѣе скорбнымъ.

— Слышалъ ты, сынъ мой, про мои рѣчи, видно это; я только не понималъ ты глубины ихъ. Похожи онѣ на то, что и ты говоришь, а только не совсѣмъ такъ я мыслилъ, когда говорилъ ихъ...

И Нилъ началъ открывать собесѣднику свои взгляды на иночество, на неизмѣримыя его трудности, на то, что душа не можетъ остаться безъ всякаго руководства; что, отмѣнивъ внѣшнее начальство, внѣшній надзоръ, нужно непременно замѣнить ихъ внутренними...

И долго продолжалась бесѣда Нила съ инокомъ.

— Да и напрасно ты мыслишь, — въ заключеніе сказалъ старецъ, — что легче тебѣ будетъ жить здѣсь. Скитничество, о которомъ я тебѣ только что говорилъ, требуетъ великихъ жертвъ души, великихъ трудовъ тѣла; уставъ святыхъ отцовъ, положенный во главу его угла, тяжелъ и труденъ для исполненія; и тамъ гдѣ ты жилъ, болѣе просторный для тебя путь ко спасенію. Возвращайся же къ своему игумену, и да благословитъ тебя Господь на молитвенные труды и подвиги вкупѣ съ прочею братіей...

Ушелъ инокъ, неправильно понявшій мысли старца но за ушедшимъ стали скорѣй приходить другіе искавшіе руководства Нила и разрѣшенія поселиться вблизи его. Всѣ такіе искали возможности жить вблизи отшельника по причинамъ, всегда чуждымъ основной его мысли, и потому старецъ отпускалъ ихъ, указывая на великія трудности скитскаго образа жизни.

Но самая мысль объ основаніи скита на рѣкѣ Соркѣ уже заронилась такимъ образомъ въ душу отшельника; и, вдумываясь въ нее подъ шумъ дремучаго лѣса и звонкій плескъ озера, Нилъ радовался тому, что и ему, его слабымъ силамъ, быть можетъ удастся осуществить ту форму жизни, какая радовала его душу во время пребыванія на востокѣ. Онъ только молилъ Бога, чтобы тѣ люди, съ какими ему впервые на Руси придется создавать скитъ, были родны его душѣ, его думамъ, стремленіямъ, надеждамъ...

Прошелъ еще годъ, и вновь настали весенніе дни. Солнце дольше останавливалось надъ убогою хижиной старца; лучи его, прорывавшіеся сквозь лѣсную гущу чаще искрились на ледяномъ покровѣ, оковавшемъ прудокъ и озеро. И вотъ, скорѣй зашумѣло, заграла, тиховодная Сорка, вздуло съ звонкимъ, трескомъ и ломомъ озеро, — и вся жизнь кругомъ приняла мало-по-малу играющій радостный видъ...

Въ оппѣ изъ теплыхъ, залитыхъ солнечными лу-

чами весеннихъ дней сорскій отшельникъ сидѣлъ на берегу озера и съ ощущеніемъ тихой радости смотрѣлъ на легкую зыбь озера: словно кто-то скрытый въ водѣ жмурился подъ ласкающими лучами солнца.

„Боже, какая радость разлита во всей природѣ, — думалъ старецъ, — тихо, мирно течетъ ея жизнь, повинаясь скрытымъ въ глубинѣ ея законамъ. И оттого, что законы эти непреложны и съ необходимостью выполняются, не нарушаясь ни на одну іоту, все въ природѣ полно здоровой, безмятежной радости... А такъ ли поступаетъ человѣкъ?“..

Старецъ грустно вздохнулъ.

„Человѣкъ, — продолжалъ онъ раздумывать, — всѣ свои силы употребляетъ какъ будто нарочно на то, чтобы отойти подальше отъ природы своего существа, отъ тѣхъ законовъ, какіе заложены въ его богоподобной душѣ... И вотъ, мученія, мученія, вызванныя самимъ же человѣкомъ... А между тѣмъ, начини только онъ слушаться своей души, поступать во всемъ такъ, какъ велитъ она, то-есть какъ велитъ Богъ, начертаній въ ней Свои законы, — какъ жизнь его станетъ сразу тихой, мирной, радостной, подобно жизни всей этой природы или зыби этого безмолвнаго озера“...

„А отчего же люди не слушаются своей души?“ — всталъ передъ Ниломъ давнишній его вопросъ.

И вспомнилъ старецъ, какъ нерѣдко этотъ самый вопросъ задавалъ ему и Иннокентій Охлѣбининъ, когда они были на востокѣ, на Св. Горѣ, омываемой бурнымъ моремъ. Такъ же, вотъ, сидѣлъ онъ, вспоминаетъ Нилъ, на берегу моря. Оно, грозное, катило къ его ногамъ свои сердитыя, бурныя темнозеленыя волны, а онъ глядѣлъ въ нихъ и думалъ о жизни людской. Подошелъ къ нему тогда Иннокентій. Умомъ ли понялъ онъ думу своего учителя, душой ли постигъ ее, только, вверивъ свои глаза въ даль, покрытую

сѣдыми бурунами, онъ тихо и глухо спросилъ: „Отче, почему жизнь человѣческая такова?..“

— Отче,—раздалось явственно позади Нила,—отче!

„Что это, почудилось мнѣ?“—мелькнула мысль у старца, и онъ тотчасъ же обернулся.

Передъ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ береговъ тихаго Сорскаго озера стоялъ Иннокентій Охлѣбининъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда старцы обмѣнялись первыми привѣтствіями, Нилъ сообщил своему ученику и другу, о чемъ онъ сейчасъ вспоминалъ, глядя на тихія сорскія воды.

— Да, отче,—замѣтилъ Иннокентій,—вспоминаю я тогда твой отвѣтъ мнѣ. Сказалъ ты тогда, что все отъ любви людей къ себѣ...

— И не то чтобы къ себѣ,—проговорилъ Нилъ, вновь задумчиво глядя на легкую зыбь озера,—не къ себѣ, а къ своимъ страстямъ и порокамъ. Человѣкъ-то созданъ, какъ все, „добрѣ зѣло“, а только онъ не выполняетъ законовъ своего существа и любить въ себѣ не то, что слѣдуетъ любить. Ему надо любить душу богоподобную, а онъ любитъ дурныя привычки и страсти тѣла...

— И чудно порою кажется, когда всмотришься въ жизнь человѣка,—добавилъ чрезъ нѣсколько минутъ старецъ,—думаютъ иные люди, что по-Божьи они поступаютъ; о Богѣ говорятъ богослуженія совершаютъ, а выходить на самомъ дѣлѣ, что не только не по-Божьи, а даже и по-человѣчески не поступаютъ, а просто по-звѣриному... Тяжела жизнь человѣческая, тяжела, грязна, нечиста. Много нужно человѣку работать надъ собой, чтобы очистить себя отъ грязи, отъ того, что заслоняетъ собою богоподобную душу... И вотъ, когда человѣкъ мало-по-малу освобождается отъ грязи, тогда начинается просвѣтлѣніе, и человѣкъ приближается къ Богу...

Старецъ замолкъ, молчалъ и Иннокентій, слышенъ

былъ только шумъ легкаго вѣтерка, пробѣгавшаго по верхушкамъ сосенъ... Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ, заговорилъ Охлѣбининъ.

— Отче, ты и не спросилъ меня, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ...

— А развѣ великое какое дѣло есть у тебя? Говори, говори.

— Великое, отче, весьма великое. Пришелъ я къ тебѣ, чтобы и совсѣмъ ужъ отъ тебя не уходить... Пришелъ, отче, молить тебя разрѣшить мнѣ поселиться съ тобой навсегда... Я буду служить тебѣ, помогать въ твоихъ трудахъ, какъ и тамъ, помнишь, на востокѣ...

Старецъ молчалъ, но въ душѣ его не родилось тягостное волненіе, какъ въ тѣ минуты, когда съ такой просьбой обращались другіе. Онъ почувствовалъ, что началось то, объ исполненіи чего онъ уже давно молилъ Бога.

— Боялся я принимать къ себѣ кого на жительство,—сказалъ онъ Охлѣбнину,—думалъ, что не въ силахъ мнѣ тогда совладать и съ собой, и съ другими. Но тебя я знаю, и Богъ тебя мнѣ посылаетъ. Да будетъ Его святая воля. Приходи завтра изъ обители ко мнѣ, и мы обсудимъ, какъ выполнить наше намѣреніе...

На слѣдующій день Охлѣбининъ пришелъ уже не самъ, а съ другимъ старцемъ. Старецъ былъ невысокаго роста, сѣдой, съ глазами, смотрѣвшими пытливо и вмѣстѣ скорбно. Это былъ Діонисій изъ князей Звенигородскихъ, жившій прежде въ недавно до того основанномъ монастырѣ Іосифа Волоколамскаго, о которомъ тогда уже начинала проноситься слава, какъ о защитникѣ вотчинныхъ владѣній у монастырей... Когда Діонисій жилъ въ Іосифовѣ монастырѣ, онъ, по словамъ современной лѣтописи, „въ хлѣбопекарнѣ работалъ за двухъ и къ тому же пѣлъ 77 псалмовъ

и творилъ по три тысячи поклоновъ каждый день. Но, полюбивъ уединеніе, просился и получилъ благословеніе идти къ отцу Нилу, который тогда сіялъ, какъ свѣтило, на Бѣлоозерѣ“.

— Ушедши вчера отъ тебя, отче,—сказалъ Иннокентій,—встрѣтилъ въ обители святого Кирилла сего пречестного старца. Изъ-подъ далекой Москвы пришелъ онъ къ тебѣ, чтобы ты принялъ его на послушаніе, какъ принялъ меня грѣшного...

Діонисій упалъ въ ноги Нилу и, рассказавъ свою прежнюю жизнь, умолялъ не отвергать его, не оставлять безъ своего руководства. Ниль поднялъ съ до власаго старца съ земли и, обнявъ его, сказалъ расстроганно:

— Видно, такъ Богу угодно, чтобы началось на семъ мѣстѣ наше совмѣстное житіе. Призовемъ же Его благословеніе и размыслимъ втроемъ, какъ устроиться намъ. Прежде всего, разъ мы собираемся для служенія Богу, нужно намъ построить церковь Божию. Часовенка моя малая и троихъ не вмѣститъ.

— Такъ, отче, и я помыслилъ въ себѣ,—замѣтилъ Иннокентій.

— Только мѣсто здѣсь низкое, сырое, и укрѣплять храма-то не на чемъ будетъ,—сказалъ Діонисій,—не лучше ли намъ, отцы, насыпъ тутъ невеликую сдѣлать?..

— Правильно, отче, ты умыслилъ, — согласился Ниль,—и тѣмъ нужнѣе это намъ сдѣлать, что и кости-то наши негдѣ будетъ положить, когда придетъ нашъ смертный часъ. Не въ водѣ же да сырой землѣ класть наши грѣшныя тѣла: придетъ полая вода, вынесетъ ихъ, и будетъ поруганіе и посмѣяніе Божию образу...

— А о келіяхъ для насъ потомъ позаботимся, — отозвался Иннокентій,—устроимъ домъ молитвы, помыслимъ потомъ и о жилищахъ нашихъ; а пока работы

наши будутъ продолжаться, будемъ жить въ обители святого Кирилла и къ тебѣ сюда, отче, каждый день приходить... Начало только теплыни теперь, такъ что, съ Божіей помощью, къ глубокой осени, а то и къ лѣту, и управимся совсѣмъ...

На этомъ порѣшили старцы, и со слѣдующаго утра начались ихъ совмѣстныя работы по устройству и укрѣпленію насыпи. Передъ началомъ работъ Нилъ взявъ камень, подошелъ къ порогу своей избушки, перекрестился и, размахнувшись со всей силой, бросилъ камень въ одну изъ сторонъ лѣса и потомъ пошелъ по направленію паденія камня. За нимъ, недоумѣвая, пошли Діонисій и Иннокентій. И когда уже подошли къ упавшему камню и старецъ поднялъ его, они спросили:

— Отче, что это значить?

— То, что именно на этомъ мѣстѣ подобаесть быть нашей соборной церкви. Не дивитесь этому, а выслушайте. Знаешь ты, Иннокентій, да и ты, отче, можетъ, слыхалъ, что на востокѣ, гдѣ иноки селятся такъ, какъ мы теперь хотимъ, келіи ихъ отстоятъ одна отъ другой и отъ мѣста общаго ихъ молитвеннаго собранія на великое разстояніе, чтобы не соблазнялъ одинъ другого и не мѣшалъ уединенію и богомыслію. Такъ да будетъ и у насъ. Останусь я жить въ моей келіи; такъ пусть отстоитъ она отъ храма Божія на такое разстояніе, на какое только въ силахъ были мои слабыя руки бросить сей камень. На такое же разстояніе отъ храма и моей избушки будемъ созидать и ваши келіи...

Работа старцевъ подвигалась быстро. Вечеромъ, когда Діонисій и Иннокентій возвращались въ Кириллову обитель, игуменъ Гурій предлагалъ имъ послать въ помощь своихъ иноковъ, но старцы не соглашались принять помощи.

— Отецъ Нилъ не благословилъ, — отвѣчали они.

Но скоро рабочія руки на рѣкѣ Соркѣ прибавились сами собою. Нѣкоторые изъ иноковъ окрестныхъ обителей, прослышавъ, что Нилъ принялъ Діонисія и Иннокентія, устремились къ сорскому отшельнику съ неотступною просьбой, чтобы онъ и ихъ принялъ въ число братіи нарождающейся общины.

— Разумно ли просите?—говорилъ такимъ старецъ и начиналъ указывать, какъ и прежде многимъ, на трудности предстоящаго житія, создавашагося по образцу восточныхъ скитовъ.

Были, правда, такіе, которыхъ устрашали эти трудности, но большая часть соглашалась перенести ихъ, лишь бы имѣть возможность жить подѣ духовнымъ руководствомъ сорскаго отшельника. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Нилъ, дѣйствительно, принималъ къ себѣ.

И вотъ, благодаря увеличившемуся числу желающихъ подвизаться въ этомъ мѣстѣ, работы по постройкѣ церкви быстро приблизились къ концу. Когда же она была окончена и возникъ вопросъ о томъ, какъ ее украсить, Нилъ со всею силою, свойственною его благочестивымъ рвеніямъ, высказался противъ золота и серебра и вообще всякихъ драгоценныхъ украшеній.

— Лучше нищимъ подать, чѣмъ церкви украшать,—сказалъ онъ,—Богъ не на то смотритъ, гдѣ и среди чего мы молимся, а на тѣ чувства и помышленія, какими полна бываетъ въ это время наша душа. Такъ и поступимъ, отцы и братіе. Будемъ соблюдать смиреніе и скромность во всемъ, даже въ украшеніи храма Божія...

Когда окончень былъ храмъ, приступили къ постройкѣ келій. Въ началѣ ихъ нужно было только семь, но когда принялись строить, число ихъ понадобилось увеличить. Были вновь приходившіе и принимаемые Ниломъ. Въ числѣ таковыхъ былъ и извѣстный впослѣдствіи Нилъ Полевъ, происходившій изъ

князей Смоленскихъ. Въмѣстѣ съ прочими просилъ онъ старца принять его подъ свое руководство, и старецъ указалъ ему жить одному въ келіи.

По распоряженію Нила, келіи ставили одна отъ другой и отъ храма на верженіе камня.

Въ воздухѣ уже чувствовалось дыханіе приближающейся осени, лучи солнца теряли свою прежнюю живительную теплоту, и стаи птицъ съ прощальными криками проносились къ югу надъ Сорскимъ озеромъ, когда братскія келіи были устроены и къ сорскому отшельнику могли перейти тѣ, чьими душами онъ долженъ былъ отнынѣ руководить.

Въ одинъ изъ ясныхъ осеннихъ дней, когда въ воздухѣ была разлита какая-то прозрачная тишина, нарушаемая только легкими всплесками волнъ озера, собралъ Нилъ къ порогу своей хижины всѣхъ своихъ сѣдовласыхъ духовныхъ дѣтей и обратился къ нимъ съ бесѣдой.

— Отцы и братіе,—началъ онъ,—Богъ привелъ исполниться моей завѣтной думѣ объ устреніи у насъ житія по образу восточныхъ скитовъ. Когда мы съ отцомъ Иннокентіемъ были въ странахъ восточныхъ, въ Царьградѣ и особливо на святой горѣ Аѳонской, видѣли мы тамъ сей образъ житія. Въ чемъ онъ состоитъ, то вѣдомо уже вамъ: неоднократно говорилъ я съ вами о немъ. Но нынѣ, когда мы на порогѣ вступленія въ новую жизнь, еще разъ дерзаю напомнить самое главное, чѣмъ должны вы будете руководиться въ своихъ дѣлахъ и помысленіяхъ. Будете жить вы по одному, по два или по три, какъ уже уговорено между вами. Селитесь ли вы по одному, или по нѣсколько, все это лишь для вашей пользы, ибо научиться мыслить и поступать по велѣніямъ души—вотъ то самое главное, что предстоитъ вамъ. Вдумывайтесь въ свою душу, открывайте въ ней, читайте волю Божию, начертанную ясно въ ней, и, открывая,

молитесь Богу своей душой. Молитва же ваша пусть будетъ не въ словахъ только заключаться, а въ непрестанномъ памятованіи и помышленіи о Богѣ. Наполняйте всѣ свои думы, всѣ свои помышленія Богомъ. Пусть ни на одно мгновеніе Онъ не уходитъ изъ вашего ума и зашей души. Созерцайте Его непрестанно въ себѣ, и это созерцаніе дастъ вамъ неописуемое блаженство и выведетъ васъ на путь истины и добра. Тогда вы будете солью земли, свѣтильниками для міра. Изъ сей пустыни возсіяете вы далекому отъ васъ міру. Вы не будете видѣть его, но онъ увидитъ васъ, ибо „не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя.“

И вотъ, въ непрестанномъ богомысліи, въ такомъ умномъ дѣланіи поддерживайте другъ друга, кто съ кѣмъ живетъ. Открывайте другъ другу свои души, свои помышленія, старайтесь понять тончайшія движенія души въ другомъ и помочь ему самому уразумѣть. Тогда ваше богомысліе, поддерживаемое дружескими совѣтами и наставленіями, принесетъ вамъ великую пользу... Для того и селитесь другъ съ другомъ...

Живя въ келіяхъ, устрояйте свою жизнь по велѣніямъ души. Душа одного для возбужденія богомыслія въ себѣ требуетъ однихъ подвиговъ и трудовъ, а другого—другихъ. Но да будетъ у васъ священнымъ правиломъ: не пребывать въ праздности. Праздность—мать многихъ пороковъ. Возбраняйте себѣ пребывать въ праздности еще и потому, что будете жить въ трудами рукъ своихъ. Каждый пусть питается отъ себя и не надѣется на общую трапезу и казну. Да не будетъ у васъ общей казны и общаго имущества, ибо это—корень зла современнаго намъ иночества. „Не трудивыйся да не ястъ“. И милостыню вамъ возбраняю принимать не только отъ мірскихъ, но и отъ своихъ, развѣ по великой нуждѣ.

Живя въ келіяхъ, подкрѣпляйте подвигомъ бого-

мыслия чтеніемъ и испытаніемъ святыхъ писаній. Бесѣдовалъ я съ вами неоднократно о великой пользѣ сего и еще разъ скажу, что безъ испытанія писаній не сможете достичь Бога...

Такъ, въ богомыслии, въ непрестанныхъ трудахъ и испытаніи священныхъ писаній, будете вы проводить шесть дней въ недѣлѣ. И другъ ко другу въ эти дни не заходите, дабы не смущать и не искушать другъ друга. Въ субботу же или въ предпраздничный день, по примѣру восточныхъ, будемъ сходиться на молитву въ храмъ, и пусть въ этой молитвѣ, въ наставленіяхъ и поученіяхъ другъ друга пройдетъ вся ночь на воскресенье, самое воскресенье, и лишь къ вечеру его мы будемъ расходиться, дабы вновь собраться для общаго утѣшенія передъ днемъ праздничнымъ...

Какъ я вамъ описалъ, такъ совершается въ восточныхъ скитахъ, такъ пусть будетъ и у насъ. Отнынѣ будемъ хранить и соблюдать такое правило, и къ соблюденію его да ниспошлетъ нынѣ на насъ Господь Свою благодать...

Братія молча и съ глубокимъ вниманіемъ выслушала наставленіе старца и тихо разошлась по келіямъ, чтобы, затворясь въ нихъ, начать трудный подвигъ „умнаго дѣланія“.

Такъ началось въ Россіи „скитское житіе“.

ХІІІ.

Тихо, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, потекла жизнь сорскихъ скитниковъ. Въ теченіе недѣли всѣ молились и трудились по своимъ келіямъ и изъ одной келіи не ходили въ другую, не видѣли ея насельниковъ. Когда же наступалъ вечеръ субботы или кануна праздника, изъ всѣхъ келій показывались скитники, направлявшіеся къ храму. Келіи кольцомъ

окружали храмъ, и потому, ~~соединенные~~ трудно видѣть, какъ, разъединенные въ теченіе недѣли далекимъ разстояніемъ, иноки по мѣрѣ приближенія къ храму соединялись все болѣе и болѣе вновь, пока, наконецъ, въ самомъ храмѣ сливались въ неразрывную группу молящихся.

Всенощная въ скитской церкви продолжалась всю ночь. За каждую каѳизмою предлагалось по три и по четыре чтенія изъ святыхъ отцовъ. Читалъ обыкновенно самъ Нилъ, который тутъ же и пояснялъ прочитанное.

Тихо, ласково, задумчиво мерцали огни свѣчъ, озарявшіе непокрытые золотыми украшеніями строгіе лики святыхъ. Словно вторя задумчивому мерцанію огней, размѣренно и тихо звучалъ голосъ чтеца. И въ душахъ иноковъ рождались, зрѣли такія же тихія неопредѣленные и вмѣстѣ ровныя думы, святія мечты.

За литургіей пѣли только трисвятую пѣснь, аллилуя, херувимскую и достойно. Все прочее читалось протяжно, нараспѣвъ. За самой литургіей, а также и послѣ нея, Ниломъ или кѣмъ-либо другимъ изъ братіи предлагалось поученіе.

Послѣ молитвы въ притворѣ церкви вкушали общую трапезу, послѣ которой расходились по келіямъ, чтобы въ канунъ слѣдующаго праздника или въ слѣдующую субботу вновь собраться въ храмъ для общей молитвы и взаимной поучительной бесѣды.

Были такіе, которые не въ силахъ были вынести строгой размѣренности скитской жизни и своеобразныхъ ея испытаній. Такіе оставляли скитъ, и Нилъ не жалѣлъ объ ихъ уходѣ, такъ какъ цѣлью учрежденія скита было, между прочимъ, собрать воедино одинаково мыслящихъ. Кто же оказывался инако мыслящимъ, тотъ тѣмъ самымъ вносилъ смущеніе въ сердца остальныхъ; и уходъ его былъ только желателенъ.

На мѣсто уходящихъ сразу же появлялись новыя, и всѣ приходившіе умоляли Нила принять ихъ въ учрежденный имъ скитъ. Нилъ сначала отказывалъ многимъ, но просьбы всѣхъ были такъ настойчивы, желаніе послужить Богу въ образѣ скитскаго подвижничества было такое искреннее, что старецъ сталъ принимать почти всѣхъ и только требовалъ, чтобы селившіеся въ скиту подчинялись всѣмъ его правиламъ и прежде всего жили по святымъ писаніямъ и наставленіямъ святыхъ отцовъ.

Чтобы научить прибывающихъ правиламъ скитскаго житія и напомнить эти правила прежнимъ, Нилъ не разъ предпринималъ въ церкви о нихъ общую бесѣду и, наконецъ, рѣшилъ записать ихъ для всеобщаго памятованія и наставленія.

Такимъ образомъ появилось „О жительствѣ скитскомъ отъ святыхъ отецъ постника и отшельника старца Нила преданіе отъ божественныхъ писаній ко приснымъ ему единоправнымъ ученикомъ“.

„Вседѣйствіемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и споспѣшествованіемъ Пречистой Его Матери,—говоритъ Нилъ въ этомъ „Преданіи“,—я написалъ это, какъ полезное для своей души и братіямъ моимъ, близкимъ мнѣ и единомысленнымъ; ибо такъ я называю васъ, а не учениками. Одинъ для насъ Учитель Господь нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, за Нимъ святые апостолы, давшіе намъ Св. Писаніе, потомъ преподобные отцы, которые научили и научаютъ пути, ведущему родъ человѣческій ко спасенію. И потому они учатъ, что прежде сами совершали все благое. Я же не совершалъ ничего добраго, но только указываю на Божественныя Писанія принимающимъ ихъ и ищущимъ спасенія. И если Св. Писаніе говоритъ, что мы здѣсь странники и пришельцы (Евр. XI. 13), а потомъ для насъ послѣ смерти наступитъ вѣчная, неизмѣнная жизнь—или блаженная, или испол-

ненная мученій,—какую воздасть Господь каждому по дѣламъ его, то намъ особенно нужно попечись о будущей, загробной жизни.

Для этого я при жизни своей составилъ это писаніе братіи моей о Господѣ для спасенія своего, а также и для спасенія всѣхъ ищущихъ его, возбуждая совѣсть къ лучшему, желая сохранить отъ небрежности, дурной жизни и отвѣтственности за нее тѣхъ, которые мудрствуютъ по плоти и злобно; отъ преданій лукавыхъ и суетныхъ, которыя приходятъ къ намъ отъ общаго врага и лъстеца нашего и отъ нашей лѣности.

Прежде всего предлагаю ученіе вѣры. Вѣрую во единого Бога, въ Троицѣ славимаго, Отца, Сына и Св. Духа, единосущнаго и нераздѣльнаго. Также вѣрую и въ воплощеніе Сына Божія; признаю, что Онъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ; и все прочее исповѣданіе православной вѣры принимаю и признаю отъ всей души. Также съ великою вѣрою и любовію признаю, величаю и славлю и Госпожу мою Пречистую святую воистину Богородицу; почитаю всѣхъ святыхъ, приѣмлю ихъ и прославляю и соединяюсь благодатію Христовою и всею моею душею прибѣгаю ко святой, соборной, апостольской церкви; ея ученіе, которое она приняла отъ Самого Господа и святыхъ апостоловъ, также постановленія святыхъ седми вселенскихъ соборовъ и соборовъ помѣстныхъ и ученіе святыхъ отцовъ о православной вѣрѣ и благочестивой жизни,—все это принимаю и почитаю съ великою вѣрою и любовію. Еретическія же ученія и наставленія я и всѣ живущіе со мною проклинаяю, и да будутъ чужды намъ всѣ еретики.

Многіе благоговѣйные братіе приходятъ ко мнѣ и просятъ жить у насъ, а я, считая себя грѣшникомъ, скудоумнымъ, немощнымъ душею и тѣломъ, долго отказывалъ имъ. Несмотря, однако на отказъ, они не оста-

вляють меня въ покоѣ и не перестаютъ досаждаютъ мнѣ, чѣмъ причиняють мнѣ большое смущеніе. Поэтому мы разсудили такъ: если кто придетъ къ намъ, тотъ долженъ держаться преданій святыхъ отецъ, сохранять заповѣди Божіи и исполнять ихъ, а не вносить раздоровъ и не придумывать различныхъ извиненій своимъ грѣхамъ, говоря, что въ нынѣшнее время нельзя жить по Писанію и слѣдовать указаніямъ святыхъ отецъ.

Хотя мы и немощны, все-таки, сколько позволить намъ силы, должны слѣдовать и уподобляться тѣмъ приснопамятнымъ и блаженнымъ отцамъ, если нельзя намъ сравняться съ ними. Кто же не желаетъ поступать такъ, пусть перестанетъ досаждать моему оканству. Я отошлю таковыхъ ни съ чѣмъ. Не я прихожу къ нимъ, желая начальствовать надъ ними; они сами принуждаютъ меня, приходя ко мнѣ, къ такому поступку. А если и живущіе у насъ не стараются соблюдать всего вышесказаннаго и не слушаютъ наставленій, которыя я преподаю имъ отъ Св. Писанія, я не виноватъ въ томъ и не хочу отвѣчать за ихъ самоволіе. Также тѣхъ, которые соглашаются жить такъ, какъ повелѣваемъ, мы принимаемъ съ любовію и охотно, наставляя ихъ согласно слову Божію.

Если я самъ чего не дѣлаю, все-же надѣюсь, что по благодати Божіей и по молитвамъ наученныхъ отъ меня сподоблюсь тѣмъ, о которыхъ въ „Божественной Лѣствицѣ“ говорится: „Погрязнувшіе въ тинѣ и замаранные ею увѣдомляли о себѣ проходящихъ, какимъ образомъ они увязли въ томъ болотѣ, и предостерегали, какъ бы и они не попали въ ту же грязь; и ради того, что они спасли другихъ, Господь и имъ даровалъ избавленіе отъ сквернъ“. И еще сказано: „Не желай быть строгимъ судій — тѣмъ, которые учатъ словомъ, почитая ихъ за мало заботящихся о дѣлѣ. Бываетъ часто, что недостатокъ дѣла восполняетъ

польза отъ слова. И обратно: боясь грѣха, не нужно стараться обращать другихъ только словомъ, какъ сказалъ святой Максимъ: много насъ говорящихъ, а мало исполняющихъ“.

Итакъ, слово Божіе никто не долженъ по своему нерадѣнію утаивать, но, сознавая свою немощь, не скрывать и истины Божіей, чтобы не быть повиннымъ наказанію и за преступленіе заповѣдей, и за то, что не возвѣщали открыто Божіе слово. Мы Божественное Писаніе и ученіе святыхъ отцевъ, которыхъ такъ много, какъ песокъ морской, изучая съ усердіемъ сами, передаемъ и тѣмъ, кто къ намъ приходитъ и желаетъ слышать наше ученіе. Впрочемъ, не мы учимъ (ибо считаемъ себя недостойными сего), а святые отцы отъ Божественнаго Писанія. Стараемся и о томъ, чтобы живущіе у насъ строго исполняли все: такъ мы делаемъ и любимъ.

Если же кто изъ братіи, по лѣности или небрежности, нарушить въ чемъ-либо преданное ему, — сей же часъ долженъ признаться въ томъ настоятелю, и тотъ подастъ приличное наставленіе, какъ нужно исправить погрѣшность; въ келіи ли случится это, или гдѣ-нибудь внѣ, — грѣхъ очищается признаніемъ настоятелю.

Большую же осторожность нужно имѣть, чтобы соблюдать правила тѣмъ, кто отлучается куда-нибудь. Ибо многимъ очень не нравится отреченіе отъ своей воли, и каждый нынѣ самъ по себѣ хочетъ получить свое оправданіе. О нихъ такъ пишется въ „Лѣствицѣ“: „Лучше изгнать таковыхъ изъ обители, нежели позволить послушнику все дѣлать по своей волѣ, потому что изгнавшій сдѣлаетъ скоро изганнаго послушнымъ и научить его отрѣшаться отъ своей воли. А кто подъ видомъ челоуѣколюбія снисходитъ къ такимъ, тотъ доводитъ до того, что они во время исхода своего ужасно его проклинають“.

И то осмотрительно предали намъ святые отцы,

что всякій отъ своихъ праведныхъ трудовъ, своего рукодѣлія и работы долженъ приобрѣтать себѣ дневную пищу и все необходимое. Апостоль Павелъ сказалъ: „Кто не трудится, пусть не ѣстъ“ (2 Сол. III. 10). Трудиться же нужно преимущественно въ келіи. Если же по нуждѣ и бываютъ труды на воздухѣ, на примѣръ: пасти стадо, пахать или какіе-либо другіе, то они въ общежитіи очень похвалыны, говорятъ святые отцы, а для отдѣльно живущихъ—укоризненны.

Если же по болѣзни и какой-либо другой уважительной причинѣ насъ не могутъ удовлетворять произведенія нашихъ трудовъ, можно обратиться за милостынею къ христіанамъ и принять отъ нихъ, но только необходимое, а не лишнее. Приобрѣтенное съ вымогательствомъ, собранное трудами другихъ никакъ не послужитъ намъ въ пользу. Ибо какъ можемъ тогда соблюсти Господню заповѣдь: „Хотящему съ тобою судиться и одежду твою взять—отдай ему и рубашку“ (Мтѣ. V. 40). Все это и подобное мы должны отъ себя отгонять, какъ смертоносный ядъ.

Въ куплѣ же, необходимой для насъ, равно и въ продажѣ своихъ рукодѣлій, мы должны стараться не вводить въ убытокъ брата, а рѣшиться скорѣе самимъ принимать убытокъ. Точно также и тѣхъ изъ мірскихъ, кто работаетъ у насъ, не должно лишать заработной имъ платы, но отдавать съ благоговѣніемъ и отпускать съ миромъ и благословеніемъ.

Лишняго намъ имѣть не нужно. Повелѣніе же подавать просящимъ у насъ и не отгонять желающихъ занять у насъ относится къ лукавымъ, говоритъ Василій Великій. Ибо не имѣющій лишняго не долженъ и подавать, и если онъ скажетъ: я не имѣю, то не сожжетъ, говоритъ Варсонофій. Видно пнока, который можетъ и не творить милостыни: онъ съ открытымъ лицомъ можетъ смѣло сказать: „Се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебе идехомъ“ (Мтѣ. XIX. 27). Нестяжаніе—

—
выше всякихъ подаваній, пишетъ святой Исаакъ. Иноческая милостыня въ томъ, чтобы помочь брату во время его нужды совѣтомъ, утѣшить его скорбь мудрымъ разсужденіемъ. Но это дѣло способныхъ, для новоначальныхъ же составить милостыню претерпѣваніе скорбей, обидъ и укоризны отъ братій. Эта душевная милостыня настолько выше вещественной, насколько душа выше тѣла, говоритъ святой Дорофей. Но если придетъ къ намъ странникъ, его нужно, насколько можемъ, успокоить и съ благоговѣніемъ отпустить.

Выходить изъ нашей обители нужно не какъ случится и не самовольно, но только когда пошлеть по необходимости. Несвоевременно же и безъ уважительной причины не нужно отлучаться даже изъ келій, говоритъ Василій Великій. Настоятель пусть благочинно раздѣляетъ работы между братіей, также разрѣшаетъ всякому необходимую отлучку, а кого пошлетъ самъ, тотъ не долженъ отказываться отъ послушанія и да не выставляетъ причиной своего нерадѣнія данное ему послушаніе, но исполнить его съ тицаніемъ и страхомъ Божиимъ, чтобы была отъ того польза какъ ему самому, такъ и живущимъ съ нимъ.

Желательно мнѣ, чтобы все, что я написалъ въ этомъ преданіи, исполнялось точно какъ при моей жизни, такъ и по смерти...

Въ келіяхъ могутъ дѣлать наставленія братіи и странникамъ только тѣ, о которыхъ мы знаемъ, что они ведутъ собесѣдованія, служація къ пользѣ душамъ и исправленію, и владѣютъ искусствомъ передавать полезное.

Какъ дурныхъ помысловъ, такъ и страстей не должно скрывать, но каждый день исповѣдывать ихъ настоятелю и съ вѣрою исполнять все то, что онъ посоветуетъ и что служить къ благоугожденію Божію и къ пользѣ для души. Ничто такъ не полезно для

ника, какъ всеневная исповѣдь, говорятъ святые отцы.

Все, что я написалъ, служить къ благоугожденію Божію и пользѣ душамъ, и это будемъ исполнять...

О церковномъ украшеніи пишетъ святой Іоаннъ Златоустъ: „Если кто, желая принести въ даръ для церкви сосуды серебряные или какое-либо иное украшеніе, просить совѣта, посовѣтуй ему лучше роздать нищимъ. Никто никогда не былъ осуждаемъ за то, что не украсилъ храма“. То же повторяютъ и прочіе святые. А преподобная мученица Евгенія не приняла принесенныхъ ей серебряныхъ сосудовъ на томъ основаніи, что монахамъ не должно имѣть серебра. Поэтому и намъ не нужно имѣть ни золотыхъ, ни серебряныхъ сосудовъ, хотя бы и священныхъ, и прочихъ излишнихъ украшеній, но имѣть только самое необходимое для церкви.

Пахомій Великій не хотѣлъ, чтобы было украшено и самое церковное зданіе. Въ обители своей, въ Мохосѣ, онъ создалъ церковь и дѣлалъ въ ней изъ камня красивые столпы. Потомъ, подумавъ, что нехорошо удивляться дѣламъ рукъ человѣческихъ и превозноситься красотою зданій, взялъ веревку, обвязалъ ею столпы и приказалъ братіи изъ всѣхъ силъ тащить ихъ до тѣхъ поръ, пока они не изломались и стали неблаголѣпны. И сказалъ онъ: я это сдѣлалъ для того, чтобы умъ не возгордился за похвалу къ искусству и не былъ бы уловленъ отъ діавола,—ибо много его коварствъ. И если такой великій святой такъ говорилъ и дѣлалъ, не кольми ли паче нужно въ подобныхъ случаяхъ поступать такъ же намъ, потому что мы немощны, подвержены страстямъ и шатки умомъ!

Питаться долженъ всякій сообразно потребности тѣла, особенно же души, избѣгая пресыщенія и сластолюбія. До опьяненія намъ не должно пить никакого питья. А здоровые и молодые пусть утомляютъ

тѣмъ по возможности постомъ, жаждою и трудомъ. Старымъ же и немощнымъ дозволяется немного и покоить себя.

Въ келіяхъ нашихъ отнюдь не должно имѣть ни дорогой, украшенной посуды, ни другихъ таковыхъ же вещей. Точно также не должно строить дорогихъ и разукрашенныхъ келій и прочихъ принадлежностей жилья. Все это должно быть не многоцѣнно и не украшено, и изъ такого матеріала, который можно вездѣ и найти, и удобно купить, какъ говоритъ святой Василій Великій.

Не позволять приходить къ намъ въ скитъ женщинамъ; даже безсловесныхъ женскаго пола для работы или другой потребности не имѣть. Это намъ возбранено. Неприлично также имѣть у себя для услугъ отроковъ; особенно же избѣгать красивыхъ, женоподобныхъ лицъ.

Итакъ,—заканчиваетъ Нилъ свои наставленія инокамъ,—содержаніе этого преданія такое: научить, какъ нужно поступать монаху, желающему истиннаго спасенія въ эти времена; какъ нужно, насколько возможно, мыслию и чувствомъ, и дѣлами жить согласно ученію Св. Писанія и житію святыхъ отцевъ. Такимъ образомъ, исполнивъ повелѣнное намъ, получимъ жизнь вѣчную чрезъ Христа Іисуса Господа нашего, Ему же подобаеъ честь и слава, и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

XIV.

Былъ августъ 1485 года. Въ воздухѣ уже чувствовалось приближеніе осени, и надъ бѣлозерскими лѣсами и водами царила та грустная тишина, которая всегда бываетъ въ природѣ передъ умираніемъ: тогда, предъ лицомъ смерти, живое какъ бы затаивается, и всюду становится тихо, скорбно и прозрачно...

Среди заботъ по управленію скитомъ, среди „испытаній“ „божественныхъ писаній“ и прочихъ разнообразныхъ трудовъ Нилъ все чаще и чаще обращался мыслію къ тому, кто его еще въ юношескомъ возрастѣ твердо поставилъ на дорогу истины, — къ старцу Паисію.

Несмотря на то, что разстояніе между Кирилловымъ и Спасокаменнымъ монастырями было не особенно велико, старцамъ все-таки какъ-то не приходилось видѣться между собой. А между тѣмъ Нилъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе чувствовалъ настоятельную необходимость повидаться съ учителемъ юности: душа подвижника тяготилась многими невысказанными вопросами и чувствами, и въ особенности тѣмъ одиночествомъ, какое само собой создавалось вокругъ сорскаго отшельника.

Правда, онъ не былъ одинокъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, его окружало болѣе десяти братьевъ, но все-таки эти братіе были только его ученики, не только не превосходившіе Нила своимъ жизненнымъ и духовнымъ опытомъ, но и стоявшіе въ этомъ далеко ниже его. Душа же человѣческая всегда ищетъ того, кто не только бы исполнилъ понять ее, но и успокоилъ, освободилъ отъ сомнѣній, колебаній, недоумѣній...

Послѣ краткаго отвѣта Паисію, переданнаго съ Вавилкой, Нилъ писалъ своему учителю и еще два посланія: одно два года назадъ, а другое весной настоящаго.

Въ первомъ изъ нихъ, напомнимъ о вопросѣ, заданномъ Паисіемъ ему, Нилъ такъ отзывался о своемъ отвѣтѣ: „Самъ будучи грѣшенъ и недостойнъ, какъ я могъ присвоить себѣ даръ учительства? Однако, страшась суда Божія, я убоялся скрыть изъ-за грѣховъ своей лѣности истину. И потому въ отвѣтъ на твое сильное желаніе слышать отъ меня, худого, слово

для твоей душевной пользы, я и дерзнулъ написать тебѣ. Конечно, въ дѣлахъ и словахъ я не такъ силенъ, какъ ты думаешь, любимый мой; и тебѣ самому вѣдома и немощь, и худость моя. Но такъ какъ ты просилъ не о томъ, что упокоеваетъ плоть, а о томъ, что служить къ установленію душевнаго спокойствія, то потому я и забылъ свою скудость и неразуміе и, помня твою вѣру и усердіе, и рвеніе къ благому,—дерзнулъ написать вкратцѣ о просимомъ тобою, отъ божественныхъ правилъ, и послалъ твоему боголюбію... А что ты пишешь, отче, о томъ, чтобы свидѣться намъ, то я боюсь, владыко мой, чтобы множество грѣховъ моихъ не помѣшало мнѣ насладиться созерцаніемъ тебя здѣсь или тамъ. Если же благоволитъ Господь здѣсь, то пусть утвердится мое сердце твоими словесами... О, честнѣйшій отче! свое чадо убогое не забывая, будь молитвенникъ Господу о моемъ окаянствѣ, и всегда быть имъ молю твое преподобство,—и на путь спасенія наставлять мое недостоинство не отрицайся, владыко“...

Во второмъ посланіи къ Паисію Нилъ выражалъ особенное желаніе видѣть своего учителя. „Едва я увижу тебя,—такъ заканчивалъ онъ это свое посланіе,—какъ этого уже будетъ достаточно для увѣщанія моей злой нравной души, для того, чтобы она стала благонравной и пришла въ умиленіе. Поэтому со слезами молю твою хриstopодражательную утробу, господине мой и владыко,—прими исповѣданіе моей многгрѣшной души и приведи ее покаяніемъ ко Христу Спасу... Не могу, господине, каждому, кто встрѣтится, обнажить язвы души моей, но могу обнажить ихъ, святой владыко, только предъ тобой, исцѣлявшимъ ихъ и прежде...“

Но вотъ въ одинъ изъ ясныхъ тихихъ солнечныхъ дней случилось то, чего такъ желалъ Нилъ: въ скитъ прибылъ Паисій. Явился онъ неожиданно, около полу-

дня. Нилъ сидѣлъ въ своей келіи за книгами, когда кто-то постучался.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!..

Звуки голоса показались сорскому отшельнику какъ будто знакомыми, но онъ не смѣлъ довѣриться внезапно мелькнувшей радостной мысли.

— Аминь, войди, братъ,—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ онъ и обратилъ на дверь взоръ, полный ожиданія.

Дверь раскрылась, и черезъ порогъ келіи переступилъ сѣдой старикъ, въ которомъ Нилъ сразу призналъ старца Паисія. Правда, волосы его стали значительно болѣе сѣдыми, и весь онъ согнулся, но глаза глядѣли такъ же строго-проницательно, и въ глубинѣ ихъ за выраженіемъ строгости по-прежнему виднѣлась необычайная доброта и мягкость.

— Отче!

И старцы, учитель и ученикъ, дружески, крѣпко обнялись послѣ 22-лѣтней разлуки. Послѣ первыхъ привѣтствій Нилъ началъ спрашивать спасовскаго старца, какимъ образомъ онъ здѣсь: пріѣхалъ ли нарочно, или, быть можетъ, случай какъ-либо привелъ...

— Изъ Москвы я...

— Изъ Москвы?!—удивился Нилъ,—ради чего предпринялъ такой дальній путь?

— Великій князь призывалъ, на митрополіи меня хотѣлъ видѣть. Насилу спасъ Господь отъ великаго искушенія...

Нилъ еще болѣе удивился. Онъ, правда, зналъ объ отношеніяхъ великаго князя къ Паисію; возвышеніе изъ простыхъ иноковъ прямо въ митрополиты также не было рѣдкостью для того времени,—но Нилъ былъ такъ далекъ отъ текущей церковной и общественной жизни что крупныя и рѣзкія перемѣны, происходив-

нія тамъ, за предѣлами Бѣлозерья, показались ему необычайно странными.

— А Геронтій, — спросилъ онъ Паисія, — развѣ волею Божіею представился?

— Нѣтъ, Господь миловалъ... Дѣло въ иномъ...

И Паисій шагъ за шагомъ началъ передавать Нилу то, что вызвало его въ далекую Москву съ Кубенскаго озера.

Еще въ 1472 году Геронтій, бывшій до того епископомъ коломенскимъ, поставленъ былъ въ митрополита. Въ лицѣ новаго митрополита Москва приобрѣла человѣка съ твердымъ характеромъ, который въ церковныхъ дѣлахъ не хотѣлъ считаться даже съ великимъ княземъ. Правда, въ извѣстномъ уже спорѣ ростовскаго архіепископа Вассіана съ кирилловскими иноками онъ долженъ былъ уступить великому князю, но уступилъ онъ, только подчиняясь силѣ, и съ той поры затаилъ въ своей душѣ твердое желаніе ревнито оберегать митрополичью власть отъ княжескихъ поползновеній. Случай къ этому не замедлилъ представиться. 12 августа того же 1478 года совершилось въ Москвѣ освященіе Успенскаго собора. И вотъ, нѣкоторые изъ бывшихъ на освященіи донесли князю, что митрополитъ, обходя вокругъ церкви съ крестнымъ ходомъ, ходилъ не по солнцу, а противъ него, и тѣмъ совершилъ великій грѣхъ. Князь, какъ человѣкъ благочестивый и строго вѣрившій въ незыблемость развѣ заведеннаго порядка, сильно разгнѣвался на митрополита и велѣлъ ему передать, что за такія дѣла приходитъ гнѣвъ Божій. вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано произвести по книгамъ строгое разслѣдованіе: какъ велятъ „божественныя писанія“ ходить при освященіи церкви, посолонь или противъ солнца. Однако, по данному вопросу въ „божественныхъ писаніяхъ“ не нашли никакихъ указаній. Возникли горячіе и непрерывные споры и разсужденія. Каждый, становясь на сторону

того или иного мнѣнія, старался найти для себя опору хоть въ чемъ-нибудь. Митрополитъ въ доказательство справедливости своихъ дѣйствій ссылался на то, что діаконъ при кажденіи престола начинаетъ съ правой стороны и, такимъ образомъ, ходитъ противъ солнца. На сторону Геронтія стало и большинство духовенства, призваннаго разсудить митрополита съ княземъ въ спорномъ дѣлѣ.

Только ростовскій архіепископъ Вассіанъ Рыло да чудовскій архимандритъ Геннадій, чувствуя и замѣчая, что князю угодно иное мнѣніе, стояли противъ Геронтія. Не имѣя въ своемъ распоряженіи въ защиту справедливости своего взгляда никакихъ данныхъ, они только твердили: „Христось, Солнце праведное наступилъ на адъ, связалъ смерть и освободилъ души; потому и на Пасху исходятъ, то же прообразуютъ на утрени“. Болѣе убѣдительныхъ доказательствъ они не приводили, и споръ разгорался все съ новой и новой силой.

Нѣкоторыя гражданскія дѣла, имѣвшія великую важность, а въ особенности нашествіе татарскаго царя Ахмата, отвлекли въ сторону вниманіе еликаго князя Іоанна Васильевича, но черезъ три года, освободившись отъ докучливыхъ и неотложныхъ заботъ и дѣлъ, онъ снова поднялъ свой старый споръ съ митрополитомъ. Геронтій, видя въ этомъ придирчивость и желаніе во что бы то ни стало досадить ему, оставилъ Москву и отправился въ Симоновъ монастырь, захвативъ при этомъ съ собою только ризницу и умышленно оставивъ въ соборѣ посохъ. Близкимъ къ нему лицамъ митрополитъ говорилъ, что онъ даже совсѣмъ оставитъ митрополию, если князь не смирится, будетъ наставлять на хожденіи посолонь и не придетъ къ нему въ Симоновъ бить челомъ.

Іоаннъ Васильевичъ зналъ обо всемъ этомъ, но рѣшилъ съ своей стороны не итти на уступки. Въ это

время было построено много новыхъ церквей, но онъ не велѣлъ ихъ освящать, пока не рѣшится спорный вопросъ. Быть можетъ, князю и удалось бы одержать надъ митрополитомъ верхъ, если бы на его сторонѣ были многіе. Но всѣ священники, иноки, міряне, начетчики говорили за Геронтія, а за великаго князя только преемникъ ростовскаго архіепископа Вассіана Іоасафъ да прежній чудовскій архимандритъ Геннадій.

Іоаннъ Васильевичъ увидѣлъ себя оставленнымъ и принужденъ былъ пойти на уступки. Онъ послалъ сначала своего сына къ митрополиту просить вернуться въ Москву. Но Геронтій, чувствовавшій подъ собой твердую почву, отказался наотрѣзъ. Тогда великій князь вынужденъ былъ отправиться лично въ Симонъ и тамъ бить челомъ митрополиту. При этомъ Іоаннъ призналъ себя во всемъ виновнымъ и обѣщалъ впредь слушаться во всемъ митрополита и ни въ коемъ случаѣ не воспрепятствовать ему совершать крестные ходы по своему образу и усмотрѣнію.

Митрополитъ милостиво согласился на просьбу князя и вернулся въ Москву. Теперь обида затаилась уже въ другомъ сердцѣ, и борьба между княземъ и митрополитомъ не прекратилась, а стала только глухой, скрытной, готовой, конечно, прорваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Такой случай не замедлилъ представиться въ лицѣ упомянутаго Геннадія, который поддерживалъ раздоръ между двумя представителями высшей власти и котораго Геронтій сильно не любилъ: онъ проглядывалъ въ глубь сердца чудовскаго архимандрита и тамъ, на днѣ его, читалъ многое такое, что заставляло его отвращаться отъ этого ловкаго и хитраго человѣка.

Навечеріе Крещенія Господня въ 1483 году пришлось въ день воскресный. Геннадій разрѣшилъ своей братіи пить богоявленскую воду поѣвши. Митрополитъ

узналъ объ этомъ и приказалъ схватить архимандрита. Тотъ искалъ покровительства и защиты у великаго князя. Но митрополитъ, явившись въ палаты княжескія, сказалъ Іоанну Васильевичу: „Непокорный мнѣ чудовскій архимандритъ нашелъ убѣжище въ твоихъ палатахъ: выдай мнѣ его: во-первыхъ, онъ поступилъ самовольно, не спросясь меня, а во-вторыхъ, обезчестилъ священную воду, повелѣвши пить ее по принятіи пищи“. Великій князь и на этотъ разъ вынужденъ былъ уступить митрополиту, а когда тотъ посадилъ Геннадія въ ледникъ подъ палату,—даже просить его пожалѣть виновнаго.

Съ этихъ-то поръ особенно обострились отношенія между великимъ княземъ и митрополитомъ, и скоро обстоятельства склонились въ пользу князя. Весной текущаго года Геронтій сдѣлался боленъ и задумалъ совсѣмъ оставить митрополію. Забравъ съ собою ризницу и посохъ, онъ отправился въ Симоновъ монастырь. Іоаннъ Васильевичъ обрадовался тому, что не-симпатичный ему владыка самъ отстранился отъ дѣла. Но Геронтій вскорѣ выздоровѣлъ и захотѣлъ вернуться на митрополію. Тогда великій князь рѣшилъ прямо и открыто воспротивиться этому и для выполненія своего намѣренія призвалъ старца Паисія.

— Прибылъ я на Москву,—разсказывалъ Паисій Нилу,—приближаюсь къ княжескимъ палатамъ, а у самого мысль неотступная: и чего ради снова позвалъ меня государь-князь? Коли вновь на игуменство послать хочетъ, такъ безуспѣшно будетъ его настояніе... Вхожу въ палаты. Князь этакъ милостиво, ласково говорить. И далъ онъ мнѣ весьма тяжелое для моей души приказаніе: чтобы отправился я въ Симоново и побратски посовѣтовалъ бы отцу митрополиту не возвращаться на Москву.

— Ну, и что же, отецъ, выполнилъ ты это порученіе?

— Скрѣня сердце, отче, направился я въ Симоново. Говорю митрополиту слова государевы, а онъ кричитъ и топаётъ: „На митрополию, говоритъ, самъ захотѣлъ; для того и уговариваешь...“ Тутъ я оторопѣлъ. Началъ отрицаться, а онъ все не вѣритъ. „Знаю, говоритъ, такое намѣреніе великаго князя; да только, кого поставилъ соборъ архіереевъ, того и увести можетъ только такой соборъ“... И не послушамся-таки, воротился въ Бѣлокаменную, а когда его увезли оттуда, онъ снова пріѣхалъ, и такъ нѣсколько разъ... Вернулся и я къ князю и уже жду, что онъ скажетъ, а самъ передалъ ему всѣ слова Геронтія. Великій князь не сталъ отрицаться и повѣдалъ мнѣ, что дѣйствительно имѣлъ и имѣетъ желаніе видѣть меня на митрополіи вмѣсто Геронтія... Тогда я ему прямо сказалъ, что не бываетъ этому, что не по силамъ мнѣ такое послушаніе; довольно съ меня и игуменства въ Сергіевой обители...

— А что же, отче, съ тобою въ Сергіевомъ было? Слыхалъ я кое-что, да все какъ-то неясно говорятъ...

— А вотъ что. Прибылъ я туда, имѣя твердое намѣреніе направить иноковъ на Божій путь, на молитву, на постъ, на воздержаніе. Но тамъ не иноки, а самые ярые приверженцы міра сего. Я имъ про молитву, а они пѣсни лихія въ своихъ келіяхъ заводятъ; я про страхъ Божій, а они къ непотребному склоняются и о Богѣ совсѣмъ забываютъ; я о памятованіи Святаго Писанія непрестанно имъ твержу, а они смѣются мнѣ въ отвѣтъ да даже и правилъ, имъ положенныхъ, не читаютъ. Ну, не стерпѣла моя душа: не милостію, не лаской — грознымъ гнѣвомъ стали звучать мои слова. Братіе и на это не обратили должнаго вниманія. Мало того, собрались убить меня. Не боюсь я, мноо-грѣшный, смерти за правду Божию; а только отъ моей смерти для сергіевскихъ иноковъ, кромѣ грѣха и тяжкихъ наказаній, ничего не было бы. И я оставилъ игумен-

ство у Сергія... А когда вотъ великій князь предложилъ мнѣ митрополію, я указалъ ему на игуменство: коли тамъ съ немногими не могъ ничего сдѣлать, какъ же управиться со всею россійскою церковью, особенно теперь, когда люди и пастыри совсѣмъ забыли своего Творца и только о раздорахъ да распряхъ помышляютъ?..

— А что же Геронтій?—спросилъ Нилъ.

— Остался на митрополіи. Спросилъ меня государь-князь, пригоже ли де его оставлять, и сказалъ я, зная владыку, что не будетъ отъ сего вреда нашему отечеству, а только польза: зѣло твердый духомъ онъ, а такой и нуженъ...

Старцы немного помолчали.

— Прервалъ ты меня своимъ вопросомъ,—заговорилъ снова Паисій,—договорить я хотѣлъ насчетъ нашихъ раздоровъ да распрей. Достойны ли онѣ христіанина, не то что водителей церкви!.. А между тѣмъ погляди ты на всю нашу жизнь: распри и раздоры одни наполняютъ всю ее. Живемъ мы вдали отъ міра, тихо, мирно катится наша жизнь, молитвами и благочестивыми размышленіями согрѣваются наши души. Но чуть покинемъ мы наши безмолвныя пустыни, какъ сразу вступаемъ туда, гдѣ нѣтъ уже мира, радостнаго для души; гдѣ даже тѣ самые, кто долженъ бы учить людей правдѣ и незлобію, сами во всемъ удаляются отъ правды и злобствуютъ... А почему, что этому причиной? Вотъ этотъ-то вопросъ, отче, и тревожитъ теперь мою душу. Много надъ нимъ размышлялъ и размышляю я. И думается мнѣ, что причина-то заключается въ томъ, что все, вся жизнь направляется людьми не туда, куда нужно; и ошибаются въ пути жизни, въ томъ, что надо прежде всего дѣлать въ жизни, всѣ: и князья, и владыки... Всѣ тянутъ къ міру и не вѣрятъ Христу, что нельзя вмѣстѣ служить Богу и мамонѣ. Люди забываютъ это, служатъ мамонѣ,

а прикрываются именемъ Бога. Вотъ и все, думается мнѣ. Все остальное—ростки отъ этого корня. Владыки наши давно уже отошли отъ Христа, возлюбивъ владычнія земельныя, доходы съ нихъ, почетъ да власть больше Бога. А нѣтъ того, чтобы наставляться Святымъ Писаніемъ. Тогда бы и любви къ міру не было, и сердца бы размягчились. А то говорятъ о евангельской любви другъ къ другу, а у самихъ сердца полны злобы и вражды ко всякому, кто станеть на дорогѣ къ почету или власти или иначе, чѣмъ они, мыслить.. Вотъ хоть бы Геннадій...

Послѣднія слова Паисій произнесъ строго, съ особеннымъ укоромъ въ тонѣ.

— А что же Геннадій, и кто онъ? Что-то не слыхиваль о немъ допрежъ сего...

— Что говорить,—отвѣчалъ Паисій,—мужъ онъ сановитый, разумный и добродѣтельный, и Божественному Писанію довольный, а только не на пользу Христовой любви все это... Къ благочестію сильно прилеженъ, а людей не любить. А какой же христіанинъ, коли въ немъ любви къ другимъ, сердечнаго расположенія нѣтъ?.. Это только теперь люди думаютъ, что стоитъ окреститься, назваться христіаниномъ, какъ уже и христіанинъ. Предъ Богомъ всевидящимъ и всезнающимъ это не такъ. Ему вѣдомо въ человѣкѣ то, что невѣдомо и самому человѣку. Онъ милости хочетъ, а не жертвы, и это поймутъ, ибо должны понять, когда-то и всѣ люди. Только любви, одной любви, одного безконечнаго состраданія — и человѣкъ оправдится передъ Богомъ. А безъ любви къ людямъ въ сердцахъ, сколько бы человѣкъ ни старался увѣрить себя и другихъ, что онъ христіанинъ и ревнуетъ о Христѣ, онъ все-таки далекъ отъ Великаго Учителя любви и мира...

Паисій помолчалъ. По выраженію его лица можно было судить о той великой и трудной борьбѣ, какую

вынесет этотъ старецъ въ своей душѣ, когда предъ его глазами раскрылся міръ, полный пороковъ и злобы.

— Тяжело,—проговорилъ онъ снова,—такъ, отче, тяжело, что поднимаются иногда мои очи горѣ, и умъ тогда дерзостно вопрошаетъ небеса: „Зачѣмъ сердца людей еще такъ тянутся къ грязи міра, зачѣмъ крылья сердецъ ихъ влачатся по землѣ вмѣсто того, чтобы поднимать ихъ надъ міромъ и уносить въ горняя, въ настоящее наше отечество?“.. Молчатъ небеса, а сердце не избываетъ тяжести...

Наклонивъ низко на грудь голову, старецъ снова помолчалъ. Потомъ чрезъ нѣсколько мгновений поднялъ голову; старческіе глаза его горѣли юношескимъ огнемъ вдохновенія, а когда онъ заговорилъ, голосъ его звучалъ убѣжденіемъ и твердой надеждой.

— Міръ нужно остановить на его гибельномъ пути. Это должно совершиться, ибо душа не можетъ долго томиться подъ гнетомъ земли и земного. Коли даже духовные, даже архипастыри забыли горняя, какъ высшее наше назначеніе, то, значитъ, пришло время заговорить безбоязненно всѣмъ, кто любитъ правду Божію. Заговорить для того, чтобы спасти тѣхъ, кто еще не погибъ, кто еще ищетъ правыхъ путей и истины. Ибо если имъ не укажутъ такихъ путей, они пойдутъ на ложные... И уже идутъ. Прослышалъ я ужъ объ этомъ, хоть другіе, можетъ быть, и не прозрѣваютъ того... Помнишь, отче, когда ты предпринималъ путь на востокъ, говорилъ я тебѣ, что понадобятся твои силы и знанія на Руси. Теперь это время приходитъ, и молись Всевышнему, чтобы Онъ даровалъ тебѣ силы выступить во всеоружіи твоихъ познаній и твоего рвенія къ истинной иноческой жизни...

— Невдомекъ что-то мнѣ, отче...

— А вотъ что. Когда былъ я на Москвѣ у великаго князя, видѣлъ тамъ дьяка Феодора Курицына да съ нимъ успенскаго протопопа Алексѣя. Къ князю они

имѣютъ дерзновеніе, какъ никто другой. Бесѣды съ нимъ ведутъ. И по виду они, да и бесѣды ихъ, благочестивые. Но, отче, черезъ нихъ великая бѣда придетъ, чуетъ мое сердце. Слушалъ я ихъ рѣчи, и почудилось мнѣ въ этихъ рѣчахъ что-то жидовское...

— Что ты, отче? Жидовство на Руси святой?!

— Показалось мнѣ такъ, показалось... Побоялся я и приглядѣться получше къ нимъ: слишкомъ ужъ смутило это мою душу... А только, отче, чувствуетъ мое сердце, что придетъ на Русь какая-то бѣда и та бѣда отъ неразумія нашего да отъ нерадѣнія къ благочестію... Молюсь Всевышнему, чтобы миновала насъ чаша эта, но да будетъ на то Его святая воля...

— А откуда же, отче, протопопъ этотъ?—спросилъ, немного подумавъ, Нилъ,—можетъ, изъ своихъ краевъ я смущеніе принесъ...

— Изъ Новгорода.

— Ну, коли изъ Новгорода, то, значить, трудно будетъ церкви къ миру притти, коли бѣда подымется. Свободолюбивы новгородцы. Если бы при ихъ свободѣ вѣрѣ истинной ихъ по-христіански, съ великимъ усердіемъ и любовію учили, то, кромѣ прилежанія къ церкви, у нихъ ничего не было бы. А то ставятъ имъ, хоть и по ихъ настоянію, то одного, то другого владыку, владыки же строгостями только хотятъ утишить ихъ пытливый разумъ... Кто теперь на архіерействѣ въ Новгородѣ?

— Вотъ, отче, я и хотѣлъ тебѣ досказать, да позабылъ. Еще 12 декабря прошлаго года митрополитъ поставилъ туда Гонзова Геннадія, вотъ чудовскаго архимандрита, о которомъ я тебѣ говорилъ. Не любитъ его Геронтій. А только вышло такъ, что нужно было прекратить вольности новгородцевъ. Сколько новгородцы ни старались поставить своего владыку, это имъ не удалось... Ну, такъ вотъ насчетъ Геннадія князь настоялъ, митрополитъ не перечилъ: думаютъ, что стре-

тому владыкъ удастся вольный духъ новгородцевъ утишить...

— Думается только мнѣ,—добавилъ немного погодя Паисій, — что не строгость да суровость нужна такъ, гдѣ люди ищутъ правды и не находятъ ее кругомъ...

Старцы долго еще говорили о дѣлахъ, творившихся тогда на Руси, и рѣчи ихъ были грустны. Взоры великихъ подвижниковъ таили въ себѣ тоску: ихъ чуткимъ душамъ уже видно было то, что для ихъ современниковъ было покрыто еще успокоительнымъ туманомъ невѣдѣнія...

XV.

Оторвемся отъ свѣтлой личности Нила и возвратимся нѣсколько назадъ. Тамъ скрыто начало того, что вскорѣ должно было взволновать всю святую Русь и вызвать на поверхность общественной жизни даже тѣхъ, кто былъ чрезвычайно далекъ отъ нея,—въ томъ числѣ и Нила...

8 ноября 1470 года изъ Кіева, лежавшаго тогда въ предѣлахъ литовскаго государства, въ Новгородъ прибылъ князь Михайлъ Олельковичъ. Въ составѣ его свиты былъ нѣкій еврей, по имени Схарія. Еврей этотъ сразу по своемъ прибытіи обратилъ на себя вниманіе лучшихъ новгородскихъ людей своею начитанностью и своимъ природнымъ умомъ. По выраженію современной лѣтописи, онъ „былъ наученъ всякому изобрѣтенію злодѣйства, чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи“. Въ числѣ посѣщавшихъ Схарію особенно часто бывалъ у него попъ Діонисій, а затѣмъ еще попъ Алексій. На этихъ двухъ лицахъ Схарія и остановился, сдѣлавъ ихъ какъ бы избранными своими учениками. Сначала Діонисію, а потомъ и Алексію, онъ началъ передавать свое ученіе.

Ученіе это сводилось къ слѣдующему: а) истинный

Богъ есть единъ и не имѣть ни Сына, ни Св. Духа, единосущныхъ и сопрестольныхъ Ему, то-есть нѣтъ Пресвятой Троицы; б) истинный Христосъ, или обѣтованный Мессія, еще не пришелъ, и когда придетъ, то наречется Сыномъ Божиимъ не по естеству, а по благодати, какъ Моисей, Давидъ и другіе пророки; в) Христосъ же, въ Котораго вѣруютъ христіане, не есть Сынъ Божій, а простой человѣкъ, который распятъ іудеями, умеръ и истлѣлъ во гробѣ; г) поэтому должно содержать вѣру іудейскую, какъ истинную, данную Самимъ Богомъ, и отвергать вѣру христіанскую, какъ ложную, данную человѣкомъ.

Вскорѣ въ Новгородъ изъ Литвы прибыли еще два жидовина: Іосифъ Шмойло-Скарявей и Моисей Ханушъ. Они присоединились къ Схаріи и вмѣстѣ съ нимъ убѣждали служителей церкви примкнуть къ ихъ ученію. Діонисій и Алексій, поколебленные тѣми разсужденіями и доводами, какіе приводили жидовины въ оправданіе своего ученія, примкнули къ нему, и настолько сильно, что научили жидовству своихъ женъ и дѣтей. Ревность Діонисія и Алексія простерлась до того, что они хотѣли даже обрѣзаться. Но Схарія и его товарищи воспретили имъ это. „Такъ вы легко можете быть обличены единовѣрцами,—говорили они имъ,—а лучше держите христіанство по наружности, а въ дѣйствительности жидовство“.

Такъ началась въ Новгородѣ новая ересь, которая впоследствии была названа ересью жидовствующихъ. Къ ней начали быстро примыкать люди различныхъ званій и положеній. Алексій научилъ ереси зятя своего Ивана Максимова, отца его попа Максима, а также многихъ другихъ поповъ, діаконовъ и простолюдиновъ. Діонисій не отставалъ отъ своего друга въ ревности въ новому ученію: такъ имъ между прочимъ былъ со-
вращенъ протопопъ отъ св. Софіи Гавріиль. Такъ какъ въ новую ересь вступали люди изъ различныхъ классовъ,

то они по-различному къ ней и относились. Люди необразованные, простые, отвергши Христа, принимали самое жидовство. Образованные же не принимали его цѣликомъ, но только усваивали всѣ его воззрѣнія на христіанство, отвергали поэтому всѣ христіанскіе догматы и установленія, говорили, что Матерь Іисуса Христа не есть Богородица; что не надо почитать ни Ее, ни вообще всѣхъ святыхъ христіанскихъ; не должно чтить самыхъ ихъ изображеній, или иконъ, ни крестовъ, ни другихъ священныхъ предметовъ; не должно уважать христіанскихъ писаній, ни апостольскихъ, ни отеческихъ; не должно уважать никакихъ христіанскихъ установленій, каковы таинства, посты, праздники, монашество и прочее,—словомъ, нужно отвергать все собственно христіанское, противное іудейству.

Несмотря на то, что такое ученіе слишкомъ явно склонялось къ чистому іудейству, все-таки послѣдователи его умѣли скрываться подъ личиною христіанъ и собранія свои устраивать тайно. Устраивались они по большей части въ домѣ Алексія, котораго переименовали въ Авраама; жена его была названа Саррой. Собравшись вмѣстѣ, жидовствующие или занимались тѣмъ, что искали доказательствъ истинности іудейскаго ученія и лживости христіанскаго, или совершали обряды и установленія іудейства, или просто глумились въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ надъ христіанствомъ. Расходясь съ собраній, жидовствующие давали другъ другу клятвенное обѣщаніе, что не дадутъ прочимъ новгородцамъ никакого повода подозрѣвать себя въ какомъ-либо отклоненіи отъ отцовскаго ученія. И дѣйствительно, никому и въ мысль не могло притти, что тотъ самый священникъ, который, повидимому, съ благоговѣніемъ совершаетъ литургію, не дальше какъ наканунѣ глумился надъ самымъ ея установленіемъ!..

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и о существованіи

новой ереси въ Новгородѣ не зналъ никто, кромѣ принадлежавшихъ къ ней. Въ 1480 году великій князь Іоаннъ Васильевичъ посѣтилъ Новгородъ. Алексій и Діонисій, бесѣдовавшіе съ княземъ, такъ понравились ему, что онъ перевелъ ихъ въ Москву. Здѣсь Алексій сдѣланъ былъ успенскимъ протопопомъ, а Діонисій поступилъ священникомъ въ Архангельскій соборъ. Наканунѣ отъѣзда изъ Новгорода оба вождя ереси собрали своихъ единомышленниковъ и вмѣстѣ съ ними совѣщались о томъ, какого образа дѣйствій придержи-ваться въ дальнѣйшемъ. Всѣ пришли къ заключенію, что переводъ въ Москву Алексія и Діонисія—дѣло чрезвычайно удобное для цѣлей распространенія новаго ученія и что только имъ нужно дѣйствовать возможно осторожно.

Алексій и Діонисій такъ, дѣйствительно, и поступили. Прибывъ въ Москву, они по виду были святыми, кроткими, воздержными, а тайно распространяли свое ученіе, и настолько успѣшно, что нѣкоторые даже обрѣзались. Въ числѣ другихъ привлеченныхъ къ ереси болѣе значительными были: архимандритъ Зосима, чернецъ Захарія, крестовые дьячки Истома и Сверчокъ, но въ особенности дьякъ Федоръ Курицынъ. Курицынъ былъ правой рукой князя, который во всемъ слушался его. Сдѣлавъ Курицына послѣдователемъ ереси значило открыть ей доступъ къ княжескому двору и вообще заручиться милостью князя. Дѣйствительно, вскорѣ въ числѣ жидовствующихъ оказалась даже невѣстка великаго князя Елена, а вожди ереси пользовались неизмѣнно-благосклоннымъ отношеніемъ со стороны князя: Іоаннъ, да вмѣстѣ съ нимъ и всѣ тогда, ничего не знали о существованіи новой ереси и ничего не предпринимали для ея уничтоженія.

Первымъ о ея существованіи узналъ Геннадій около 1487 года. Однажды два послѣдователя ереси, будучи въ нетрезвомъ состояніи, начали упрекать другъ друга

въ принадлежности къ тайному ученію. Ихъ схватили и привели къ Геннадію. Архіепископъ, разспросивъ задержанныхъ, сразу же донесъ митрополиту и великому князю, что въ Новгородѣ существуетъ ересь. Князь и митрополитъ отписали, чтобы онъ не допускалъ распространенія ереси и немедленно же сдѣлалъ строгій розыскъ. Розыскъ далъ большіе результаты: одинъ изъ задержанныхъ, попъ Наумъ, сознался во всемъ передъ владыкой, назвалъ имена всѣхъ исповѣдывающихъ новое ученіе и принесъ даже тѣ псалмы, по которымъ правилось жидовствующими службы. Геннадій распорядился взять всѣхъ бывшихъ въ Новгородѣ жидовствующихъ и отдать ихъ на поруки. Нѣкоторые изъ сданныхъ на поруки бѣжали, впрочемъ, въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ новгородскій владыка отправилъ въ Москву подробное донесеніе обо всемъ происшедшемъ.

Сначала въ Москвѣ не дали хода дѣлу, и вообще замѣчалось явное невниманіе къ новой ереси. Но это только разжигало усердіе Геннадія. Въ концѣ 1487 г. онъ написалъ сарскому епископу Прохору, жившему въ Москвѣ на Крутицахъ, посланіе, въ которомъ, изложивъ обстоятельства дѣла, просилъ какъ-либо ускорить его. Затѣмъ въ январѣ слѣдующаго года онъ обратился съ тѣмъ же къ суздальскому епископу Нифонту и пермскому Филофею, которые тогда какъ разъ прибыли въ Москву. На этотъ разъ старанія Геннадія увѣнчались успѣхомъ. Дѣло было скоро рассмотрѣно, и великій князь подвергъ виновныхъ торговой казни, вселюдному наказанію. Новгородскому владыкѣ было отписано обо всемъ этомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дано порученіе ревностно продолжать разслѣдованіе о еретикахъ, причемъ, кто изъ нихъ покается, тѣхъ подвергать церковной епитиміи, а кто не выкажетъ раскаянія, тѣхъ отдавать для торговой казни нарочитымъ для этого дѣла двумъ боярамъ, Якову и Юрію Захаревичамъ.

Кто можетъ себѣ представить радость Геннадія? Получивъ благопріятное извѣщеніе изъ Москвы, онъ рѣшилъ, что тамъ такъ же, какъ и онъ самъ, увлечены борьбой съ еретиками. И онъ съ новымъ усердіемъ принялся за дѣло. Всѣхъ покаявшихся еретиковъ осудилъ на церковную епитемію, а непокаявшихся и продолжавшихъ слѣдовать жидовству передалъ Юрьевичамъ для торговой казни. Думая, что въ Москвѣ съ нетерпѣливымъ трепетомъ ожидаютъ конца розыска, онъ поспѣшно отослалъ все дѣло митрополиту и великому князю, попутно извѣстивъ о томъ же бывшихъ въ Москвѣ архіепископовъ и епископовъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ не откликнулись сразу. Геннадій подождалъ, но отвѣта на его извѣщеніе о еретикахъ все не было. Новгородскій владыка началъ волноваться, и мысль его уже не отрывалась отъ дѣла о еретикахъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ бы ни говорилъ или писалъ, всегда, какъ необходимое дополненіе, было упоминаніе или мысль о еретикахъ. При этомъ Геннадій не могъ спокойно выслушивать сколько-нибудь милостиваго слова о жидовствующихъ. Въ такихъ случаяхъ онъ выходилъ изъ себя, начиналъ стучать посохомъ и кричать на собесѣдника. Чувствуя, что противъ жидовствующихъ, выдвигавшихъ въ защиту своего ученія доказательства разума, не обойтись безъ такого же оружія, Геннадій всюду искалъ знающихъ и опытныхъ въ духовной жизни людей, которые помогли бы ему въ поднятой борьбѣ.

Этими же соображеніями было вызвано и его посланіе къ ростовскому архіепископу Іосафу отъ 25 февраля 1489 года. „Я нашелъ здѣсь новгородскихъ еретиковъ жидовствующихъ,—писалъ въ этомъ посланіи Геннадій послѣ обычныхъ привѣтствій,—они подлежатъ проклятію, произнесенному на еретиковъ маркіонитовъ и мессалианъ. Спроси—и каждый говоритъ:

я православный христіанинъ, и въ лихомъ дѣлѣ заперся. Нѣтъ, въ нихъ не одно іудейство, а оно смѣшано съ ересью мессалианъ, о которыхъ найденъ у себя въ правилахъ. Это мнѣ открылъ пошъ Наумъ...“ Загѣмъ Геннадій, передавъ всѣ обстоятельства дѣла, продолжалъ: „что ни есть заблужденій мессалианскихъ, они все принимаютъ, только оболещаютъ людей жиновскимъ десятеліемъ, выставляя себя набожными“... Далѣе Геннадій перешелъ къ истинной цѣли своего посланія: онъ просилъ Іоасафа прислать къ нему на бесѣду о еретикахъ старцевъ Паисія Ярославова и Нила Сорскаго, которые по мѣсту своихъ обителей были подчинены оба ростовскому архіепископу. Кромѣ того, новгородскій владыка просилъ также книгъ, полезныхъ въ борьбѣ съ жиновствующими, и упоминалъ о пасхальномъ счисленіи лѣтъ.

Послѣднее имѣло въ то время также важное значеніе. Въ то время и въ Греціи, и въ Россіи было общераспространеннымъ мнѣніе, что съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра долженъ окончиться міръ и настать Страшный судъ. Конецъ седьмой тысячи падалъ на 1492 годъ, то-есть долженъ былъ наступить черезъ три года. До этого же 1492 г. у насъ была доведена церковная пасхалія и дальше не продолжена.

Между тѣмъ роковой годъ былъ очень близокъ, и жиновствующіе уже напередъ начинали глумиться надъ своими близкими православными, говоря: „Семь тысячъ лѣтъ кончаются, и ваша пасхалія проходитъ: отчего же, вопреки вашимъ ожиданіямъ, нѣтъ никакихъ знаменій? Значитъ, ложны писанія и вашихъ апостоловъ и вашихъ отцевъ, возвѣщавшихъ славное пришествіе Христова по истеченіи семи тысячъ лѣтъ“. Православные смущались. И вотъ, нужно было успокоить ихъ и вообще разъяснить заключавшуюся здѣсь ошибку. Это между прочимъ и составляло предметъ заботъ новгородскаго владыки.

Геннадій стучалъ посохомъ о полъ своей келіи и кричалъ, но старцы Паисій и Нилъ были по-прежнему спокойны и прямо и ясно глядѣли въ глаза разгнѣванному архипастырю.

— Прости, владыко,—проговорилъ Паисій,—велѣлы ты намъ все по велѣнію совѣсти нашей сказать тебѣ. Мы исполнили твое приказаніе.

— Жечь ихъ, вѣшать надо!—кричалъ, не унимаясь, Геннадій,—а вамъ, честные отцы, негоже за еретиковъ заступаться! Думалъ, вы защитники, поборники православія, а вы изъ своихъ пустынь покоръ ему принесли!..

— Не то, владыка,—тихо замѣтилъ Нилъ,—совсѣмъ не то. Не слушаешь ты насъ, все гнѣваешься, а вдуматься въ то, что мы говоримъ, не хочешь.

— И то слушалъ уже довольно...

— А я имѣю предерзостное намѣреніе еще разъ сказать тебѣ то, что велить мнѣ говорить моя душа. Отъ того, что произошло и происходитъ въ Новгородѣ, наполнится скорбью всякое христіанское сердце,—но кто по глубокомъ размышленіи рѣшится во всемъ обвинять только тѣхъ несчастныхъ, которые теперь по своему неразумію жидовствуютъ? Пришелъ сюда Схарія и побѣдилъ умы, но почему побѣдилъ? Потому, что никто ихъ никогда не наставлялъ христіанскому ученію, никто не вразумлялъ ихъ, что оно есть самое истинное. Пришелъ врагъ и посѣялъ плевелы, потому что мѣсто для плевеловъ оказалось свободное и на немъ не росла пшеница. Мы, поставленные Богомъ, чтобы вести къ Нему людскія души и просвѣщать ихъ,—вотъ кто истинный виновникъ всего... Такъ говорить моя совѣсть, хоть и не по сердцу тебѣ все это, владыко... А далѣ: „Жечь да вѣшать“ говоришь ты. И здѣсь иное внушаетъ мнѣ данная Богомъ со

вѣсть. Жизнь человѣческая есть Божій даръ, и никто не воленъ ее отнимать у человѣка, кромѣ Самого Бога. Да и развѣ наказаніе, хотя бы и не смертное, единственное дѣло въ отношеніи тѣхъ, кто заблуждается? Не жечь и вѣшать, а вразумлять, приводить къ покаянію должны мы...

При послѣднихъ словахъ Геннадій не вытерпѣлъ и, съ гнѣвнымъ видомъ пробормотавъ что-то, быстрыми шагами вышелъ изъ келіи, показывая этимъ, что онъ не желаетъ больше разговаривать со старцами...

Взглянули другъ на друга старцы съ глубокою грустью и, не поняты, сами ушли изъ келіи, чтобы вернуться въ свои безмолвныя пустыни...

Геннадій послѣ встрѣчи со старцами долго не могъ успокоиться, тѣмъ болѣе, что и изъ Москвы пришли нерадостныя вѣсти. Тамъ еретики не только пользовались полной свободой, но при этомъ руководители ихъ, имѣвшіе священныя санъ, служили въ церквахъ невозбранно и въ то же время открыто издѣвались надъ православіемъ. Услышавъ о такомъ послабленіи жидовствующимъ, въ Москву бѣжали изъ Новгорода ихъ единомышленники. Такимъ образомъ, Москва вмѣсто того, чтобы заботиться о чистотѣ и защитѣ православія, сама становилась очагомъ ереси. Узналъ Геннадій и о томъ, почему князь такъ милостивъ къ еретикамъ: при дворѣ у нихъ была сильная опора — правая рука великаго князя дьякъ Феодоръ Курицынъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ посольства въ Венгрію. Государь какъ-то узналъ образъ религіозныхъ мыслей своего любимца, но былъ такъ къ нему расположенъ, что снисходительно смотрѣлъ на его неправомысліе.

Курицынъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать успѣшной борьбѣ Геннадія съ еретиками. Новгородскаго владыку не только не извѣщали изъ Москвы о томъ, какія мѣры будутъ приняты противъ

еретиковъ, но даже перестали приглашать на соборныя совѣщанія, несмотря на то, что онъ въ своихъ посланіяхъ къ князю никогда не забывалъ упомянуть о своемъ желаніи присутствовать на такихъ совѣщаніяхъ...

Въ томъ же 1489 году умеръ митрополитъ Геронтій. Геннадій, услышавъ о его кончинѣ, возрадовался духомъ. Правда, онъ уважалъ покойнаго владыку, какъ ревностнаго стоятеля за истину вѣры Христовой, но все-таки зналъ, что Геронтій, не долюбивая его, неохотно принимался за поднятое имъ дѣло. И вотъ, Геннадій сталъ твердо надѣяться, что съ выборомъ новаго митрополита преслѣдованіе ереси пойдетъ успѣшнѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ, ожидая, что его на этотъ разъ непременно позовутъ въ Москву, онъ хотѣлъ лично ходатайствовать предъ великимъ княземъ о немилосердномъ истребленіи ереси. Каково же было его разочарованіе, когда отъ великаго князя пришло приказаніе оставаться въ Новгородѣ ради „великихъ дѣлъ“, а въ Москву прислать только свою повольную грамоту на избраніе митрополита! Скрѣпя сердце, Геннадій послалъ свою повольную грамоту, не подозревая, что этимъ самымъ онъ содѣйствуетъ ереси.

Между тѣмъ торжество еретиковъ въ Москвѣ готовилось полное. Предвидя близкую кончину Геронтія, Курицынъ и его единомышленники рѣшили провести на митрополичью кафедру своего кандидата. Протопопъ Алексій незадолго предъ тѣмъ умеръ, но, умирая, онъ совѣтовалъ великому князю въ преемники Геронтію поставить симоновскаго архимандрита Зосиму. Іоаннъ Васильевичъ послушался и остановилъ свой выборъ на Зосимѣ, не зная того, что этотъ человѣкъ мало того, что велъ тайную зазорную жизнь, но былъ еще ярымъ приверженцемъ жидовства. По проискамъ Курицына, Геннадій былъ устраненъ отъ выборовъ. и въ сентябрѣ 1490 года собравшіеся въ

Москву епископы избрали митрополитомъ Зосиму, зная, что этого хочетъ „державный“, какъ они величали великаго князя.

Едва Зосима былъ поставленъ на митрополію, какъ сразу же потребовалъ отъ новгородскаго владыки исповѣданія вѣры, какъ бы сомнѣваясь въ его православіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ къ Геннадію отъ князя и митрополита поступило требованіе прислать повольную грамоту на избраніе новаго коломенскаго владыки. Требованіе исповѣданія неслыханно удивило Геннадія. Сильно недоумѣвая, но еще не догадываясь обо всемъ случившемся, онъ отписалъ митрополиту, что свое исповѣданіе онъ представлялъ Геронтію, когда поставлялся въ епископа, съ тѣхъ же поръ не измѣнялъ своимъ вѣрованіямъ. Что же касается до избранія коломенскаго владыки, то онъ не рѣшается прислать повольной грамоты, боясь, какъ бы случайно выборъ не палъ на лицо, близкое къ ереси жидовствующихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, не подозрѣвая еретичества Зосимы, онъ умолялъ его посодѣйствовать успѣху его дѣла, назначить для его разбора соборъ и осудить на немъ ересь. „А стала, господине, та бѣда,—писалъ онъ,—съ тѣхъ поръ, какъ Курицынъ пріѣхалъ изъ Угорской земли да отсюда сбѣжали въ Москву еретики; а въ подлинникѣ писано, что протопопъ Алексій, да Истома, да Сверчокъ, да попъ Денисъ приходили къ Курицыну, да иные еретики; да онъ-то у нихъ начальникъ, а о государственной чести попеченія не имѣетъ“... Далѣе Геннадій старался всячески убѣдить митрополита взяться за дѣло. „Правда, ты самъ то вѣдаешь, господинъ отецъ нашъ,—говорилъ онъ въ извиненіе своей настойчивости,—но намъ съ своею братією, архіепископами и епископами, пригоже тебѣ о томъ напоминать. Постой о томъ накрѣпко, отецъ нашъ, а мы—дѣти твои съ Богомъ да съ тобою. Ибо и безъ того дѣло долго протянулось: прошло три года, на-

ступилъ четвертый... Если же ты, господинъ нашъ, тѣхъ еретиковъ накрѣпко не обыщешь и не велишь ихъ казнить и предать проклятію, то ужъ какіе мы будемъ владыки, и что будетъ наше паство?.. Да поговори, господине, сыну твоему великому князю накрѣпко, чтобы и мнѣ велѣлъ быть у себя да у тебя, отца нашего, благословиться: ибо какія ни есть здѣсь великія дѣла, а больше того дѣла нѣтъ“...

Зная, что епископы, ставившіе митрополита, еще въ Москвѣ, Геннадій написалъ посланіе и къ нимъ, причемъ въ этомъ посланіи чрезвычайно настоятельно требовалъ содѣйствія созыву собора для разсмотрѣнія дѣла еретиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно предлагалъ жестокую мѣру наказанія: казнить, жечь, вѣшать. „Да не плошите,—прибавлялъ Геннадій, какъ бы боясь, что сердца христіанскихъ епископовъ станутъ доступны чувству милосердія,—станьте крѣпко, чтобы гнѣвъ на насъ не пришелъ да не како челоувѣкоугодицы обрящемся и со Іудею Христа продающе“...

Послѣ этихъ настойчивыхъ требованій новгородскаго владыки созвать соборъ еретики увидѣли, что совершенно спасти себя они не смогутъ, тѣмъ болѣе, что и великій князь вмѣстѣ съ большинствомъ духовенства началъ склоняться въ пользу доводовъ Геннадія. И вотъ, Курицынъ, Зосима, а за ними и другіе руководители жидовствующихъ, ѣхали не противиться созыву собора, но только какъ-либо устранить отъ присутствія на немъ Геннадія. Послѣднее имъ удалось: „державный“ и на этотъ разъ поддакъ уговорамъ Курицына, но только распорядился, чтобы на соборѣ присутствовали Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій, имена которыхъ вызывали тогда во всѣхъ невольное уваженіе.

И вотъ, 17 октября 1490 года соборъ на еретиковъ состоялся. Кромѣ государя, митрополита и архіереевъ,

здѣсь было много монастырскихъ настоятелей, священниковъ и старцевъ. Изъ жиждовствующихъ здѣсь находились: чернецъ Захарія, протопопъ повгородскій Гавріилъ, попъ архангельскій Діонисій, попъ ивановскій Максимъ, попъ покровскій Василій, дьяконъ никольскій Макарій, дьячекъ борисоглѣбскій Гридя, дьячекъ никольскій Самуха, Васюкъ, зять Діонисіевъ, и нѣкоторые другіе.

Противъ еретиковъ былъ прочитанъ цѣлый рядъ обвиненій. Обвиненія эти были настолько серьезны, что присутствующіе воспылали сильнымъ негодованіемъ, и уже готово было выйти изъ многочисленныхъ устъ слово жестокаго осужденія, осужденія на то, что предлагалъ Геннадій,—но въ это время раздался тихій, проникновенный голосъ сорскаго отшельника.

— Отцы и братіе, — началъ онъ, — прежде чѣмъ раздастся ваше великое, рѣшающее слово, выслушайте меня, многогрѣшнаго...

И онъ скорбнымъ голосомъ нарисовалъ картину тогдашней жизни, когда отъ людей закрывали Живого Бога, держали во тьмѣ предразсудковъ, суевѣрій и тьмѣ самымъ толкали живыя, искавшія Бога души въ объятія заблужденій и ересей...

Тихіе, скорбные звуки рѣчи всѣми уважаемаго сорскаго отшельника властно царили въ наступившей всеобщей тишинѣ. Ни одно слово возраженія не прервало рѣчи великаго старца. А когда онъ кончилъ, всталъ Паисій и повторилъ слова своего сѣдовласаго ученика...

Зосима, который при началѣ соборнаго засѣданія сильно испугался враждебнаго настроенія по отношенію къ еретикамъ, царившаго среди собравшихся,—а нѣкоторое время опасался даже и за себя,—теперь, послѣ рѣчей Нила и Паисія, почувствовалъ себя вновь твердо и увѣренно.

Но владыка ростовскій и другіе продолжали, однако,

настаивать на самой суровой казни еретиковъ—сожженіи живыми.

Великій князь обратился къ митрополиту:

— Ты какъ мыслишь, святой владыко?

Зосима только этого и ждалъ.

— Думаю я, государь великій и отцы пречестные,—притворно-смирненнымъ и скорбнымъ заголосомъ говорилъ Зосима,—что достойны они проклятiя нашего да сосланiя въ Новгородъ подь стражу. А что до смерти ихъ, то мыслю я, многрѣшный купно, съ пречестными старцами бѣлозерскими: поставлены мы отъ Бога не казнить грѣшныхъ смертью, а обращать ихъ къ покаянію.

Великій князь, уже расположенный къ такому мѣстному рѣшачи Нила и Паисія, согласился на заключеніе Зосимы, и рѣшеніе собора состоялось. Уличенныхъ еретиковъ торжественно предали проклятiю, извергли изъ сана и рѣшили частью водворить ихъ на пожизненное заключеніе по разнымъ монастырямъ, а частью сослать въ новгородскіе предѣлы, на расправу къ мѣстному архіепископу, но только никого изъ нихъ не предавать сожженію.

Когда Геннадій узналъ о соборномъ рѣшеніи, онъ металъ грома и молніи. Виновниками такого милостиваго исхода грознаго суда онъ считалъ Нила и Паисія. Неудача, впрочемъ, не сломила его упорнаго рѣшенія, рано или поздно искоренить ересь, и теперь, глубоко затаивъ до поры—до времени свое чувство, онъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, жестоко покарать отданныхъ въ его распоряженіе еретиковъ. Онъ приказалъ всѣхъ осужденныхъ посадить за сорокъ верстъ до Новгорода верхами на клячъ лицомъ къ хвостамъ, надѣть на нихъ особые берестяные колпаки съ мочальными гребнями и наклеить на нихъ надписи: „Се есть сатанино воинство“. Встрѣчавшіеся плевали на еретиковъ и говорили: „Се враги Божіи и хульники христіанскіе“. И вотъ, въ такомъ видѣ жидовствующихъ водили по

улицамъ Новгорода на всеобщее посмѣяніе, а затѣмъ сожгли на ихъ головахъ шутовскіе колпаки. Выставивъ еретиковъ на такой публичный позоръ, Геннадій рѣшился ждать дальнѣйшаго, твердо рѣшивъ не упустить ни одного благоприятнаго случая для борьбы съ ересью. Онъ чувствовалъ, однако, что одинокъ въ этой борьбѣ, и что она превышаетъ его силы...

И, вотъ, въ то время, какъ Геннадій думалъ, что онъ безпомощенъ въ трудной борьбѣ, судьба послала ему энергичнаго помощника въ лицѣ человѣка, котораго исторія назвала соперникомъ и даже противникомъ Нила Сорскаго въ его воззрѣніяхъ на задачи иночества и его мѣсто въ общественно-государственной жизни.

Человѣкъ этотъ былъ знаменитый въ исторіи описываемаго времени Іосифъ, настоятель подчиненнаго Геннадію Волоколамскаго монастыря. Остановимся на этой замѣчательной, хотя и крайне своеобразной, личности.

„Іосифъ, по фамиліи Санинъ, родился около 1440 г. Онъ былъ внукъ литовскаго выходца и сынъ вотчинника села Язвище. Будучи на осьмомъ году жизни отданъ для обученія грамотѣ въ Воздвиженскій монастырь, онъ рано почувствовалъ стремленіе къ монашеской жизни и двадцати лѣтъ постригся въ обители Пафнутія Боровскаго. Для Іосифа не могло не имѣть важнаго воспитательнаго значенія восемнадцатилѣтнее пребываніе въ этомъ монастырѣ, который славился своимъ благоустройствомъ и имѣлъ игуменомъ преподобнаго Пафнутія, отличавшагося особенной привязанностью къ московскимъ князьямъ.

По смерти Пафнутія въ 1477 году настоятельство въ боровскомъ монастырѣ, по желанію великаго князя Іоанна III и по избранію братіи, было предложено Іосифу. Возбудивъ недовольство братіи своей строгостью и отказавшись по этой причинѣ отъ игумен-

ства, онъ около года путешествовалъ по русскимъ обителямъ съ цѣлію найти образъ жизни, который бы соотвѣтствовалъ выработанному имъ идеалу. Неудовлетворенный, онъ въ 1479 году основалъ недалеко отъ города Волоколамска монастырь, который скоро приобрѣлъ громкую извѣстность и сталъ привлекать къ себѣ многочисленныя пожертвованія. Заботясь о возможномъ церковномъ благолѣпіи и внѣшнемъ украшеніи монастыря, Іосифъ постарался ввести въ немъ и строгій внутренній порядокъ, причемъ самъ составилъ общежительный монастырскій уставъ...

По этому уставу, основной добродѣтелию монаха должно быть безусловное послушаніе настоятелю, который имѣлъ надъ нимъ неограниченную власть; жизнь инока была регламентирована до самыхъ мельчайшихъ подробностей, вплоть до указанія особаго мѣста въ церкви для каждаго монаха и до обозначенія дверей, въ которыя онъ долженъ былъ входить и выходить. Монахи дѣлились на три класса, отличавшіеся между собою по роду занятій, одеждѣ и пищѣ. Сторона внутренняго духовнаго совершенствованія инока была развита довольно слабо въ Іосифовскомъ уставѣ...

Сказаннаго вполне достаточно, чтобы понять, какая рѣзкая граница лежала между направленіями Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго,—и съ достовѣрностью предположить, что эти направленія рано или поздно столкнутся между собой. Такъ впоследствии, дѣйствительно и случилось...

Волоколамскій монастырь находился въ епархіи Геннадія, и новгородскій владыка часто имѣлъ возможность видѣть близко дѣятельность волоцкаго игумена. И за эту дѣятельность онъ искренно любилъ и уважалъ Іосифа, часто сносился съ нимъ, наконецъ, подчинилъ ему все церкви волоколамской области и церковный судъ въ ней. а также и сборъ церковныхъ

доходовъ. Матеріальною помощью онъ его также не оставлялъ.

Когда въ борьбѣ съ жиновствующими неудачи одна за другой стали постигать Геннадія, онъ, зная умъ Іосифа и его образъ мыслей по данному вопросу, рѣшилъ опереться на него, какъ на своего надежнаго помощника, и выдвинуть его въ качествѣ, такъ сказать, застрѣльщика въ этой борьбѣ. Геннадій призвалъ къ себѣ волоцкого игумена, подробно изложилъ ему положеніе дѣла, указалъ на Нила, какъ на особенно серьезную силу въ дѣлѣ борьбы, и благословилъ на нее своего „нижайшаго послушника“. Это было около 1493 года.

„Нижайшій послушникъ“ блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе, которое какъ нельзя болѣе совпадало съ его тайными намѣреніями, и скоро въ борьбѣ съ жиновствующими настолько успѣлъ, что изъ „застрѣльщика“ превратился въ передового и главнаго бойца.

XVII.

Тихо, мирно текла жизнь сорскаго отшельника и жившей подъ его руководствомъ братія. Правда, вызовъ въ Новгородъ, участіе въ соборѣ и затѣмъ двѣтри поѣздки въ Москву по вызову великаго князя, желавшаго побесѣдовать съ сорскимъ отшельникомъ по поводу своихъ домашнихъ дѣлъ, отвлекали Нила отъ той тихой, размѣренной, полной углубленныхъ благочестивыхъ настроеній жизни, которую онъ любилъ,—но каждый разъ, вернувшись на берега тихой Сорки, онъ скоро забывалъ о внѣшнемъ безпокойномъ мірѣ и уходилъ снова въ себя, въ свои думы, въ „испытаніе божественныхъ писаній.“

Съ утра до вечера просиживалъ Нилъ надъ пожелтѣвшими отъ времени книгами и все доискивался истиннаго вида и истиннаго ихъ смысла. Нерѣдко

голова его начинала неодобрительно покачиваться, глаза пристальнѣе всматривались въ книгу, и затѣмъ на поляхъ ея появлялись замѣтки въ родѣ: „Отъ здѣ въ спискѣхъ неправо“ или: „Аще гдѣ въ иномъ переводѣ (подлинникѣ) обрящется извѣстнѣйшее сего, тамо да чтется...“

Мѣсяцы, годы протекали одинъ за другимъ на берегахъ Сорки, протекали тихо, безмолвно, незамѣтные во вѣщности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокіе по тому одержанію, какимъ была полна жизнь сорскихъ отшельниковъ...

Чѣмъ дальше шли годы, тѣмъ все болѣе Нилъ чувствовалъ свою приближающуюся старость, а за ней кончину. Предчувствуя ее, онъ захотѣлъ оставить своимъ ученикамъ полное изложеніе своихъ наставленій о духовно-христіанской въ частности иноческой жизни — и на свѣтъ Божій появилось знаменитое произведеніе Нила Сорскаго: его обширный „Уставъ“.

Это — сочиненіе, замѣчательное по глубокому пониманію сокровенныхъ тайнъ и помысленій человѣческой души. Отъ начала до конца его наполняютъ мысли, явившіяся результатомъ долговременной вдумчивости, богатой внутреннимъ опытомъ жизни. При этомъ, какъ крѣпкія опоры этихъ мыслей, всюду въ „Уставѣ“ мы находимъ наставленія слова Божія и знаменитыхъ подвижниковъ по тому или другому случаю.

Достаточно привести краткій перечень содержанія этого обширнаго сочиненія, чтобъ видѣть, какъ много въ немъ поучительнаго. Вотъ содержаніе „Устава“: предисловіе, одиннадцать главъ наставленій и послѣсловіе; предисловіе о мысленномъ дѣланіи, глава 1-я о различіи мысленной брани, 2-я о борьбѣ съ помыслами, 3-я о томъ, какъ укрѣпляться въ подвигѣ противъ помысловъ, 4-я о содержаніи всего подвига, 5-я объ осьми помыслахъ (чревообъяденіе, блудъ, сребролюбіе,

гнѣвъ, печаль, уныніе, тщеславіе и гордость), 6-я о борьбѣ съ каждымъ изъ нихъ, 7-я о значеніи памятованія о смерти и судѣ, 8-я о смерти для міра, 9-я о сохраненіи себя, 10-я о совершенномъ отсѣченіи житейскихъ заботъ, 11-я о томъ, что все надо дѣлать въ свое время.

Во всѣхъ наставленіяхъ Нилъ, какъ главную свою мысль, подчеркиваетъ то, что самое важное—сокровенная внутренняя, духовная жизнь и въ связи съ этимъ „умное дѣланіе“, „умная (то-есть внутренняя) молитва.“ „Умная молитва,—говоритъ Нилъ,—выше тѣлесной; тѣлесное дѣланіе — листъ, а внутреннее, умное—плодъ.“ Умное дѣланіе—это прежде всего внутренняя борьба съ дурными помыслами, которыхъ Нилъ, какъ мы упомянули, насчитываетъ восемь. Говоря объ этой борьбѣ съ помыслами, Нилъ обнаруживаетъ замѣчательно внимательное и тонкое знакомство съ самыми глубокими, самыми неуловимыми для грубаго взора состояніями души; онъ чрезвычайно ясно и вѣрно показываетъ, какъ помыселъ безгрѣшнато переходитъ все къ болѣе и болѣе грѣшному состоянію. Всякій помыселъ, говоритъ Нилъ, незамѣтно входитъ въ душу, и это называется у него „прилогомъ“. Сначала человѣкъ останавливается надъ дурнымъ помысломъ—это „сочетаніе“; затѣмъ склоняется въ пользу его—это „сложеніе“. Далѣе помыселъ овладѣваетъ душою—такое состояніе называется у Нила „плѣнѣніемъ“. Наконецъ, человѣкъ совершенно и надолго предается дурному помыслу—это уже „страсть“, то-есть состояніе полного преданія грѣху. Въ этихъ-то различныхъ состояніяхъ души инокъ долженъ вести съ собой внутреннюю духовную борьбу, стараясь пресѣкать вліяніе дурныхъ замысловъ въ самомъ ихъ зародышѣ. И усердіе къ этому у иноковъ должно быть тѣмъ большее, что побѣды надъ помыслами приводятъ къ высочайшему, блаженному,

спокойному состоянію, при которомъ душа уже не имѣетъ ни движенія, ни самовластія, но содиняется съ Богомъ и наставляется Имъ.

Въ своемъ „Уставѣ“ Нилъ часто приводитъ мнѣнія отцовъ церкви, но чаще другихъ Григорія Синаита и Симеона Новаго Богослова. О первомъ онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Се блаженный сей, всѣхъ отецъ духовныхъ объемъ списанія, послѣдуя чину ихъ, о молитвѣ повелѣваетъ прилежно попеченіе имѣти“.

Въ „послѣсловіи“ къ „Уставу“ Нилъ какъ бы обрачивается на весь свой обширный трудъ и говоритъ: „Все это, при помощи Божіей, я, неразумный, по мѣрѣ скудости ума моего написалъ на память себѣ и подобнымъ мнѣ, кои находятся еще въ числѣ поучаемыхъ, если они пожелаютъ воспользоваться этимъ. Я писалъ не отъ себя, какъ говорилъ и въ началѣ сихъ писаній, но заимствовалъ все изъ богодухновенныхъ писаній святыхъ отцевъ, просвѣщенныхъ разумомъ. Все, что здѣсь написано, подтверждается свидѣтельствами Божественныхъ Писаній. И если что найдется здѣсь, по моему неразумію, негоднымъ Богу и полезнымъ для души, молюсь, чтобы не случилось того, но да будетъ во всемъ воля Божія, совершенная и благодатная, а я прошу прощенія. Если же кто знаетъ обо всемъ вышеписанномъ болѣе и полезнѣе, тотъ пусть такъ и поступаетъ, и мы будемъ о семъ радоваться. Если же кто и отъ сего пріобрѣтетъ пользу, пусть помолится и о мнѣ, грѣшномъ, да получу милость предъ Богомъ“.

Когда „Уставъ“ былъ оконченъ, Нилъ прочелъ его братіи, и затѣмъ списокъ торжественно былъ положенъ въ церковь для чтенія и вѣчнаго напоминанія настоящей и будущей братіи...

Вновь по-прежнему тихо, размѣренно-спокойно текла жизнь сорскихъ отшельниковъ. Восходя и заходя, солнце постоянно освѣщало одну неизмѣнную святую

картину: иноки молились и работали, работали и молились...

А между тѣмъ въ это время въ далекой отъ Сорскихъ береговъ, Москвѣ жизнь шла своимъ чередомъ, говорливая, шумная, беспокойная, полная низменной человѣческой борьбы и злобы. Іосифъ, дѣятельно принявшійся за борьбу съ ересью, написалъ противъ жидовствующихъ шестнадцать пылкихъ полемическихъ словъ, которыя впослѣдствіи были соединены въ одну книгу подъ именемъ „Просвѣтителя“. Благодаря этимъ посланіямъ былъ заподозрѣнъ въ ереси и открыто уличенъ въ распутной жизни митрополитъ Зосима, который, убоявшись возможности грознаго судебнаго приговора, самъ удалился на покой 17 мая 1494 года. Однако, съ его уходомъ ересь еще не была уничтожена; еретики даже получили большую силу. Произошло это потому, что при дворѣ взяла перевѣсъ партія сочувствовавшей ереси жены наслѣдника престола Іоанна младшаго и ея сына Димитрія. Партію эту энергично поддерживалъ Курицынъ со своимъ братомъ, затѣмъ бояре Ряполовскіе, Патрикѣевы и другіе приверженцы ереси.

Но въ 1499 году въ милость къ старѣющему великому князю вошла другая партія—великой княгини Софьи и ея сына Василия. Елена съ сыномъ была заточена, а сторонники ея частью были казнены, а частью противъ воли пострижены. Жидовство потеряло свою опору, и противъ него начались жестокія гоненія.

Волна этой быстрой смѣны обстоятельствъ докатилась и до Сорской пустыни. Въ томъ же 1499 году по настоянію Софьи одинъ изъ наиболѣе ненавистныхъ ей бояръ князь Василій Патрикѣевъ, былъ постриженъ въ монахи съ именемъ Вассіана и поселенъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Постриженный противъ воли, онъ мучился „исходящими помыслами

прежняго мірскаго житія“ и не находилъ себѣ успокоенія въ стѣнахъ обители. Привыкнувъ къ свободному мнѣнію и слову, онъ никакъ не могъ помириться съ тяжестью общежительнаго устава Кирилловой обители. Притомъ онъ былъ рѣшительный противникъ монастырскихъ богатствъ, и потому его пребываніе въ Кирилловой обители, въ то время уже далеко уклонившейся отъ завѣта нестяжательности, становилось еще болѣе мучительно. И вотъ кто-то изъ иноковъ однажды посоветовалъ ему побывать на Соркѣ у Нила. Вассіанъ отправился къ отшельнику—и съ тѣхъ поръ сталъ самымъ ревностнымъ его ученикомъ.

Нилъ и самъ искренно привязался къ Патрикѣеву: ему нравилось въ немъ какое-то лихорадочное, неустанное исканіе истины и, въ особенности, отношеніе къ вопросу о монастырскихъ владѣніяхъ. Сорскій отшельникъ поселилъ въ своемъ сановномъ ученикѣ любовь къ работѣ надъ „божественными писаніями“, и теперь учитель и ученикъ подолгу просиживали вмѣстѣ надъ священными книгами, останавливаясь съ любовью въ особенности надъ тѣми мѣстами, которыя явно воспрещали ушедшимъ отъ міра владѣть угодьями и рабами. У пылкаго Вассіана скоро убѣжденіе въ этомъ стало самымъ главнымъ въ ряду его другихъ убѣжденій, и онъ и самъ не замѣтилъ, какъ все, что онъ ни дѣлалъ теперь, сводилось къ протесту противъ монастырскихъ имуществъ.

Бывшій бояринъ, тосковавшій по горячей, шумной жизни, слѣдилъ за ея теченіемъ въ Москвѣ. Черезъ три года по своемъ прибытіи въ Кирилловъ онъ передалъ своему учителю вѣсть изъ Москвы: тамъ былъ соборъ, и ересь на немъ была жестоко осуждена...

Еще разъ смѣнились лѣто, осень, зима. Насталъ знаменитый въ жизни Нила 1503 годъ. Въ одинъ изъ раннихъ лѣтнихъ дней Вассіанъ вошелъ къ подвижнику необычайно возбужденный и рѣшительный.

— Отче, вѣсть тебѣ великую несу я.

— А что, мой сынъ?

— Великій князь созываетъ великій соборъ въ Москвѣ и велѣлъ звать на него тебя, отче, всѣхъ нашихъ старцевъ, старца Паисія...

— Старъ я становлюсь,—тихо замѣтилъ Нилъ,—да и не угодны Богу эти соборы: молились бы лучше да о душѣ своей думали, а то соберутся, спорить начнутъ, другъ друга обижаютъ, другъ дружкѣ досаждаютъ...

— Отче, не досказалъ я, къ чему соборъ-то. Можетъ, и поторопился ты отказомъ... Собираетъ его великій князь все ради тѣхъ же именуемыхъ на Москвѣ еретиками. Хочетъ онъ совсѣмъ укрыть нашу іерархію отъ ихъ покрововъ да насмѣшекъ. Вѣдомо тебѣ, отче, чего ради рекомые жидовствующие іерархію нашу хулятъ?.. Попы, говорятъ они, да и взаправду такъ, по мздѣ ставлены, архіереи также посулы великіе въ ину пору владыкѣ-митрополиту даютъ. А потомъ ведутъ попы да діаконы, особливо вдовы, нетрезвую да зазорную жизнь, принимаютъ приношенія отъ христіанъ, дѣлаютъ поборы, а иноки тожъ отъ нихъ не отстаютъ, собирая себѣ большія имѣнія. И вотъ, князь хочетъ или снять клевету съ церкви, коли это клевета, или посовѣтоваться съ соборомъ, какъ бы исправить это... Теперь, я думаю, ясно тебѣ стало, чего ради я за великую радость почитаю эту вѣсть...

Нилъ, глядя въ далекое, чистое небо, о чемъ-то думалъ, но слова Вассіана онъ слышалъ и отвѣтилъ на нихъ легкимъ кивкомъ головы.

— Отче, — воскликнулъ Вассіанъ, не дожидаясь отвѣта старца, — Самъ Богъ велитъ тебѣ ѣхать на зовъ государя. Тамъ предъ лицомъ всей церкви русской ты укажешь на тяжелую язву нашего иночества, тамъ ты во всеуслышаніе заявишь, что великое зло нашей жизни не тамъ, гдѣ они думаютъ, а въ нашемъ склоненіи къ міру... Отче, я тоже непремѣнно поѣду. Я

упаду въ ноги державному и, стелая, буду молить отнять у монастырей села...

Нилъ легкимъ движеніемъ руки остановилъ своего ученика. Глаза старца горѣли вдохновеніемъ и какой-то дѣтски-простой покорностью, голосъ его звучалъ торжественно.

— Да будетъ воля Божія, — проговорилъ онъ, — я исполню повелѣніе моего государя...

И вскорѣ Нилъ съ Паисіемъ, Вассіаномъ и другими старцами отправился въ Москву на соборъ, который въ памяти потомства прославилъ знаменитаго подвижника, какъ рѣшительнаго и энергичнаго противника монастырскихъ богатствъ.

XVIII.

Соборъ открылся въ великокняжескихъ палатахъ при многочисленномъ количествѣ собравшихся. Кромѣ предсѣдательствовавшаго на соборѣ новаго митрополита Симона, здѣсь были: великій князь Іоаннъ Васильевичъ и его сынъ-соправитель Василій, новгородскій владыка Геннадій, шесть другихъ епископовъ и множество низшаго духовенства, въ числѣ котораго, кромѣ бѣлозерскихъ старцевъ, были еще Іосифъ Волоцкій и настоятель Троице-Сергіевской обители Серапіонъ. Іосифъ съ самаго начала сталъ заговаривать съ Ниломъ, стараясь, очевидно, самъ узнать душу и образъ мыслей великаго старца. Нилъ отвѣчалъ тихо, вдумчиво, спокойно, но прямо и правдиво. Рѣчи его, видно, пришлись не по сердцу волоцкому игумену: онъ мрачный отошелъ отъ старца и больше съ нимъ не старался заговаривать...

Соборныя засѣданія затягивались; и, хотя они начались еще въ началѣ августа, однако конца ихъ ожидать можно было не скоро. Вопросовъ, подлежащихъ соборному разсмотрѣнію, было немного, но всѣ эти

вопросы были весьма важные для умиротворенія тогдашней жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе, такъ какъ затрагивали интересы многихъ и изъ присутствовавшихъ.

Первый вопросъ, поставленный на соборѣ, состоялъ въ томъ, слѣдуетъ ли за поставленіе на священныя степени брать пошлыны, что тогда практиковалось въ очень широкихъ размѣрахъ. Собранныя, руководствуясь правилами св. апостоловъ (прав. 29) и св. соборовъ (IV всел., прав. 2; VI всел., прав. 22), постановили: „Отъ сего времени впредь намъ, святителямъ: мѣ, митрополиту, и намъ, архіепископамъ и епископамъ, и нашимъ преемникамъ — отъ поставленія архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, поповъ и діаконъ, и отъ всего священническаго чина ничего никому не брать и поминковъ никакихъ не принимать; также отъ ставленыхъ грамотъ, печатнику отъ печати и дьякамъ отъ подписи ничего не брать; и всѣмъ нашимъ пошлынникамъ, моимъ митрополичимъ и нашимъ архіепископскимъ и епископскимъ, пошлынъ отъ ставленія никакихъ не брать; также намъ, святителямъ, у архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконъ отъ священныхъ мѣстъ и отъ церкви ничего не брать, но каждого поставлять безъ мзды и безъ всякаго дара и отпускать на его мѣсто“. Былъ опредѣленъ также и возрастъ поставляемыхъ на священныя степени.

Рѣшеніе по этимъ вопросамъ состоялось 6-го августа. Затѣмъ собору предстояло такъ или иначе высказаться о зазорномъ поведеніи вдовыхъ священниковъ и вообще бѣлаго, а затѣмъ и чернаго духовенства. Вопросъ этотъ поднялъ цѣлую бурю, и разрѣшеніе его затянулось на долгій срокъ. Наконецъ, только въ концѣ сентября состоялось соборное опредѣленіе, по которому, прежде всего, вдовымъ священникамъ и діаконамъ было воспрещено священнослуженіе на будущее время, что вызвало сразу же рѣзкую и

исполнилъ справедливую отвѣдь одного изъ вдовыхъ ростовскихъ священниковъ Георгія Скрипицы.

Относительно монашествующихъ на соборѣ было приведено много чрезвычайно позорныхъ фактовъ, и твердо установлено, что многіе изъ нихъ вели нетрезвую жизнь, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, ко всеобщему соблазну, иноки и инокини жили вмѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, въ женскихъ обителяхъ служили и отправляли обязанности духовниковъ игумены и іеромонахи. Соборъ постановилъ: „Впредь чернецамъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ не жить, и въ какомъ монастырѣ начнутъ жить чернецы, тамъ служить игумену, а черницамъ не жить; если же въ какомъ монастырѣ начнутъ жить черницы, тамъ служить по намъ бѣльцамъ, а чернецамъ не жить“.

Нилъ на всѣхъ засѣданіяхъ сидѣлъ задумчивый, грустный. Скорбь, всегда виднѣвшаяся въ его глазахъ, свѣтилась все глубже и глубже по мѣрѣ того, какъ на соборѣ раскрывались все новыя и новыя непріятныя стороны жизни иноковъ.

Нетерпѣливый Вассіанъ неоднократно подходилъ къ своему учителю.

— Отче, пора бы заявить державному о нашей просьбѣ, изложить предъ святымъ соборомъ наше дѣло..

— Успѣетея, мой сынъ,—тихо, едва слышно отвѣчалъ Нилъ, — пускай порѣшатъ первосвятители, что требуетъ неотложнаго разрѣшенія.

Вассіанъ, видимо огорченный, съ неудовольствіемъ отходилъ. Но вотъ къ вечеру послѣ засѣданія, рѣшившаго вопросъ о вдовыхъ полахъ и діаконахъ, онъ вбѣжалъ къ Нилу весь встревоженный, блѣдный...

— Что съ тобой, мой сынъ?..

— Отче, откладывалъ ты все наше дѣло, а теперь что вышло: отцы, утомленные всѣми соборными дѣлами, благословляются у владыки митрополита и разѣзжаются.. Вотъ и Іосифъ уже уѣхалъ.. А завтра

державный велѣлъ быть послѣднему, прощальному засѣданію... Какъ же теперь быть-то намъ?!

Голосъ Вассіана былъ полонъ ужаса.

— Успокойся, мой сынъ,—тихо, ласково замѣтилъ Нилъ,—завтра и заявимъ обо всемъ державному и всему собору. Оповѣсти о семъ нашихъ старцевъ...

На слѣдующій день, дѣйствительно, было назначено торжественное прощальное засѣданіе. Когда всѣ усѣлись, съ великокняжескаго мѣста, гдѣ сидѣли князья отецъ и сынъ, раздался твердый, звучный голосъ Іоанна:

— Пречестные архипастыри, отцы и братіе! Ради великихъ церковныхъ и государственныхъ нуждъ призвали мы васъ въ нашъ столичный градъ на великій соборъ. Нынѣ порѣшили мы о всѣхъ нужныхъ намъ дѣлахъ и потому, благословясь у нашего пречестного отца митрополита, воздадимъ Господу Богу хвалу за Его всемилостивое содѣйствіе намъ и отыдемъ каждый въ свои грады и веси, въ обители и пустыни...

Въ этотъ моментъ Нилъ, Паисій, Вассіанъ и всѣ бѣлозерскіе старцы, сидѣвшіе другъ подле друга,— всѣ разомъ встали, подошли къ трону и всѣ, какъ одинъ, припали къ землѣ.

Изумленный Іоаннъ бросился поднимать старцевъ.

— Что вамъ, пречестные старцы, отъ меня нужно?—спросилъ онъ чрезвычайно ласково, такъ какъ изъ всего духовенства болѣе всѣхъ уважалъ бѣлозерскихъ старцевъ за ихъ образъ жизни.

Тогда заговорилъ Нилъ.

— Державный, — началъ онъ,—когда всѣ мы сидѣли здѣсь и слушали то, что совершаютъ, какъ живутъ именующіе себя иноками, сердца наши обливались кровью. Мы не узнавали въ нихъ тѣхъ, кто долженъ быть подобенъ высоко во мракѣ горящему свѣтильнику... Происходитъ же это все отъ одного—отъ непрекращающейся у иноковъ любви къ міру, и осо-

бливо къ вещественнымъ его благамъ, къ имѣніямъ да селамъ. Иноки даютъ обѣтъ нестяжательности и отрекаются отъ міра, а имѣнія опять ихъ влекутъ въ міръ, заставляютъ ихъ молиться съ мірскими людьми, а чрезъ то всякіе грѣхи и соблазны бываютъ: иноки праздны и селами довольны, такъ грѣху есть къ чему приступить... И вотъ, великій государь, мы, какъ отца и господина, умоляемъ тебя: отними села и имѣнія у монастырей, заставь иноковъ жить по пустынямъ и питаться не отъ имѣній, а отъ своихъ трудовъ, своимъ рукодѣліемъ... Великая отъ того для всего русскаго иночества будетъ польза, ибо самый корень всего зла будетъ извлеченъ... Повели же, государь...

Съ этими словами Нилъ упалъ наземь, за нимъ последовали всѣ бѣлозерскіе старцы. Іоаннъ, у котораго во время рѣчи Нила играла на губахъ полускрытая улыбка удовольствія, бросился подымать старца и затѣмъ, обращаясь къ остальнымъ членамъ собора, спросилъ:

— Какъ вы мыслите, отцы и братіе?

Къ князю бросились Геннадій и Серапіонъ, у которыхъ съ самаго начала рѣчи Нила видно было на лицахъ нескрываемое негодованіе.

— Никакъ невозможно, державный,—быстро проговорилъ Геннадій и затѣмъ, не въ силахъ сдержать своего гнѣва, рѣзко обратился къ Нилу:—все ты, отче, будоражишь православныхъ да самочинствуешь: живодствующие въ тебѣ защиту нашли, а нынче иноковъ православныхъ погубить хочешь... Воспользовался тѣмъ, что пречестного отца Іосифа съ нами нѣтъ...

— А ты, собака,—бросился онъ къ Вассіану,—зря избавили тебя отъ костра...

А Серапіонъ между тѣмъ выговаривалъ Паисію, вспоминая ему и игуменство у Сергія...

Но Іоаннъ рѣзкимъ и властнымъ голосомъ потребовалъ прекращенія безчинства. Затѣмъ, обращаясь къ собору, онъ проговорилъ:

— Пречестные архинастыри, отцы и братіе! Думалъ я, что покончили мы дѣла наши, анъ не такъ выходитъ. Чтожъ, вопросъ, предложенный пречестнымъ старцемъ Ниломъ, великой важности, и разрѣшить его нужно скоро... Самъ я сильно истомился, такъ что ты, владыко,—обратился онъ къ митрополиту, — благослови мнѣ съ сыномъ оставить васъ, а вы бы сами поразмыслили надъ симъ дѣломъ да и рѣшили его. Мыслию я, что не обойтись вамъ безъ пречестного игумена волоцкаго. Спосылайте за нимъ да и, не мѣшкая, за дѣло съ Богомъ...

Іоаннъ и Василій ушли, а члены собора, посланные немедленно за Іосифомъ, начали между собой предварительное обсужденіе вопроса, который былъ весьма сложенъ.

„Къ русскому монашеству на самыхъ первыхъ порахъ его существованія былъ присоединенъ элементъ вотчинный. Еще при жизни Θεодосія Печерскаго его монастырь надѣляется территоріальной собственностью, получаетъ села, которыми завѣдуетъ съ помощью различныхъ тиуновъ, приставниковъ и слугъ. Съ XII вѣка входитъ уже въ общее обыкновеніе, что монастыри владѣютъ землею съ живущими на ней людьми. Насколько это соотвѣтствовало основнымъ принципамъ первобытнаго восточнаго монашества и въ какой степени въ этомъ случаѣ за русское монашество должно отвѣчать монашество греческое, послужившее для нашего и источникомъ, и образцомъ,—объ этомъ говорить намъ нѣтъ нужды; для насъ достаточно замѣтить, что вотчинный элементъ по мѣрѣ своего развитія на несвойственной для него почвѣ сильно способствовалъ деморализаціи монастырской жизни. На самыхъ первыхъ страницахъ нашей исторіи летописецъ замѣчаетъ: „Мнози бо монастыри отъ царь и отъ боярь, и отъ богатства поставлени, но не суть таци, каци поставлени слезами, пощеніемъ, молитвою,

бдѣніемъ“. Такъ при самомъ уже началѣ монахи многихъ монастырей не были способны внушить къ себѣ уваженіе, не были способны благотѣтельно дѣйствовать на общество. Въ послѣдующія столѣтія монастырскія богатства быстро растутъ; въ XVI вѣкѣ ихъ владѣнія достигаютъ трети всей государственной территории. Во владѣнія иного монастыря стали входить не только деревни и селенія, но города и цѣлыя области. Наряду съ этимъ развивается и деморализація монастырской жизни, достигая къ началу и половинѣ XVI вѣка страшныхъ размѣровъ.

Люди, строго смотрѣвшіе на призваніе инока, не могли не сознать всего противорѣчія между иноческими обѣтами нестяжательности и дѣйствительностью. Уже преп. Ѳеодосій Печерскій († 1074 г.) въ принципѣ „не хотѣше никакоже прилога творити къ монастырю, но бѣ вѣрою и надеждою къ Богу воскланяся, якоже паче не имѣти упованія имѣніемъ“, — хотя на практикѣ, „имѣя подѣ собою стадо людей болѣе слабыхъ вѣрою, чѣмъ онъ самъ“, онъ и долженъ былъ поступать иначе. Идеальныя стремленія Ѳеодосія митрополитъ Кипріанъ († 1406 г.) прямо выражаетъ въ своемъ посланіи къ одному игумену, спрашивавшему его, можно ли принять въ монастырь село, которое дарилъ какой-то князь: игумень и самъ, слѣдовательно, сомнѣвался въ нравственной правотѣ этого дѣла. Митрополитъ отвѣчаетъ ему: „Какъ можно однажды отрешенію отъ міра и всего мірскаго снова связывать себя мірскими дѣлами, снова созидать то, что самъ же разрушилъ, и такимъ образомъ быть преступникомъ своихъ обѣтовъ?.. Древніе отцы не приобрѣтали себѣ ни селъ, ни стяжаній. Только послѣ, когда мало-помалу ослабѣла прежняя строгость, монастыри и скиты стали владѣть селами и другими имуществами“. Преп. Сергія Радонежскаго († 1396 г.) Іосифъ Волоцкій приводитъ въ примѣръ нестяжательности, замѣчая, что

„во обители блаженнаго Сергія и самыя книги не на хартіяхъ писаху, но на берестѣхъ, самъ же блаженный Сергій таковы ризы худы скропаны пошаше, яко множицею не познаваемъ бываше отъ приходящихъ, но мняху его единого отъ проситель быти“. Въ похвальномъ словѣ Сергію его ученика Елифанія замѣчается: „Ничто же не стяжа себѣ притязанія на земли, ни имѣнія отъ тѣннаго богатства... ни селъ красныхъ“. „Толику же нищету и нестяжаніе имѣяху“ и многіе другіе современные ему русскіе подвижники...

Идеалы нестяжательнаго иночества начинаютъ за-
являться въ XV—XVI вѣкѣ и книжными людьми—въ
житіяхъ нѣкоторыхъ святыхъ... Въ житіи Варлаама
Хутынскаго († 1192 г.) рассказывается, какъ онъ
передъ своимъ постриженіемъ раздалъ бѣднымъ все
свое имущество и, поселившись на берегу Волхова,
„начать землю собою дѣлати, яко да отъ своихъ потъ,
а не отъ чужихъ, питается“... Ту же мысль встрѣчаемъ
въ житіяхъ Дмитрія Прилуцкаго († 1392 г.), Діонисія
Глушицкаго. Житіе Павла Обнорскаго († 1429 г.), гдѣ
рассказывается, какъ этотъ подвижникъ прожилъ пят-
надцать лѣтъ въ совершенномъ удаленіи, вблизи Сер-
гіева монастыря, и еще три года въ Комельскомъ
лѣсу, въ дуплѣ дерева, изображаетъ уже крайнюю
степень иноческаго „безымѣнства“.

Несовмѣстимость обѣтовъ иночества, отрекающагося
„отъ всего міра и яже въ немъ“, съ громадными фи-
нансовыми, территоріальными и промысловыми богат-
ствами монастырей въ XIV—XV вв. стала созна-
ваться также и народной массой, по крайней мѣрѣ ея
грамотными представителями. По исконно-русскому воз-
зрѣнію, богатство монастырей—„бѣдныхъ богатство“;
между тѣмъ въ XV—XVI вв. монастыри переставали
уже служить этому религіозно-общественному своему
назначенію. „Ежедневный опытъ давалъ понимать всѣмъ
и каждому, что монастырскія богатства идутъ не на

одно добро“... И вотъ, въ житіяхъ святыхъ, составляемыхъ около этого времени, являются рассказы о томъ, какъ святые угодники Божіи встають изъ своихъ могилъ и наказываютъ монастырскихъ властей за пренебреженіе къ „нищей братіи“... Рядомъ съ этими рассказами въ народѣ заявляются и болѣе смѣлыя мнѣнія. Когда возникла ересь стригольниковъ, на нихъ стали указывать, какъ на примѣръ для иноковъ: „Вотъ они не грабятъ, имѣнія не собираютъ“. А книжные еретики, вышедшіе изъ той же народной массы, прямо говорятъ: „Не достойтъ... приноса за мертвыхъ приносить въ церкви, ни пировъ (монастырскихъ „кормовъ“) творити, ни милостыню давати за душу умершаго“,—направляя, такимъ образомъ, возраженіе противъ главнаго источника монастырскихъ богатствъ. Враждебное настроеніе общества противъ монастырскихъ имуществъ вообще было довольно значительное: несмотря на постоянную и весьма усердную проповѣдь представителей іерархіи о полной неприкосновенности церковной и монастырской собственности, случаи нарушенія были нерѣдкіе. Примѣры захвата церковныхъ земель князьями встрѣчаются у насъ уже съ XII вѣка; въ XIV и XV вв. новгородцы и псковичи, „вставляя нѣкая тщетная словеса и мудрствуя себѣ плотская, а не духовная“, нѣсколько разъ отбираютъ у церквей и монастырей земли и угодья; на монастыри иногда открыто нападаютъ народныя толпы, говоря: „Здѣсь житницы боярскія“. Нѣсколько позднѣе „злохульные новгородскіе еретики“ не поднимаютъ даже вопроса о монастырскихъ имуществѣхъ: они въ принципѣ отвергаютъ самое монашество, называя иноковъ „отступниками пророческаго, евангельскаго и апостольскаго ученія, которые сами измыслили себѣ образъ жизни и держатся не божественныхъ, а человѣческихъ преданій“.

Такова была религіозно-нравственная сторона вопроса, которая прежде всего бросалась въ глаза. Съ

этой стороны больше всего смотрѣлъ на дѣло и преп. Нилъ Сорскій. Но были и другія стороны. Народъ и общество относились враждебно къ монастырскимъ имуществамъ часто по самой экономической постановкѣ дѣла. Вновь возникавшимъ монастырямъ князья нерѣдко жертвовали земли, которыя до этого времени находились въ рукахъ крестьянъ или другихъ частныхъ владѣльцевъ. „Нерѣдко происходило, что крестьяне прогоняли отъ себя монаховъ, которые поселялись на сосѣднихъ пустопорожнихъ земляхъ и полагали здѣсь основаніе монастырю,—прогоняли именно изъ страха, чтобы пришельцы въ послѣдствіи не завладѣли ихъ землями и селами“. (проф. А. С. Архангельскій).

XIX.

Іосифа догнали на полдорогѣ въ его обитель. Когда волоцкій игуменъ выслушалъ рассказъ о происшедшемъ, онъ, сколько было возможности, поспѣшилъ въ Москву. Тамъ уже Геннадій и сторонники новгородскаго владыки съ нетерпѣніемъ ждали его.

На слѣдующій же день состоялось новое засѣданіе собора. Прежде всего было предложено высказаться тому, кто поднялъ все это дѣло,—Нилу. Великій старецъ спокойно повторилъ то, что говорилъ вчера Іоанну. Не успѣлъ Нилъ докончить своихъ словъ, какъ его перебилъ нетерпѣливый Вассіанъ, который непременно хотѣлъ высказать то, что наболѣло у него въ сердцѣ.

— Въ иноческомъ образѣ, — говорилъ онъ между прочимъ, — строимъ себѣ каменные ограды и палаты, позлащенные узоры съ многоцвѣтными травами; кельи украшаемъ наподобіе царскихъ чертоговъ; покоимъ себя брашнами и пьянствомъ; пользуемся отъ міра всѣмъ лучшимъ и завиднѣйшимъ, тогда какъ лучшая пища и лучшее питье подобаетъ труждающимся на насъ мірянамъ...

— Молчи, собака, — крикнулъ Геннадій, стуча о полъ посохомъ,—говорилъ я зря пожалѣли для тебя костра; ну, еще дождешься его...

Митрополитъ оставилъ Геннадія и разрѣшилъ говорить Іосифу, который направилъ свою рѣчь главнымъ образомъ къ Нилу.

— Села отъ монастырей отъяти хочешь, отче, — говорилъ онъ,—а того не помыслилъ, что безъ имѣній святыя обители и совсѣмъ перестанутъ существовать. Вѣдь для обители нужны храмы, а ихъ нужно же на что-нибудь не только создавать, но и поддерживать. А хлѣбы, еиміамъ, свѣчи на церковныя службы гдѣ взять? Что дѣлать священнослужителямъ, чтецамъ, пѣвцамъ, коли пищи и одежды у нихъ нѣтъ: если они начнутъ сами добывать себѣ необходимое для жизни, то не останутся ли храмы пусты? Вотъ посему благочестивые епископы и князья изначала у насъ надѣляли свои монастыри вкладами, землями, селами, помышляя о томъ, чтобы и по смерти ихъ эти обители не пали, не разорились отъ недостатка средствъ къ существованію... А спастись можно и въ вотчинныхъ монастыряхъ: неужели забудемъ Θεодосія, общему житію начальника, Аѳанасія аѳонскаго, Антонія и Θεодосія печерскихъ? Обители всѣхъ ихъ владѣли селами. А коли и есть иноки, чрезъ прилежаніе къ селамъ небрегушіе своимъ спасеніемъ, такъ чрезъ одного грѣшника не считать же грѣшными всѣхъ, кто съ нимъ живетъ... Подумай и о томъ. отче: коли странники, нищіе и больные придутъ въ обитель, откуда взять, чтобы убоготворить ихъ?.. Да и то забылъ ты, что обители наши издревле разсадники руководителей нашей церкви, а коли отнимутся у нихъ села, что будетъ? Какъ тогда честному и благородному человѣку постричься? А если не будетъ честныхъ старцевъ, откуда взять на митрополию или архіепископію, или епископію, и на всякія честныя власти? А когда не

будеть честныхъ и благородныхъ старцевъ, тогда и вѣрѣ будетъ колебаніе...

Когда Іосифъ окончилъ, заговорилъ Нилъ, заговорилъ тихимъ, скорбнымъ голосомъ. Онъ началъ съ того, что волоцкій игумень ошибается въ самомъ корнѣ—во взглядѣ на монашество, которому старается придать какой-то слишкомъ внѣшній характеръ; между тѣмъ глубочайшая сущность и цѣль иночества не вовнѣ, а внутри души, въ постиженіи живущаго въ ней Бога; и что если захотѣть только этого, тогда не нужно будетъ ни храмовъ великолѣпныхъ, ни особаго штата чтецовъ, пѣвцовъ, ни всего того, о чемъ говоритъ Іосифъ; не нужно будетъ тогда и заманивать въ обители „честныхъ“ и „благородныхъ“, ибо обители—убѣжища ушедшихъ отъ міра, а не разсадники властителей; тогда, наконецъ, измѣнится и самый взглядъ на то, кто достоинъ и кто недостоинъ „на честныя власти“, ибо ясно станеть, „что познавшій въ себѣ Бога ближе къ Нему и достойнѣе въ глазахъ людей, чѣмъ „благородный“ и „честный“...

Тихимъ, проникновеннымъ голосомъ говорилъ Нилъ собору о томъ, о чемъ неоднократно бесѣдовалъ со своими учениками. Но слова великаго старца, звавшія пересмотрѣть въ самомъ корнѣ взгляды на все, были для большинства собравшихся такъ новы, чужды и непонятны, что на нихъ не захотѣли обратить вниманія и восторженно привѣтствовали мнѣніе смѣлаго и горячо преданнаго своей идеѣ Іосифа.

Это мнѣніе восторжествовало. И митрополитъ Симонъ отъ лица якобы всѣхъ собравшихся послалъ великому князю отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ не были изложены самыя разсужденія, а только вкратцѣ приведены историческія и юридическія основанія того рѣшенія, къ какому пришелъ соборъ. Затѣмъ по желанію великаго князя въ его присутствіи Іосифъ и другіе въ подтвержденіе соборнаго рѣшенія читали

различныя выписки изъ житій святыхъ, изъ узаконеній греческихъ царей, изъ священныхъ книгъ, изъ правилъ соборныхъ и, въ особенности, изъ русской исторіи. Великій князь принужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ Іосифа и его приверженцевъ...

Соборъ имѣлъ еще одно, послѣднее, засѣданіе, и послѣ этого его рѣшеніе было утверждено Іоанномъ.

Въ то время, какъ все это происходило, Нилъ торопливо направлялъ свой путь къ Сорскимъ берегамъ. Непонятый, одинокій въ своемъ взглядѣ на задачи иночества и вообще духовной жизни, онъ поспѣшно уходилъ изъ міра, чтобы уже больше не возвращаться къ нему...

Съ этихъ поръ Нилъ уже не принималъ никакого участія въ общественной жизни. Ученики его, подъ именемъ „заволжскихъ старцевъ“, и среди нихъ особенно Вассіанъ, подняли горячую борьбу противъ Іосифа и его послѣдователей, — но самъ Нилъ уже не вмѣшивался въ эту борьбу...

Тихо, мирно протекала жизнь великаго старца въ созданной его усиліями обители-пустыни...

7 мая 1508 г. онъ такъ же тихо и спокойно отошелъ въ вѣчность...

Послѣ смерти Нила ученики его среди многочисленныхъ „списаній“ великаго старца нашли слѣдующее его завѣщаніе:

„Молю я, недостойный Нилъ, моихъ господій и братій, единомысленныхъ мнѣ: по кончинѣ моей повергните мое тѣло въ пустынь на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, ибо много оно согрѣшило Богу и недостойно честного погребенія. Если же почему-либо не исполните сего, то выконайте яму въ томъ мѣстѣ, гдѣ живемъ, и бросьте меня въ нее съ безчестіемъ. Бойтесь при семъ словъ Арсенія Великаго, сказанныхъ имъ своимъ ученикамъ въ завѣщаніи: „На судѣ съ вами стану,

если кому отдадите мое тѣло“. Ибо я и самъ старался, сколько было моихъ силъ, не получить никакой славы вѣка сего ни при жизни, ни послѣ смерти. Молю всѣхъ, да помолятся о душѣ моей грѣшной; прощенья прошу у всѣхъ, и отъ меня прощенье да будетъ. Богъ да проститъ всѣхъ насъ“!..

Къ глубокому прискорбію, желаніе Нила быть забытымъ послѣ смерти исполнилось: одинокій, чуждый міру при жизни, онъ остался такимъ же для него и послѣ смерти...

Конецъ.

Рис
24015
/9017

Дешевая библиотечка Русскаго Паломника.

Св. Адрианъ и Наталія. Церковно-историч. пов. Д. Алексича. Изд. 2-е. 139 стр. Цѣна 25 коп.

Анаѣнсты. Библиограф. замѣтки. Ц. 5 к.
Алосей изъ Назарета. Видъ и нравы галилейскіе во время земной жизни Христа Спасителя. 40 стр. Ц. 10 к.

Апология Св. Кіевскихъ пощей. Соч. Арх. *Феофана* (Прокоповича). 36 стр. Ц. 10 к.

Бен-Гуръ. Разсказъ изъ временъ земной жизни Іисуса Христа. Сочин. *Уоллеса*, б. послан. С.-А. Штатовъ, въ Турціи. 418 стр. Ц. 75 к.

Бесѣды христіанскаго семейства. Изъ «Часовъ Благословенія». 73 стр. Ц. 10 к.

Библія и наука. Историч. разъясненія къ Вѣтхому Завету. Проф. *З. Раулинсона*. Ц. 25 к.

Учен. Ком. М. Нар. Пр. ДОПУЩЕНО въ библи. средн. учебн. завед.

Благословенныя размышленія о жизни и страд. Христа Спасителя. 130 стр. Ц. 25 к.

Благочестивыя христіанскія странствованія. Изъ соч. Игумена *Марка*. 230 стр. Ц. 20 к.

Бытовые очерки современной Палестины. Соч. *С. Кончилловича*. 170 стр. Ц. 25 к.

Вѣчное чудо христіанской вѣры. Страданія І. Х., описанныя за 1500 лѣтъ до Рождества Христова. 26 стр. Ц. 5 к.

Гласъ пастыри, или бесѣды священника со своими прихожанами. 154 стр. Ц. 25 к.

Григорій Богословъ (Святый). Избран. творенія и его жизнеописаніе. Сост. подъ ред. Пресв. *Никанора*, еп. Смоленск. 262 стр. Ц. 75 к.

Учен. Ком. М. Нар. Пр. ОДОБРЕНО для ученія, ст. возр., библиот. всѣхъ средн. учебн. завед.

Дневникъ Протоіерея Іоанна Сергіева («Кронштадтскаго»). 118 стр. Ц. 25 к.

Духовныя размышленія свѣтскаго человека. Ц. 10 к.

Душа. Изъ твореній еписк. *Юліи Миняты*. Ц. 5 к.

Задумешное слово. Сборникъ духовн. стихотвореній изъ сочин.: *К. Р., Хомякова, Тютчева, Майкова, Языкова, Полонскаго, Глинки* и др. 128 стр. Ц. 25 к.

Защитники христіанства (Апологиеты). Проф. Каз. дух. акад. *И. П. Ревверсова*. 224 стр. Ц. 50 к.

Учен. Комит. М. Н. Пр. ДОПУЩЕНО въ учен., старш. возраста, библи. всѣхъ средн. учебн. завед.

Избранныя творенія изъ душеспасительныхъ поученій *Платона*, митр. Московскаго. Бол. томъ, болѣе 500 стр. Ц. 75 к.

Св. Іоаннъ Златоустъ. Его жизнь и дѣятельность. Сост. іеромон. *Феодосій*, подъ ред. Пресв. *Никанора*, еп. Орловск. 120 стр. Цѣна 25 к.

Св. Іоаннъ Златоустъ. Его избранныя творенія. 228 стр. Цѣна 25 к.

Каллиста. Повѣсть изъ жизни кареагенскихъ христіанъ. 195 стр. Ц. 25 к.

Книга бытія шого (Изъ воспомин. о Востокахъ). Еп. *Порфирія* (Успенск.). 194 стр. Цѣна 25 к.

Князь-мученикъ. Историч. повѣсть. Цѣна 25 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. ДОПУЩЕНО въ учен. библи. всѣхъ учебн. завед. мин. средн. и низш. и въ безпл. нар. читальни.

Конецъ Іуды. Древне-историческая пов. *С. Кончилловича*. 168 стр. Ц. 25 к.

Константинопольское монашество отъ основ. города до кончины Патріарха *Фотія* (330—898). Соч. *Аб. Марена*. 306 стр. Цѣна 50 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. пр. ДОПУЩЕНО въ учен., старш. возр., библи. сред. учебн. завед. мин. и въ учит. библи. назнч. училищъ.

О Крестѣ Христовомъ противъ раскольниковъ, соч. о. *Іоанна Сергіева* («Кронштадтскаго»). 125 стр. Цѣна 35 к.

Курская святыня. *Ө. Четыржина*. 16 стр. Цѣна 5 к.

Милости Божія къ народу русскому и его правителямъ. Отъ крещенія Руси до татарск. нашествія 988—1237 г. *Мяжкова*. 200 стр. Цѣна 25 к.

Милости Божія отъ татарскаго нашествія до нашихъ дней. 200 стр. Ц. 25 к.

Мученичество Христа. *С. П.* 28 стр. Цѣна 10 к.

Наши заграничныя миссіи. Очеркъ о русскихъ духовныхъ миссіяхъ. *С. Архангелова*. 208 стр. Цѣна 25 к.